ИЗСЛѢДОВАНІЕ

ВЪ ОБЛАСТИ ГРЕЧЕСКАГО

МѢСТОИМЕНІЯ.

А. Добіаша.

(Изъ „Изв. Ист.-фил. инст. кн. Безбородко въ Нѣжинѣ“ за 1877 г).

КІЕВЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ В. И. ДАВИДЕНКО, ПО МИХАЙЛОВСКОЙ УЛИЦѢ ВЪ СОБСТВЕННОМЪ ДОМѢ.

1877.

Печатано по опредѣленію Конференціи Института князя Безбородко въ Нѣжинѣ.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
1292
65

Предисловіе.

Предлагаемая мною работа вызвана была мыслію опредѣлить значеніе мѣстоименія ὁ [1]) въ гомерическихъ поэмахъ. Споръ, существующій до сихъ поръ между филологами относительно того, есть ли у Гомера слово ὁ ἡ τό „указательное", какъ выражаются, мѣстоименіе, или „собственный членъ", а также разногласіе ихъ на счетъ черты, разграничивающей первое отъ послѣдняго, казалось мнѣ, можно будетъ устранить, выработавъ болѣе правильный, въ сравненіи съ существующимъ теперь, взглядъ на симазіологію греческаго мѣстоименія вообще. Но принявшись за исполненіе такой задачи, я убѣдился, что ее необходимо разширить. Во первыхъ уже развитіе исходной точки, того взгляда на симазіологію мѣстоимѣнія, о которомъ мы только что упомянули, требовало себѣ болѣе широкой почвы, чѣмъ какую могъ дать мнѣ разборъ одного слова ὁ ἡ τό; а потомъ само ὁ ἡ τό нѣкоторыми сторонами своего значенія соприкасается съ другими 3-мя, даже 4-мя мѣстоимѣніями, значеніе которыхъ, за исключеніемъ одного, также не выяснено до сихъ поръ, какъ и значеніе слова ὁ. Говоря о неясности значенія нѣкоторыхъ мѣстоименій, мы имѣемъ въ виду слова αὐτός и οὗ, οἵ, ἕ, вмѣстѣ съ замѣняющимъ иногда и то и другое мѣстоименіе словомъ μίν (νίν); всѣ они, вмѣстѣ съ ὅς (который) и ὁ, въ симозіологіи греческаго мѣстоименія, извѣстными оттѣнками своего значенія составляютъ узелъ, отъ котораго уже потомъ въ разныя стороны направляются другіе оттѣнки ихъ значенія. Наша новая, расширенная задача состоитъ въ томъ, чтобы разсмотрѣть, куда какое изъ этихъ

[1]) Читатель не будетъ упрекать меня въ употребленіи термина „мѣстоименіе" о словѣ ὁ ἡ τό; хотя я тутъ, что называется, плыву противъ теченія, однако я убѣжденъ, что терминъ этотъ болѣе правиленъ, чѣмъ терминъ „членъ".

словъ направляется, и развязать самый узелъ, который до сихъ поръ обыкновенно разсѣкали, если не обходили полнымъ молчаніемъ. На сколько намъ удастся разрѣшить эту нашу задачу, объ этомъ будетъ судить снисходительный читатель. Наблюденія мы производили въ большинствѣ случаевъ надъ тѣмъ же Гомеромъ, по причинѣ, которая нами будетъ указана въ самой работѣ.

Нѣжинъ 1877 г.

А. Добіашъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Опредѣленіе задачи.

I.

Относя терминъ *указательное мѣстоименіе* къ греческой грамматикѣ, мы обыкновенно и прежде всего имѣемъ въ виду слова: οὗτος, ἐκεῖνος и ὅδε. Терминомъ этимъ, конечно, мы вовсе не хотимъ сказать, что достаточно только одного произнесенія этихъ словъ, чтобы слушатель вполнѣ уже могъ сознавать предметы, о которыхъ толкуетъ говорящій: такихъ *чисто указательныхъ мѣстоименій* вообще нѣтъ въ языкѣ; наблюдая же въ частности за словами οὗτος, ἐκεῖνος и ὅδε, мы замѣчаемъ, что ихъ всегда приходится обставлять другими пояснительными средствами, чтобы не осталось непонятнымъ для слушателя, какой собственно предметъ говорящій имѣетъ въ виду при произношеніи этихъ указательныхъ мѣстоименій. Такимъ пояснительнымъ средствомъ можно назвать уже то обстоятельство, что наши указательныя мѣстоименія имѣютъ родовыя окончанія, примѣняющіяся къ грамматическому роду того предмета, къ которому ихъ относитъ говорящій; дальше мы видимъ, что часто съ указательными мѣстоименіями соединяется названіе самаго предмета, къ которому оно относится (мы говоримъ напр.: τοῦτο τὸ δένδρον), обозначается даже мѣсто, на которомъ находится предметъ (τοῦτο τὸ δένδρον τὸ ἐν τῷ πάτῳ), указывается на разные признаки предмета, по которымъ легче было бы его узнать (τοῦτο τὸ δένδρον τὸ ὑψηλόν) и пр. Однако всѣ эти пояснительныя средства оказываются слабыми противъ одного, которое только и можетъ считаться вѣрнымъ руководителемъ для слушателя, наводящимъ его на предметъ разговора: это именно жестъ. Жестъ необходимъ при ук. мѣстоименіи; указат. же мѣстоименіе *дѣйствуетъ только на волю слушателя, вызывая его обратить вниманіе на тотъ предметъ, на который указываетъ жестъ.* Въ од. 13, 344 и сл., мы не можемъ представить себѣ Аѳину иначе, какъ

размахивающую руками, или употребляющую какіе бы то ни было другіе диктическіе знаки, когда она, оріентируя Одиссея на островѣ Ѳеакѣ, говоритъ:

ἀλλ' ἄγε τοι δείξω Ἰθάκης ἕδος, ὄφρα πεποίθῃς.
Φόρκυνος μὲν ὅδ' ἐστὶ λιμὴν, ἁλίοιο γέροντος,
ἥδε δ' ἐπὶ κρατὸς λιμένος τανύφυλλος ἐλαίη·
τοῦτο δέ τοι σπέος ἐστὶ κατηρεφὲς, ἔνθα σὺ πολλὰς
ἕρδεσκες Νύμφῃσι τεληέσσας ἑκατόμβας·
τοῦτο δὲ Νήριτόν ἐστιν ὄρος καταειμένον ὕλῃ.

Мы говорили до сихъ поръ только о случаяхъ, когда говорящій и слушатель имѣютъ *передъ собою* предметы, по отношенію къ которымъ употреблено указ. мѣстоименіе. Но то же указательное мѣстоименіе можетъ быть отнесено и къ предмету, *не находящемуся на горизонтѣ бесѣдующихъ*, предметъ же этотъ можетъ быть удаленъ отъ бесѣдующихъ не только *по мѣсту*, но и *по времени*. Кромѣ того, мы замѣчаемъ, что указательное мѣстоименіе можетъ быть употреблено о предметѣ или даже о мысли, съ которыми самъ говорящій посредствомъ одного только словеснаго объясненія или уже познакомилъ слушателя раньше, чѣмъ произнесено имъ указательное мѣстоименіе, или намѣренъ познакомить только послѣ его произнесенія. Нѣтъ сомнѣнія, что въ случаѣ, обозначенномъ въ послѣднемъ нашемъ пунктѣ, предметы, въ то время, когда къ нимъ говорящій относитъ указательное мѣстоименіе, представляются то же какъ бы удаленными отъ бесѣдующихъ, а именно удаленными по времени. Время это, конечно, мы измѣряемъ не причинною связью разсказываемаго, но самымъ ходомъ разсказа, и, съ одной стороны укладывая въ память разсказанное, а въ тоже самое время напрягая вниманіе на имѣющее быть разсказаннымъ, смотримъ на первое, какъ на прошедшее, а на второе, какъ на будущее, въ какое бы временное отношеніе причинная ихъ связь одно къ другому ни ставила [2]). Во избѣжаніе смѣшенія временныхъ отношеній, измѣряемыхъ причинною связью, съ временными отношеніями, измѣряемыми ходомъ разсказа, мы будемъ называть употребленіе указатель-

---

[2]) Для разъясненія моихъ словъ я представлю вотъ какой случай. Познакомивъ собесѣдника съ извѣстнымъ историческимъ фактомъ, и желая за тѣмъ объяснить причины явленія этого факта, говорящій можетъ выражаться слѣдующими словами: *этотъ фактъ* имѣлъ *вотъ какія* причины. Причины, конечно, предшествуютъ самому факту, но употребленное нами въ данномъ выраженіи указательное мѣстоименіе *этотъ* относится къ разсказанному уже, указательныя же слова *вотъ какія* относятся къ имѣющему еще быть разсказаннымъ. Примѣняясь къ терминамъ, употребленнымъ нами въ объясняемомъ этою выноскою пунктѣ, мы скажемъ, что причина относится къ факту (то и другое составляетъ здѣсь предметъ разсказа), по причинной ихъ связи, какъ предшествующее къ послѣдующему, по времени же, измѣряемому ходомъ разсказа, въ данномъ случаѣ, какъ послѣдующее къ предшествующему.

ныхъ мѣстоименій о предметѣ или мысли, представленныхъ говорящимъ слушателю прежде отнесенія къ нимъ указательнаго мѣстоименія, *эпаналептическимъ* употребленіемъ мѣстоименій, и будемъ различать это употребленіе отъ *пролептическаго*: послѣдній терминъ мы отнесемъ къ тѣмъ случаямъ, гдѣ указ. мѣстоименіе употреблено о предметѣ, имѣющемъ быть представленнымъ слушателю только послѣ произнесенія указательнаго мѣстоименія. Примѣры, имѣющіе показать на себѣ употребленіе указательныхъ мѣстоименій о предметахъ, удаленныхъ по мѣсту или по времени, а также пролептическое и эпаналептическое ихъ значеніе, мы приведемъ здѣсь слѣдующіе:

1., Аристофанъ, ὄρνιθες ст. 1158. Вѣстникъ въ ст. 1125 разсказываетъ Писѳетеру, какъ птицы построили стѣну около города, и заканчиваетъ разсказъ слѣдующими словами. καὶ νῦν ἅπαντ' ἐκεῖνα πεπύλωται πύλαις καὶ βεβαλάνωται καὶ φυλάττεται κύκλῳ. (Разсказчикъ разумѣетъ подъ словомъ ἐκεῖνα всѣ предметы, находящіеся въ городѣ, но самъ не знакомитъ съ ними въ разсказѣ слушателя: мы скажемъ, что слово ἐκεῖνος отнесено здѣсь къ предмету, удаленному отъ бесѣдующихъ *по мѣсту*).

2., Демосѳенъ, Ὀλυνθιακός 1. 16 νῦν δὲ εὑρίσκω (Φίλιππον) τὴν... ἡμετέραν εὐήθειαν... τῷ τὴν Ἀμφίπολιν φάσκειν παραδώσειν καὶ (τῷ) τὸ θρυλούμενον ἐκεῖνο κατασκευάσαι... προσαγαγόμενον. (Что это было за θρυλούμενον, это Демосѳенъ съ своими слушателями хорошо знали, но въ рѣчи его это не объясняется: ἐκεῖνο отнесено здѣсь къ предмету, отдаленному отъ бесѣдующихъ *по времени*).

3., Од. 24. 291. Лаертъ спрашиваетъ не дающаго себя узнать Одиссея:

πόστον δὴ ἔτος ἐστίν, ὅτε ξείνισσας ἐκεῖνον
σὸν ξεῖνον δύστηνον, ἐμὸν παῖδα.

(ὁ ξεῖνος есть здѣсь то же самое лицо, о которомъ Одиссей сочиняетъ разсказъ въ ст. 261, и слово ἐκεῖνος употреблено здѣсь *эпаналептически*).

4., Ил. 4. 163. εὖ γὰρ ἐγὼ τόδε (разумѣй то, что сейчасъ будетъ сообщено читателю: τόδε употреблено здѣсь *пролептически*)

...οἶδα κατὰ φρένα καὶ κατὰ θυμόν·
ἔσσεται ἦμαρ ὅτ' ἂν ποτ' ὀλώλῃ Ἴλιος ἱρὴ
καὶ Πρίαμος καὶ λαὸς ἐυμμελιέω Πριάμοιο.

Само собою разумѣется, что жесты, или другіе диктическіе знаки, въ случаяхъ, гдѣ предметъ отъ бесѣдующихъ въ вышеизложенномъ смыслѣ удаленъ, не имѣютъ уже никакого прямаго назначенія; а если они совершаются, то это бываетъ лишь только потому, что та умственная сила, которая единственно даетъ намъ возможность ознакомиться съ предметомъ, такъ сказать, осмысленно,—это именно представляющая сила,—впечатлѣвая въ самое представленіе всѣ локальныя и темпоральныя отношенія упоминаемаго въ рѣчи предмета, производитъ, въ большей или меньшей степени, у каждаго человѣка

вліяніе на движеніе тѣла, приводя это движеніе въ согласіе съ начертаніями, рисующимися въ это время въ нашемъ сознаніи и выражающими собою вышеупомянутыя пространственныя отношенія. Указательныя мѣстоименія имѣютъ въ такихъ случаяхъ цѣль *заставить насъ пополнить представленіе, развиваемое въ насъ предложеніемъ, въ которомъ поставлено это указательное мѣстоименіе, а пополняемъ мы это представленіе тѣмъ, что возстановляемъ и вносимъ въ него другое представленіе, именно представленіе предмета, съ которымъ, при пролептическомъ употребленіи указательнаго мѣстоименія, намъ предстоитъ только познакомиться въ дальнѣйшемъ разсказѣ, во всѣхъ же другихъ случаяхъ его употребленія мы познакомлены были прежде, словеснымъ ли объясненіемъ самаго разсказчика, или при какомъ бы то ни было другомъ, предшествовавшемъ употребленію указательнаго мѣстоименія, случаѣ.*

Такимъ образомъ случаи употребленія указательнаго мѣстоименія объ *удаленныхъ предметахъ* отличаются отъ употребленія ихъ *о предметахъ, находящихся на лицѣ*, тѣмъ, что здѣсь указательное мѣстоименіе заставляетъ насъ *разсматривать* предметъ, тамъ о разсмотрѣнномъ при другомъ случаѣ предметѣ *припомнить*; здѣсь мы можемъ разсматривать предметъ, съ какой стороны намъ угодно, и дѣйствуемъ при воспрининаніи его болѣе *активно*, тамъ представленіе извѣстнаго уже предмета зависитъ совершенно отъ памяти, или, въ извѣстныхъ случаяхъ, отъ того, какъ умѣлъ передать намъ его говорящій, и мы должны къ возстановленію его въ нашемъ представленіи относиться болѣе *пассивно*, не будучи въ состояніи отыскать въ немъ ничего новаго противъ того, что мы уже объ немъ знаемъ.

II

Аполлоній Дисколъ, грамматикъ, жившій, по свидѣтельству Свиды, въ половинѣ 2-го столѣтія по Р. Х. [3]), въ своемъ, вполнѣ сохранившемся, сочиненіи περὶ συντάξεως τῶν τοῦ λόγου μερῶν (см. стр. 99, 15 этого сочин. по изданію Беккера), относитъ къ указательнымъ мѣстоимѣніямъ ἐκεῖνος и οὗτος термины: δεῖξις τῆς ὄψεως и δεῖξις τοῦ νοῦ. Очевидно, что первая δεῖξις возможна, когда предметъ, на который указывается указательными мѣстоименіями, на лице, а вторая, когда этотъ предметъ въ вышеизложенномъ смыслѣ уда-

---

[3]) Свида собственно не опредѣляетъ времени жизни Аполлонія, но за то мы находимъ у него точное указаніе о времени жизни его сына Геродіана: Ἡρωδιανός, говоритъ Свида Ἀλεξανδρεύς, υἱὸς Ἀπολλωνίου, τοῦ γραμματικοῦ τοῦ ἐπικληθέντος Δυσκόλου, γέγονε κατὰ τοὺς Καίσαρα Ἀντωνῖνόν τὸν καὶ Μάρκον, (значитъ между 161 и 180 гг.) ὡς νεώτερον εἶναι καὶ Διονυσίου τοῦ τὴν μουσικὴν γράψαντος (Діонисія тотъ же Свида относитъ ко времени Гадріана) καὶ Φίλωνος τοῦ Βιβλίου (послѣдняго относитъ Свида ко времени Нерона).

ленъ отъ бесѣдующихъ. Аполлоній на томъ же мѣстѣ своего сочиненія между прочимъ выражается и такъ, что иногда-де мѣстоименія οὗτος и ἐκεῖνος οὐ δείκνυσι τὰ ὑπ' ὄψιν, ἀναφέρουσι δέ. Мы не усомнимся первую часть этой фразы привести въ связь съ вышеозначеннымъ терминомъ δεῖξις τῆς ὄψεως, а вторую съ терминомъ δεῖξις τοῦ νοῦ. Соотвѣтствующимъ этому мы находимъ у Аполлонія на стр. 101. 7 того же синтаксиса вмѣсто термина δεῖξις τῆς ὄψεως употребленіе простаго слова δεῖξις, а вмѣсто δεῖξις τοῦ νοῦ употребленіе слова ἀναφορά. Смыслъ слова ἀναφορά Аполлоній объясняетъ на стр. 98, 25 слѣдующими словами: Ἰδίωμα ἀναφορᾶς ἐστι προκατειλεγμένου προσώπου δευτέρα γνῶσις (свойство анафоры есть *возстановленіе* въ нашемъ сознаніи предмета, прежде уже представленнаго); терминъ δευτέρα γνῶσις должно противопоставить термину πρώτη γνῶσις (*освѣдомленіе*), употребленному Аполлоніемъ напр. на стр. 44. 19; послѣднее, т. е. πρώτη γνῶσις, будетъ составлять, если выражаться словами Аполлонія, ἰδίωμα τῆς δείξεως. Въ одинаковомъ значеніи съ терминомъ δευτέρα γνῶσις Аполлоній употребляетъ еще терминъ ἀναπόλησις [4]).

Такому взгляду Аполлонія на мѣстоименія, которыя мы назвали указательными, вполнѣ соотвѣтствуетъ встрѣчающаяся у него двойственность ихъ названій; онъ ихъ называетъ то δεικτικά, то ἀναφορικά. Къ нимъ, какъ къ однороднымъ, онъ присоединяетъ еще слова: αὐτός, ἐγώ, σύ, οὗ (μίν) и произведенныя отъ послѣднихъ притяжательныя ἐμός, σός, ὅς. Мы находимъ здѣсь присоединеніе притяжательныхъ мѣстоименій къ словамъ ἐγώ, σύ и οὗ правильнымъ, такъ какъ первыя отъ послѣднихъ ничѣмъ не отличаются по отношенію къ теоріи диксиса и анафоры; они суть ничто иное, какъ синтаксически склоняемыя формы, употребляемыя вмѣсто синтасически неизмѣняемыхъ родительныхъ падежей ἐμοῦ, σοῦ и οὗ.—Всѣ эти вышепоименованныя слова, вмѣстѣ съ словами οὗτος, ἐκεῖνος и ὅδε, составляютъ у Аполлонія особую часть рѣчи, называемую имъ ἀντωνυμία [5]). Его опредѣленіе антонимии помѣщено въ его сочиненіи περὶ ἀντωνυμίας стр. 10. 3 и гласитъ такъ: ἀντωνυμία ἐστὶ λέξις ἀντὶ ὀνόματος προσώπων ὡρισμένων παραστατική (антонимія есть часть рѣчи, которою мы располагаемъ—такой смыслъ лежитъ въ словѣ παραστατική — вмѣсто имени существительнаго для обозначенія предмета опредѣленнаго). Объ ὁρισμός (опредѣленіи) предмета, какъ можно догадаться изъ

---

[4]) Περὶ συντ. 29. 10. Аполлоній говоритъ о тѣхъ случаяхъ рѣчи, въ которыхъ мы познакомившись съ чѣмъ нибудь, потомъ указываемъ на это, какъ на извѣстное (возстановляемъ въ нашемъ сознаніи извѣстный намъ уже предметъ) и выражаетъ эту мысль такъ: ἀναλαβοντες τὴν γνῶσίν τινος ὡς προδεδιδαγμένοι τὴν κατ' αὐτοῦ ἀναπόλησιν παρεμφαίνομεν.

[5]) Что слово ἀντωνυμία не заключаетъ въ себѣ у Аполлонія всѣ слова, которыя вмѣщены въ понятіе нашего слова мѣстоименіе, на это указалъ между прочимъ Шеманъ въ своемъ сочиненіи: Die Lehre von den Redetheilen nach den Alten dargestellt, стр. 109.

всего предыдущаго, и какъ Аполлоній на двухъ мѣстахъ особо объясняетъ[6]), можетъ быть рѣчь тогда, когда или самъ предметъ находится на лице, или когда мы въ состояніи въ нашемъ сознаніи вызвать представленіе о немъ, на основаніи или собственныхъ наблюденій, произведенныхъ надъ нимъ въ какомъ нибудь другомъ случаѣ, или свѣдѣній, полученныхъ объ немъ посредствомъ разсказа.

Всѣ слова, подведенныя Аполлоніемъ подъ антонимію, раздѣлены имъ же на три разряда: на исключительно диктическія, на исключительно анафорическія и на обоюдныя. Исключительно диктическими Аполлоній объявляетъ мѣстоименія ἐγώ, σύ, какъ принадлежашія первому и второму лицамъ; исключительно анафорическими онъ признаетъ οὗ οἵ, ἕ, μίν; обоюдными считаетъ οὗτος, ἐκεῖνος и ὅδε. Исключительно анафорическія и обоюдныя мѣстоименія относятся, по мнѣнію Аполлонія, къ грамматическому 3-му лицу [7]).

Въ томъ мѣстѣ Аполлоніевой грамматики, изъ котораго мы почерпнули вышеприведенное распредѣленіе антонимии, особенными словами упоминается еще о словѣ αὐτός. Мы этимъ указаніемъ не можемъ здѣсь воспользоваться, такъ какъ оно могло бы насъ легко ввести въ недоумѣніе (оно сдѣлается для насъ яснымъ въ другомъ мѣстѣ нашего сочиненія); принимая же во вниманіе другія мѣста этой грамматики, въ которыхъ упоминается объ αὐτός, мы можемъ сказать, что Аполлоній и αὐτός принималъ за исключитель-

---

6) Περὶ συντ. 101. 10 читаемъ слѣдующее: ἀναφερόμεναι αἱ ἀντωνυμίαι ὁρίζονται καθὸ τὰ πρόσωπα ἐγνώσθη (поелику намъ предметъ уже извѣстенъ), καὶ δεικνύμεναι, καθὸ τὰ πρόσωπα ὑπ' ὄψιν ἐστί (когда предметы находятся на лице).—Сравни еще περὶ ἀντ. 10. 13, гдѣ говорится: Εἰ τὰ δεικνύμενα ὁρίζεται,—καὶ τὰ ἀναφερόμενα γνῶσιν ἐπαγγέλλεται προυφεστῶσαν,—ὅ ἐστιν πάλιν πρόσωπον ὡρισμένον,—ὀρθῶς ἄρα ὡρισμένων πρασώπων παραστατικὴ ἡ ἀντωνυμία. Мѣсто это раздѣлено нами на 4 части, смыслъ и взаимную связь которыхъ мы должны понимать такъ: Если предметы, находящіеся на лице, этимъ самымъ уже даютъ возможность ὁρίζεσθαι= быть опредѣленными, т. е. быть извѣстными по признакамъ, принадлежащимъ имъ какъ индивидуумамъ,—то опять съ другой стороны то представленіе о предметѣ, возстановить которое говорящій заставляетъ насъ посредствомъ антонимии, основано на свѣдѣніяхъ, собранныхъ нами при другомъ какомъ нибудь случаѣ о предметѣ, опять таки, какъ объ индивидуумѣ,—такъ что и въ послѣднемъ случаѣ можно говорить о предметѣ, какъ объ ὡρισμένον,—а потому, говоритъ Аполлоній, правильно я опредѣляю антонимію, если въ ней указываю на ὁρισμόν τῶν προσώπων.

7) Аполлоній περὶ ἀντ. 10. В. говоритъ: Πᾶσα ἀντωνυμία ἢ δεικτικὴ ἐστιν ἢ ἀναφορική· αἱ κατὰ πρῶτον καὶ δεύτερον πρόσωπον μόνως δεικτικαί, αἱ κατὰ τὸ τρίτον καὶ δεικτικαί καὶ ἀναφορικαί, ἐκεῖνος ὅδε, οὗτος... αἱ ὑπολειπόμεναι ἀναφορικαί, ἵ, οὗ, οἵ, ἕ. О мѣстоименіи μίν, какъ ἰσοδυναμοῦσα (имѣющее одинаковое значеніе) съ энклитическимъ ἑ, ср. περὶ ἀντ. 107 C

ное ἀναφορικόν [8]), и относитъ его, наравнѣ съ словами οὗτος, ἐκεῖνος и ὅδε, къ грамматическому 3-му лицу [9]).

Такими же исключительными ἀναφορικά Аполоній считаетъ еще слова: ὁ, ἡ, τό и ὅς, ἥ, ὅ; то и другое вмѣстѣ составляютъ у него въ грамматикѣ особую часть рѣчи, подъ названіемъ ἄρθρον; первое изъ нихъ называется имъ ἄρθρον προτακτικόν, второе ἄρθρον ὑποτακτικόν [10]).

III 1.

Въ грамматикѣ ученика Аристарха, Діонисія Оракійскаго [11]), въ книгѣ общеизвѣстной древнимъ ученымъ и служившей для нихъ элементарно-основною [12]) (изданной Беккеромъ въ его »Anecdota«), опредѣленіе антониміи почти ничѣмъ не отличается отъ опредѣленія, которое представляетъ намъ

---

[8]) Сопоставляя обоюдныя мѣстоименія съ словомъ αὐτός, Аполлоній всегда называетъ первыя, за неимѣніемъ для нихъ особаго термина, δεικτικά, а слово αὐτός—ἀναφορικόν. Сравни: Περὶ ἀντ. 41 C: Αἱ εἰς ος λήγουσαι ἀντωνυμίαι μονοπρόσωποι, ὀρθοτονούμεναι μὲν καὶ δεικτικαὶ οὖσαι, διὰ τοῦ ι ἐπεκτείνονται χωρὶς ζητῆς αὐτός· αὕτη γὰρ ἀναφορικὴ οὖσα οὔτε ἐπεκτείνεται οὔτε μόνως ὀρθοτονεῖται. Переводъ этого мѣста. Кончащіяся на ος мѣстоименія одноличныя (разумѣй слова οὗτος, ἐκεῖνος, αὐτός; Аполлоній ихъ называетъ одноличными въ отличіе отъ словъ ἐμός, ὅς, которыя тоже оканчиваются на ος, но будутъ уже „двуличными“, потому что въ *основѣ* ихъ формы указывается на лицо, которому принадлежитъ извѣстный предметъ, *окончаніемъ* же своимъ относятся къ предмету, который кому-либо присвоивается. Объ этомъ сравни Аполлонія περὶ συντ. 62. и слѣд.) не бываютъ энклитическими (ὀρθοτονοῦνται), суть диктическія и распространяютъ свои формы посредствомъ ι (сравни наприм. οὑτοσί, τουτουί и т. д.), за исключеніемъ слова αὐτός, это послѣднее, *какъ анафорическое* (sic!) не распространяетъ своихъ формъ посредствомъ ι и бываетъ иногда энклитическимъ (объ энклизисѣ слова αὐτός будемъ говорить ниже). Тоже самое Аполлоній подтверждаетъ περὶ ἀντ. 46. Сравни еще περὶ συντ. 88. 1 100. 1.

[9]) Περὶ ἀντ. 80. А. Аполлоній борется съ тѣмъ взглядомъ нѣкоторыхъ грамматиковъ, по которому слово αὐτός объясняется какъ общее всѣмъ лицамъ мѣстоименіе, и говоритъ, что это слово само по себѣ принадлежитъ только 3-му лицу (αὕτη μέντοι κατ' ἰδίαν τρίτου —разумѣй προσώπου—ἐστίν).

[10]) О пониманіи Аполлоніемъ словъ, названныхъ имъ ἄρθρον, исключительно анафорическими, мы убѣждаемся изъ слѣдующихъ мѣстъ:

1, Περὶ συντ. 26. 11. Ἔστιν οὖν, καθὸ καὶ ἀπεφηνάμεθα, ἴδιον ἄρθρου ἡ ἀναφορά, ἤτοι προκατειλεγμένου προσώπου παραστατική.

2., Περὶ ἀντ. 16. A. Ἡ τῶν ἄρθρων σημασία ἀλλοτρία δείξεως καθέστηκεν, ἐπαγγέλλεται δὲ ἀναφοράν, ὃ ἐστιν ἀναπολούμενον πρόσωπον.

3., περὶ ἀντ. 16. B. αἱ ἀντωνυμίαι γνῶσιν πρώτην ἐπαγγέλλονται (не всѣ же!) τὰ δὲ ἄρθρα δευτέραν γνῶσιν σημαίνει.

4., περὶ συντ. 29. 5. τὸ ἄρθρον προυφεστῶσαν γνῶσιν δηλοῖ.

[11]) Свида называетъ Діонисія Оракійскаго μαθητὴς Ἀριστάρχου и говоритъ о немъ, что онъ занимался софистикою въ Римѣ при Помпеѣ Великомъ (106—48 до Р. Х.).

[12]) Такъ можно судить по громадному разстоянію времени, которое прошло со вре-

Аполлоній, но о теоріи диксиса и анафоры въ его грамматикѣ нѣтъ и помину [13]). Аполлоній думаетъ, что эту теорію зналъ уже Аристархъ [14]) и что онъ на нее указывалъ именно тѣмъ, что называлъ антономію σύζυγος. Намъ кажется страннымъ, почему Діонисій, если эта теорія была извѣстна уже его учителю, не воспользовался ею для опредѣленія значенія словъ ὁ, ἡ, τό и ὅς, ἥ, ὅ, тѣмъ болѣе, что онъ долженъ былъ чувствовать, что его собственное опредѣленіе τοῦ ἄρθρου слишкомъ мелко [15]). По этому можно бы скорѣе предположить, что Аполлоній *безъ* достаточнаго основанія отнесъ Аристархову συζυγίαν τῆς ἀντωνυμίας къ своей теоріи, съ единственною

мени составленія этой грамматики до послѣднихъ ея комментаторовъ. Комментаторы грамматики Діонисія θракійскаго, какъ-то: Хоребоскъ, Стефанъ, Мелампъ, Геліодоръ, относятся только къ VI и VII столѣтіямъ. Гершельманъ, установившій на вѣрныхъ основаніяхъ въ своей брошуркѣ »De Dionysii Thracis interpretibus veteribus« (Lipsiae 1874) время, къ которому относятся вышеупомянутые комментаторы (смотри 75 стр. этого сочиненія), выражается на стр. 76 того же сочиненія, вмѣстѣ съ Шмидгомъ, слѣдующими словами. Si quis Apollonii, Herodiani, Nicanoris (грамматики эти жили раньше вышеупомянутыхъ комментаторовъ время жизни Аполонія и Геродіана намъ уже извѣстно, Никанора же относитъ Свида ко времени Адріана) reliquiae cum Dionysii grammatica comparet, ... ipsa incunabula, unde profecta illorum doctrina paullatim incrementa ceperat, quasi oculis videat.

[13]) Діонисій опредѣляетъ антонимію такъ. ἀντωνυμία ἐστὶ λέξις ἀντὶ ὀνόματος παραλαμβανομένη προσώπων ὡρισμένων δηλωτική; затѣмъ, какъ подраздѣленіе антониміи, приводятся имъ только πρωτότυπα ἐγώ, σύ, ἵ, ἐμός, σός и ὅς; на слова οὗτος, ἐκεῖνος и ὅδε не указывается особо.

[14]) Περὶ συντ. стр. 100 и 101 Аполлоній защищаетъ Аристарха отъ нападеній нѣкоторыхъ грамматиковъ, упрекавшихъ его за то, что онъ училъ, что антонимія есть σύζυγος, и говоритъ, что Аристархъ понималъ, *видно* (φαίνεται γὰρ ὅτι...), συζυγίαν τῆς ἀντωνυμίας не въ томъ смыслѣ, въ какомъ ее толкуютъ тѣ, которые нападаютъ на Аристарха (они подъ нею разумѣли, какъ извѣстно, то, что мы называемъ спряженіемъ, или скорѣе способность перемѣнять свои формы не по надежамъ, а по лицамъ), а въ смыслѣ τοῦ ὁρισμοῦ κατὰ τὴν ἀναφορὰν καὶ κατὰ τὴν δεῖξιν).

[15]) Для ἄρθρον встрѣчается у Діонисія такое опредѣленіе: ἄρθρον ἐστὶ μέρος λόγου πτωτικόν, προτασσόμενον ἢ ὑποτασσόμενον τῆς κλίσεως τῶν ὀνομάτων (къ словамъ склоняющимся) καὶ ὑποτασσόμενον μὲν τὸ ὅς, προτασσόμενον δὲ τὸ ὁ. Это опредѣленіе разсматриваетъ употребленіе словъ ὁ, ἡ, τό и ὅς, ἥ, ὅ съ внѣшней только стороны. Оно очень похоже по своему характеру на опредѣленія, которыя намъ представляетъ тотъ же Діонисій для предлоговъ (πρόθεσίς ἐστι λέξις προτιθεμένη πάντων τῶν τοῦ λόγου μερῶν ἐν τῇ συνθέσει καὶ συντάξει), причастій (μετοχή ἐστι λέξις μετέχουσα τῆς τῶν ῥημάτων καὶ τῆς τῶν ὀνομάτων ἰδιότητος), нарѣчій (ἐπίῤῥημά ἐστι μέρος λόγου ἄκλιτον κατὰ ῥητάτος λεγόμενον ἢ ἐπιλεγόμενον ῥήματι), однимъ словомъ для тѣхъ частей рѣчи, которыя, какъ полагаетъ Шеманъ (смотри: die Lehre von den Redetheilen стр. 12 и Animadversiones ad veterum Grammaticorum doctrinam de articulo стр. 17), на основаніи одного мѣста Квинтиліана (Квинтиліанъ Inst. orator. 1. 4. 20), наравнѣ съ словами ὁ и ὅς выдѣлилъ *Аристархъ*, какъ особыя части рѣчи. Надобно полагать, что побужденіемъ къ выдѣленію этихъ частей рѣчи только и послужило вниманіе къ ихъ внѣшней сторонѣ, указанной въ вышеизложенныхъ опредѣленіяхъ.

цѣлью упрочить свою теорію ссылкою на столь сильный авторитетъ. — Впрочемъ, кто бы ни создалъ теорію о диксисѣ и анафорѣ, во всякомъ случаѣ въ вопросѣ, нами разбираемомъ, мы можемъ именно *Аполлонія* назвать представителемъ ученія древнихъ [15]).

III 2.

Мы не можемъ не одобрять той точки зрѣнія, съ которой Аполлоній отправляется при раздѣленіи и опредѣленіи значенія тѣхъ вещественно-безсодержательныхъ словъ, какія представляютъ собою ἀντωνυμία и ἄρθρον; да и самое приложеніе этой точки зрѣнія къ конкретнымъ явленіямъ, какое мы замѣтили у Аполлонія, на первый взглядъ кажется намъ правильнымъ. Но, присматриваясь ближе къ *употребленію* словъ, подведенныхъ Аполлоніемъ подъ теорію диксиса и анафоры, мы находимъ во всемъ этомъ ученіи нѣкоторый пробѣлъ и наталкиваемся на нѣкоторыя противорѣчія. Мы не будемъ касаться здѣсь тѣхъ мѣстоименій, которыя Аполлоній объявляетъ или исключительно диктическими, или обоюдными, наша задача — разсмотрѣть слова, признанныя Аполлоніемъ исключительно анафорическими, именно слова αὐτός, οὗ (μίν), ὁ и ὅς. Только въ виду *рѣшенія этой нашей задачи*, мы должны относительно первыхъ, т. е. диктическихъ и обоюдныхъ, указать на три пункта:

Во первыхъ, слова ἐγώ и σύ суть слишкомъ слабыя δεικτικά; есть даже основаніе сомнѣваться въ томъ, что они настоящія δεικτικά; они не имѣютъ той силы значенія, которую имѣютъ слова οὗτος, ὅδε при диктическомъ ихъ употребленіи. Мы говорили на первыхъ страницахъ нашего сочиненія, что δεικτικόν дѣйствуетъ на волю слушателя, заставляя его обратить вниманіе на то, какой собственно предметъ говорящій имѣетъ въ виду при употребленіи этого δεικτικόν. Такое правило трудно примѣнить къ словамъ ἐγώ и σύ. Ἐγώ имѣло бы только въ такомъ случаѣ характеръ чисто диктическаго мѣстоименія, т. е. слова, побуждающаго насъ (слышащихъ произнесеніе его другимъ какимъ нибудь лицомъ) освѣдомиться, что̀ это за предметъ, имъ обозначаемый, когда во время его произношенія считалось бы еще не установленнымъ и неизвѣстнымъ, *кто* собственно нашъ собесѣдникъ. Точно такъ же и σύ имѣло бы такой характеръ только тогда, когда посредствомъ его

---

16) У комментаторовъ Діонисія Аполлоній называется ἡμέτερος γραμματικός (смотри Beckeri Anecdota стр. 763) и его грамматика βιωφελὴς τέχνη τοῦ μεγάλου γραμματικοῦ (тамъ же стр. 920) и каждая фраза этихъ комментаторовъ, относящаяся къ антониміи или ἄρθρον, напоминаетъ намъ Аполлонія.

только *устанавливалось бы, когда* изъ насъ произносящій это слово хочетъ сдѣлать своимъ собесѣдникомъ. Выражаясь другими словами, мы можемъ сказать: ἐγώ имѣло бы диктическое значеніе при откликахъ, а σύ при вызовахъ. Но мы знаемъ, что при вызовахъ и откликахъ одного ἐγώ или одного σύ недостаточно, а употребляется обыкновенно οὗτος σύ (вотъ ты тамъ!) и ὅδε ἐγώ (вотъ я здѣсь), иногда даже οὗτος и ὅδε безъ всякаго ἐγώ и σύ. Такое οὗτος и ὅδε, разумѣется, соединено опять съ появленіемъ всѣхъ возможныхъ поясннтельныхъ средствъ, о которыхъ мы говорили на первой страницѣ нашего сочиненія [17]). Приведемъ для примѣра слѣдующія мѣста:

1) Еврипидъ. Орестъ 1567: Οὗτος σύ, κλήθρων τῶνδε μὴ ψαύσῃς χειρί, Μενέλαον εἶπον, ὅς πεπύργωσαι θράσει.

2) Начало Платоновой бесѣды Συμπόσιον, гдѣ Аполлодоръ разсказываетъ Δοκῶ μοι περὶ ὧν πυνθάνεσθε οὐκ ἀμέλητος εἶναι· καὶ γὰρ ἐτύγχανον πρῴην εἰς ἄστυ οἴκοθεν ἀνιὼν Φαληρόθεν· τῶν οὖν γνωρίμων τις ὄπισθεν κατιδών με πόρρωθεν ἐκάλεσε, καὶ παίζων ἅμα τῇ κλήσει, Ὦ Φαληρεύς, ἔφη, οὗτος Ἀπολλόδωρος, οὐ περιμενεῖς;

3) Евр. Орестъ 380. Ὅδε εἰμὶ Ὀρέστης, Μενέλεως, ὃν ἱστορεῖς.

Второе наше замѣчаніе касается обоюдныхъ мѣстоименій. Уже изъ приведенныхъ нами выше примѣровъ на обороты οὗτος σύ и ὅδε ἐγώ становится понятнымъ, что слова οὗτος и ἐκεῖνος вовсе не суть мѣстоименія 3-го лица, какъ Аполлоній утверждаетъ, а что это просто слова димензіально-диктическія, побуждающія насъ только искать какой нибудь предметъ въ извѣстномъ мѣстѣ, въ какомъ бы онъ лицѣ потомъ намъ ни представлялся. Они употребляются при третьемъ лицѣ всякій разъ, когда говорящій хочетъ *указать* на предметъ, находящійся на лице, и подвергнуть его наблюденію и съ своей стороны и со стороны слушателя; при первомъ же и второмъ лицахъ они появляются не только при вызовахъ и откликахъ, т. е. когда лица, имѣющія бесѣдовать между собою, еще не установились, но и тогда, когда, послѣ установленія ихъ, говорящій хочетъ *съ особенною выразительностью* говорить о себѣ или о своемъ слушателѣ, и то же какъ бы подвергнуть себя или своего слушателя особенному наблюденію. Примѣровъ на это найдемъ много; здѣсь, для поясненія дѣла, помѣстимъ только слѣдующіе:

---

[17]) Конечно, вызовъ можетъ совершаться посредствомъ звательнаго падежа имени существительнаго, и откликъ посредствомъ произношенія имени откликивающагося, и такимъ образомъ можно избѣжать употребленія словъ οὗτος и ὅδε; но такъ какъ вопросъ нашъ не относится къ синтаксическимъ функціямъ именъ существительныхъ, то мы объ этомъ способѣ вызова и отклика не упомянули.

1) Ил. 19. 140. Агамемнонъ говоритъ Ахиллесу:

ἀλλ' ὄρσευ πόλεμόνδε, καὶ ἄλλους ὄρνυθι λαούς·
δῶρα δ' ἐγὼν ὧδε πάντα παρασχεῖν, ὅσσα τοι ἐλθὼν
χθιζὸς ἐνὶ κλισίῃσιν ὑπέσχετο δῖος Ὀδυσσεύς.

2) Од. 21. 207. Ἔνδον μὲν δὴ ὃδ' αὐτὸς ἐγὼ κακὰ πολλὰ μογήσας
ἦλθον [18]).

Такимъ образомъ разница между оборотомъ напр. τόνδε ἐμέ и иногда встрѣчающимся оборотомъ τὸν ἐμέ (о послѣднемъ оборотѣ говоритъ Аполлоній περὶ συντ. 59. 24 и указываетъ на то, что τόν въ подобныхъ случаяхъ выражаетъ ἐξοχήν, т. е. представляетъ кѣмъ то особеннымъ лицо, обозначамое этимъ оборотомъ), если слово ὁ дѣйствительно исключительно анафорическое слово, будетъ состоять въ томъ, что въ первомъ случаѣ говорящій вызываетъ слушателя подвергнуть его, говорящаго, *наблюденію*, (τόνδε ἐμέ=меня, смотри же, кто я, и каковъ я!), а во второмъ *припомнить* о немъ все, что онъ знаетъ (τὸν ἐμέ=меня, ты же знаешь, кто я, и каковъ я). Изъ оборота τὸν εμέ мы видимъ, что и ἀναφορικά, совершенно наравнѣ съ δεικτικά, суть мѣстоименія, не принадлежащія одному грамматическому лицу, а общія всѣмъ лицамъ.

Но возвратимся опять къ словамъ ἐγώ и σύ и укажемъ на третье и послѣднее обстоятельство, относящееся къ δεικτικά и обоюднымъ и прикасающееся къ нашей задачѣ. Мы убѣждены, что слова ἐγώ и σύ нельзя принимать за такія δεικτικά, какими являлись οὗτος и ὅδε въ предшествующихъ двухъ пунктахъ и въ примѣрѣ изъ Одиссеи, приведенномъ нами стр. 4; но въ то же время трудно слова ἐγώ и σύ назвать и анафорическими, такъ какъ намъ для пониманія ихъ смысла не нужно никогда прибѣгать къ тому, что сказано говорящимъ прежде или послѣ ихъ произнесенія. (Мы не говоримъ уже о томъ значеніи анафоры, которое относится къ удаленнымъ по мѣсту или по времени предметамъ и которое уже къ словамъ ἐγώ и σύ не имѣетъ никакого отношенія.—Въ риторической фигурѣ ἀποστροφή и въ «oratio recta», появляющейся среди разсказа, предметъ, къ которому обращается говорящій посредствомъ слова σύ, или отъ имени котораго говорящій передаетъ прямую рѣчь посредствомъ слова ἐγώ, хотя *на-*

---

[18]) Такъ, кажется намъ, нужно понимать слова οὗτος и ὅδε при первомъ и второмъ лицахъ. Кюнеръ (ausfuhrliche Grammatik der griech. Sprache § 356. 4) говоритъ объ οὗτος въ соединеніи со вторымъ лицомъ и принимаетъ его въ однихъ случаяхъ за оппозицію, въ другихъ—за формулу вызыванія; обороты ὅδε ἐγώ вошли у него въ примѣры §§ 467 b. 2., въ которыхъ только съ общей точки указывается на дименціальное значеніе слова ὅδε. Мы находимъ подобное раздѣленіе означеннаго грамматическаго матеріала неметодичнымъ въ виду розысканія значенія диктическихъ словъ вообще.

дѣль и удаленъ, однако *представляется* говорящему и слушателю *присутствующимъ*). Итакъ слова ἐγώ и σύ находятся въ срединѣ между δεικτικά и ἀναφορικά. Аполлоній ихъ назвалъ δεικτικά потому, что при нихъ δεῖξις τῆς ὄψεως *возможна*, но не принялъ въ соображеніе того обстоятельства, что эта δεῖξις τῆς ὄψεως для пониманія ихъ вовсе *не нужна* послѣ того, какъ установилось, кто̀ слушатель и кто̀ говорящій. Мы назовемъ слова ἐγώ и σύ, во вниманіе къ тому, что δεικτικά и ἀναφορικά къ обозначенію грамматическихъ лицъ, какъ выше было сказано, собственно не относятся, *прямыми указателями грамматическихъ лицъ*.

Такимъ образомъ средствъ, которыми говорящій располагаетъ для представленія слушателю предмета, кромѣ поименовательнаго средства (прямаго названія предмета по имени), которое не имѣетъ къ нашей задачѣ прямаго отношенія, оказывается *еще три*, а именно.

1. Указаніе диктическимъ знакомъ на предметъ и соединенное съ этимъ указаніемъ употребленіе диктической антониміи.

2. Личное обозначеніе предмета; *здѣсь имѣетъ мѣсто употребленіе словъ* ἐγώ *и* σύ.

3. Обозначеніе предмета посредствомъ анафоры, т. е. напомни; наніе слушателю разсказаннаго самимъ говорящимъ, или узнаннаго при какомъ бы то ни было другомъ случаѣ.

III 3.

Перейдемъ теперь къ Аполлоніевымъ исключительно анафорическимъ словамъ и укажемъ на тѣ недостатки и противорѣчія въ ихъ подборѣ и систематизаціи, о которыхъ мы упомянули выше.

I. Читая Аполлоніево указаніе на слово αὐτός, какъ исключительно анафорическое, мы припоминаемъ себѣ сплошь да рядомъ встрѣчающіяся мѣста въ родѣ слѣдующаго:

Ил. 4. 237. ἀλλ' οἵπερ πρότεροι ὑπὲρ ὅρκια δηλήσαντο,
τῶν ἤτοι αὐτῶν τέρενα χρόα γῦπες ἔδονται,
ἡμεῖς αὖτ' ἀλόχους τε φίλας καὶ νήπια τέκνα
ἄξομεν ἐν νήεσσιν, ἐπὴν πτολίεθρον ἕλωμεν.

Въ этомъ и въ безчисленномъ количествѣ подобныхъ мѣстъ, слово τῶν есть несомнѣнно анафорическое; оно указываетъ на предметъ, удаленный по времени, измѣряемому ходомъ разсказа, и само уже своимъ присутствіемъ, не говоря о другихъ причинахъ, уничтожаетъ всякую возможность принять слово αὐτός за ἀναφορικόν въ томъ смыслѣ, въ какомъ *мы* толкуемъ анафору. Кромѣ того, обратимъ вниманіе и на обороты ἐμαυτόν, σαυτοῦ и т. д., показывающіе прямо, что αὐτός вовсе не есть мѣсто-

именіе 3-го лица, а мѣстоименіе общее всѣмъ лицамъ. Послѣ такихъ замѣчаній намъ предстоитъ исправить ученіе Аполлонія и рѣшить *какое собственно имѣетъ значеніе слово* αὐτός *и какое оно имѣетъ отношеніе къ 3-му лицу и анафорѣ?*

II. Отвѣчая на вопросъ, какія изъ вещественно-безсодержательныхъ или, какъ грамматики выражаются, служебныхъ словъ, способны анафорически обозначить предметъ 3 лица, мы прежде всего укажемъ на οὗτος, ἐκεῖνος, ὅδε, ὁ, какъ общія всѣмъ лицамъ, затѣмъ, послѣ вышесказаннаго, отнесемся съ сомнѣніемъ къ тому, присоединять ли сюда слово αὐτός, и наконецъ положительно исключимъ слово οὗ οἵ ἕ (μίν). Послѣднее мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ приравнивать къ вышеизложеннымъ словамъ по той простой причинѣ, что если бы оно было такое же ἀναφορικόν, какъ всѣ остальныя, то оно должно бы имѣть именительный падежъ, между тѣмъ какъ οὗ, οἵ, ἕ въ именительномъ падежѣ не нуждается (форма ἵ, которую древніе грамматики приводятъ какъ именительный падежъ отъ слова οὗ, οἵ, ἕ, а также форма σφεῖς, употребляющаяся крайне рѣдко, не должны противорѣчить тому, что мы сказали объ именительномъ падежѣ разбираемаго нами слова. И о формѣ ἵ, и о формѣ σφεῖς прійдется намъ говорить ниже). Но что же тогда выражаютъ собою формы οὗ, οἵ, ἕ (μίν)? Во всякомъ случаѣ онѣ въ родительномъ, дательномъ и винительномъ падежахъ выражаютъ собою то, что въ именительномъ пад. не требовало себѣ выраженія. Слово οὗ, конечно, не нуждалось въ именительномъ падежѣ, какъ чистое reflexivum, т. е. какъ слово, появляющееся только въ грамматическомъ дополненіи (т. е. род., дат. и винит. падежахъ) глагола, для обозначенія лица, тождественнаго съ подлежащимъ этого же глагола; но мы знаемъ, что у Гомера слова οὗ, οἵ, ἕ (μίν) приходится переводить чаще словами *его, ему*, чѣмъ словами *себя, себѣ*. Является вопросъ: почему даже въ этомъ значеніи эти формы не имѣютъ имен. пад.? Когда я слышу слово γράφει безъ всякаго имен. пад. и при этомъ все-таки знаю, кто пишетъ, то значитъ, предшествующая слову γράφει рѣчь такъ живо нарисовала въ моемъ сознаніи это лицо, что нечего мнѣ теперь больше напоминать, что это за лицо, къ которому относится дѣйствіе γράφειν; тоже самое, что мы сказали объ отсутствіи именительнаго падежа въ предложеніи γράφει, мы должны сказать объ οὗ, οἵ, ἕ напр. въ Ил. 5. 1 и сл.

Ἔνθ' αὖ Τυδείδῃ Διομήδει Παλλὰς Ἀθήνη
δῶκε μένος καὶ θάρσος, ἵν' ἔκδηλος μετὰ πᾶσιν
Ἀργείοισι γένοιτο ἰδὲ κλέος ἐσθλὸν ἄροιτο.
δαῖε οἱ ἐκ κόρυθός τε καὶ ἀσπίδος ἀκάματον πῦρ,
ἀστέρ' ὀπωρινῷ ἐναλίγκιον, ὅστε μάλιστα
λαμπρὸν παμφαίνῃσι λελουμένος Ὠκεανοῖο·
τοῖόν οἱ πῦρ δαῖεν ἀπὸ κρατός τε καὶ ὤμων,

ὧρσε δέ μιν κατὰ μέσσον, ὅθι πλεῖστοι κλονέοντο.

Мы пока оставимъ въ сторонѣ дальнѣйшія разсужденія объ этомъ примѣрѣ и укажемъ на одно, хотя простое, но очень важное для насъ обстоятельство. Предметъ рѣчи, въ болѣе широкомъ смыслѣ этого слова (одушевленный предметъ, вещь, abstractum, цѣлая мысль), представляющійся бесѣдующимъ въ 3-мъ лицѣ,—а это, конечно, всякій предметъ разговора, за исключеніемъ самихъ бесѣдующихъ, — составляетъ для нихъ какъ бы внѣшній міръ. Предметовъ внѣшняго міра, доставляющихъ матеріалъ бесѣдующимъ для ихъ разговора, входитъ въ одинъ непрерывный разсказъ часто очень много, смотря по сложности содержанія бесѣды. Разговоръ при этомъ переходитъ отъ одного предмета къ другому, отъ другого къ третьему, опять возвращается къ первому, а тамъ опять переходитъ къ новому, и сознаніе бесѣдующихъ играетъ при этомъ роль какъ бы зеркала, въ которомъ видна картина только до тѣхъ поръ, пока предметъ стоитъ передъ нимъ, и изчезаетъ вмѣстѣ съ предметомъ; въ нашемъ представленіи, пожалуй, картина извѣстнаго предмета не изчезаетъ совсѣмъ, но все-таки затемняется тотчасъ, какъ только вниманіе разсказчика обратится къ другому предмету и покажется опять въ своемъ настоящемъ свѣтѣ только тогда, когда разсказчикъ возвратится къ самому предмету. Возвращаясь къ предмету, разсказчикъ уже можетъ не вести къ нему слушателя простымъ поименовательнымъ, какъ мы выше выразились, средствомъ, а имѣетъ возможность обозначать его анафорико-эпаналептически, припоминая слушателю то мѣсто своего разсказа, въ которомъ онъ уже разъ объ этомъ же предметѣ упоминалъ.

Такимъ образомъ среди разсказа постоянно можетъ чувствоваться потребность анафорическаго обозначенія предметовъ, по мѣрѣ того, какъ разсказчикъ возвращается отъ одного предмета къ другому. Приведемъ слѣдующій примѣръ изъ Геродота (II. 1):

Ψαμμήτιχος παιδία δύο νεογνά... διδοῖ ποιμένι τρέφειν... ταῦτα δὲ ἐποίεέ τε καὶ ἐνετέλλετο ὁ Ψαμμήτιχος ἐθέλων ἀκοῦσαι τῶν παιδίων... ἥντινα φωνὴν ῥήξουσι πρώτην.. ὡς ὧν διέτης χρόνος ἐγεγόνει ταῦτα τῷ ποιμένι πρήσσοντι, τὰ παιδία ἀμφότερα... βέκος ἐφώνεον... τὰ μὲν δὴ πρῶτα ἀκούσας ἡσυχος ἦν ὁ ποιμήν, ὡς δὲ πολλάκις φοιτέοντι πολλὸν ἦν τοῦτο τὸ ἔπος, ἤγαγε τὰ παιδία ἐς ὄψιν (τοῦ δεσπότου).

Совсѣмъ другое явленіе представляетъ собою вышеприведенная цитата Ил. 5 пач. Тамъ на мѣстахъ, гдѣ читается οὗ, οἵ, ἕ (μίν), предметъ 3-го лица, обозначенный черезъ это οὗ, οἵ, ἕ (μίν), не представляетъ собою ничего, что нужно бы выводить еще на свѣтъ въ нашемъ сознаніи и что нужно бы обозначать анафорически, такъ какъ онъ всецѣло занимаетъ нашу мысль, и такъ какъ его никакъ нельзя назвать въ это время удаленнымъ предметомъ или отсутствующимъ; οὗ, οἵ, ἕ (μίν) можно бы въ этомъ при-

мѣрѣ назвать такимъ же личнымъ показателемъ *присутствующаго въ нашемъ представленіи* предмета 3-го лица, какимъ было ἐγώ и σύ для *находящихся на лицѣ* предметовъ, принадлежащихъ 1-му и 2-му грамматическимъ лицамъ. Тому условію, которому должно бы непремѣнно подвергнуться слово οὗ, чтобы стать на одинаковую степень съ анафорическими словами οὗτος, ὅδε и ἐκεῖνος, т. е. необходимости присутствія имен. надежа, не подвергнется слово οὗ, если оно станетъ на одинаковую почву съ словами ἐγώ и σύ, хотя бы эти послѣднія сами имѣли именительный падежъ. Дѣло въ томъ, что предметы, имѣющіе право въ разсказѣ быть обозначенными черезъ ἐγώ и σύ, всегда суть присутствующіе, если-бы даже объ нихъ самихъ не говорилось, а потому и вносить ихъ въ разсказъ и вызывать ихъ—*а для этого понадобятся преимущественно формы им. падежа*—всегда можно посредствомъ тѣхъ же словъ ἐγώ и σύ, между тѣмъ какъ предметъ, имѣющій право быть обозначеннымъ черезъ οὗ οἵ ἕ, считается присутствующимъ только тогда, когда онъ уже вызванъ и внесенъ въ разсказъ и *когда*, какъ мы на словѣ γράφει показали, *именительнаго падежа не нужно*.

Но странно; казалось бы, что οὗ, οἵ, ἕ (μίν) можетъ быть употреблено только тогда, когда дѣйствительно мысль наша занята исключительно *однимъ* предметомъ 3-го лица, или, по крайней мѣрѣ, когда этотъ предметъ въ нашемъ представленіи въ числѣ прочихъ находится на первомъ планѣ; а между тѣмъ у Гомера приходится встрѣчать мѣста, гдѣ нѣсколько предметовъ сразу занимаютъ наше представленіе (и въ добавокъ такіе, изъ которыхъ мы затрудняемся одинъ какой нибудь выдвинуть какъ главный), и οὗ, οἵ, ἕ, μίν употреблено о нихъ же такъ, что трудно даже съ перваго разу разузнать, къ которому изъ нихъ оно относится. Сравни напр. Ил. 3. 383 ст.

(Ἀφροδίτη Ἑλένην) ἐκίχανεν
πύργῳ ἐφ' ὑψηλῷ, περὶ δὲ Τρωαὶ ἅλις ἦσαν.
χειρὶ δὲ νεκταρέου ἑανοῦ ἐτίναξε λαβοῦσα,
γρηῒ δέ μιν εἰκυῖα παλαιγενέι προσέειπεν,
εἰροκόμῳ, ἥ οἱ Λακεδαίμονι ναιεταώσῃ
ἥσκειν εἴρια καλὰ, μάλιστα δέ μιν φιλέεσκεν.
τῇ μιν ἐεισαμένη προσεφώνεε δῖ' Ἀφροδίτη.

Съ другой же стороны замѣчается употребленіе слова ὁ тамъ, гдѣ мы на основаніи всего того, что нами сказано объ οὗ, ожидали бы это послѣднее слово. Такъ въ Ил. 3 .390 мы читаемъ:

Δεῦρ' ἴθ'· Ἀλέξανδρός σε καλεῖ οἰκόνδε νέεσθαι.
κεῖνος ὅγ' ἐν θαλάμῳ καὶ δινωτοῖσι λέχεσσιν,
κάλλει τε στίλβων καὶ εἵμασιν· οὐδέ κε φαίης
ἀνδρὶ μαχησάμενον τόνγ' ἐλθεῖν, ἀλλὰ χορόνδε
ἔρχεσθ' ἠὲ χοροῖο νέον λήγοντα καθίζειν.

Изъ всего этого мы убѣждаемся, что οὗ, οἵ, ἕ тѣсно связано съ ὁ, ἡ, τό.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ

Другое, на что мы должны здѣсь указать, это именно то, что вмѣсто того οὗ, οἵ, ἕ, μίν, которые мы замѣтили въ гомерическихъ цитатахъ, аттическій языкъ употребляетъ αὐτός,—да и въ гомерическомъ языкѣ трудно опредѣлить разницу между οὗ, употребленнымъ напр. въ Ил. 2. 91:

ὣς τῶν ἔθνεα πολλὰ νεῶν ἄπο καὶ κλισιάων
ἠιόνος προπάροιθε βαθείης ἐστιχόωντο
ἱλαδὸν εἰς ἀγορήν. μετὰ δὲ σφίσιν Ὄσσα δεδήει.

и между αὐτός въ Ил. 3. 436: ...ἀλλά σ' ἔγωγε
παύεσθαι κέλομαι, μηδὲ ξανθῷ Μενελάῳ
ἀντίβιον πόλεμον πολεμίζειν ἠδὲ μάχεσθαι
ἀφραδέως, μή πως τάχ' ὑπ' αὐτοῦ δουρὶ δαμήῃς.

Дальше намъ извѣстно, что οὗ, οἵ, ἕ, въ смыслѣ чисто рефлексивномъ, совершенно какъ русское *себя*, употребляется не только о третьемъ, но также о первомъ и о второмъ лицахъ (примѣровъ въ родѣ Batrachom. 23. ἀλλ' ἄγε θᾶσσον ἐὴν γενεὴν ἀγόρευε, или Ил. 10. 395: φύξιν βουλεύοιτε μετὰ σφισιν, собралъ много Кюнеръ: Ausfuhrl. Gram. стр. 496 и 497). Послѣдняго мы, конечно, не можемъ сказать о словѣ μίν.

Всѣ замѣчанія, сдѣланныя нами по поводу словъ οὗ, οἵ, ἕ (μίν), заставляютъ насъ: *привести къ одному симазіологическому знаменателю всѣ три значенія, замѣченныя нами за словомъ* οὗ, οἵ ἕ (таковыя значенія суть: значеніе рефлексивное 3-го лица, значеніе русскаго *его, ему, его* и значеніе рефлексивное всѣхъ лицъ), *выяснить отношеніе слова* οὗ *къ слову* αὐτός, *а также отношеніе обоихъ этихъ словъ вмѣстѣ къ слову* αὐτός *и къ анафорѣ.*

3) Если ὁ, ἡ, τό дѣйствительно ἀναφορικόν, то зачѣмъ Аполлоній не причислилъ его тоже къ категоріи антонимій и какого мѣрила онъ держался при выдѣленіи перваго изъ послѣдней? На второй вопросъ Аполлоній отвѣчаетъ самъ: вотъ слова, которыя онъ постоянно повторяетъ: ἀντωνυμία ἀντ' ὀνόματος, ἄρθρον μετ' ὀνόματος παραλαμβάνεται (смотри напр. περὶ συντ. 16. 27, 96. 28, 107. 15); но такой отвѣтъ Аполлонія не уничтожаетъ, а усиливаетъ наше недоумѣніе: ибо съ одной стороны мы видимъ, что *слово* ὁ, ἡ, τό употребляется, какъ впрочемъ и самъ Аполлоній замѣтилъ, *вмѣсто имени существительнаго* (ἀντ' ὀνόματος) [19]), съ другой же стороны *чистая анафорическая антонимія*, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, должна быть непремѣнно употреблена *въ соединеніи съ существительнымъ* (μετ' ὀνόματος; послѣднее

[19]) Περὶ συντ. 186. 22 Аполлоній приводитъ четыре примѣра изъ Гомера въ родѣ столь часто повторяющагося выраженія τὸν δ' ἀπαμειβόμενος προσέφη, о которыхъ онъ на этомъ мѣстѣ говоритъ, что въ нихъ ὁ употреблено вмѣсто αὐτός, что оно только по внѣшнему виду (τῇ φωνῇ) ἄρθρον, а по значенію (τῇ δὲ ἐξ αὐτοῦ μεταλήψει) антонимія, а на стр 136. 14 того же сочиненія мы читаемъ: τὰ ἄρθρα εἰς σύνταξιν ἀντωνυμίας παραλαμβάνεται.

видно изъ примѣровъ, помѣщенныхъ нами на стр. 5) и очень часто можетъ быть замѣнена въ этихъ случаяхъ словомъ ὁ ἡ τό. Для объясненія перваго явленія древніе грамматики приводятъ намъ только примѣры изъ Гомера; но его нельзя отрицать и въ болѣе позднихъ памятникахъ: умалчивая о другихъ примѣрахъ, относящихся сюда, указать на которые я нахожу болѣе удобнымъ ниже, я приведу здѣсь одно только ὁ δὲ, встрѣчающееся въ примѣрахъ въ родѣ Anab. 1. 6. 8: Ἦγαρ ἀνάγκη, ἔφη ὁ Ὀρόντας· ἐκ τούτου πάλιν ἠρώτησεν ὁ Κῦρος· ἔτι οὖν ἄν γένοιο τῷ ἐμῷ ἀδελφῷ πολέμιος, ἐμοὶ δὲ φίλος καὶ πιστός; ὁ δὲ ἀπεκρίνατο, ὅτι οὐδ' εἰ γενοίμην, ὦ Κῦρε, σοί γ' ἄν ποτε ἔτι δόξαιμι. Въ томъ, что слова οὗτος и ἐκεῖνος, какъ ἀναφορικά, чередуются съ словами ὁ, ἡ τό, имѣя съ ними одинаковое значеніе, мы можетъ убѣдиться изъ слѣдующихъ мѣстъ:

1., Геродотъ VII. 12 передаетъ читателю сонъ, который видѣлъ Ксеркъсъ передъ тѣмъ, какъ собирался въ походъ на Европу, и кончаетъ разсказъ такъ: τὸν μὲν ταῦτα εἴπαντα ἐδόκεε ὁ Σέρξης ἀποπτάσθαι· ἡμέρης δὲ ἐπιλαμψάσης ὀνείρου μὲν τούτου (въ аттическомъ языкѣ поставимъ τοῦ ὀνείρου τούτου) λόγον οὐδένα ἐποιέετο... νυκτὸς δὲ γενομένης αὖτις τώυτο ὄνειρον ἔλεγε τῷ Σέρξῃ κατυπνωμένῳ (слѣдуетъ рѣчь мужа, приснившагося Ксерксу). Σέρξης μὲν περιδεὴς γενόμενος τῇ ὄψι ἀνά τε ἔδραμε.

2., Геродотъ VII. 198; ἦιε εἰς τὴν Μηλίδα παρὰ κόλπον θαλάσσης, ἐν τῷ ἄμπωτίς τε καὶ ῥηχίη ἀνὰ πᾶσαν ἡμέρην γίνεται· περὶ δὲ τὸν κόλπον τοῦτόν ἐστι χῶρος πεδινός, τῇ μὲν εὐρύς, τῇ δὲ καὶ κάρτα στεινός, περὶ δὲ τὸν χῶρον οὖρεα ὑψηλὰ καὶ ἄβατα.

Изъ всего того, что мы сказали объ отношеніи слова ὁ къ словамъ, подведеннымъ Аполлоніемъ подъ антонимію, явствуетъ, что Аполлоніево *основаніе группировки* всѣхъ этихъ словъ противорѣчитъ самой *группировкѣ*. Такое основаніе должно бы привести Аполлонія скорѣе къ тому, чтобы слова ἐγώ, σύ, οὗ, οἵ, ἕ (μίν) поставить въ одну группу и прибавить къ нимъ, пожалуй, αὐτός, если онъ уже такъ придерживается взгляда, что αὐτός есть ἀναφορικόν 3-го грамматическаго лица (срав. 9 выноску), а другую группу составляли бы слова οὗτος, ἐκεῖνος, ὅδε и ὁ. Надобно полагать, что если Аполлоній такъ не дѣлаетъ, то этому причиною былъ авторитетъ того ученаго, который, какъ мы уже прежде говорили (смотри 15 выноску), выдѣлилъ слово ὁ, ἡ, τό по внѣшнимъ только признакамъ его появленія, имѣя въ виду, вѣроятно, преимущественно то употребленіе этого слова, которое пріобрѣло широкій просторъ особенно въ аттической прозѣ и въ которомъ трудно было отыскать какую нибудь сторону, связывающую его, хотя бы даже съ словами οὗτος, ἐκεῖνος и ὅδε, не говоря уже о другихъ словахъ, заключающихся у Аполлонія въ категоріи антониміи. Въ самомъ дѣлѣ, употребленіе слова ὁ дошло въ аттической прозѣ до такихъ тонкостей, которыя легко было чувствовать, но трудно было объяснить на

основаніи анафоры. Насъ не удивляетъ, что, при недостаточномъ умѣніи на психологической почвѣ разбирать синтаксическія явленія, у самихъ грековъ существовалъ такой взглядъ на слово ὁ, ἡ, τό, будто оно ставится только для различія родовъ и чиселъ именъ существительныхъ[20]). Затрудненіе объяснять всѣ случаи употребленія слова ὁ на основаніи анафоры чувствуется и новыми грамматиками и довело Кюнера даже до такой... фразы: «Древніе грамматики находятъ всю суть значенія слова ὁ въ ἀναφορά, ἀναπόλησις προεγνωσμένου καὶ ἀπόντος προσώπου. Конечно, членъ употребляется очень часто для обозначенія указанія на извѣстное, уже упомянутое, но тогда членъ является не настоящимъ, чистымъ, а болѣе въ своемъ первоначальномъ *демонстративномъ* (sic) значеніи[21])». Намъ придется *опредѣлить по возможности всѣ значенія слова* ὁ *и попытаться найти отношеніе этихъ значеній къ анафорѣ.*

4) Остается указать еще на одно противорѣчіе въ Аполлоніевой теоріи. Намъ кажется страннымъ, почему у Аполлонія слово ὅς поставлено въ одной группѣ съ словомъ ὁ: мы видимъ прежде всего, что если Аполлоній при пониманіи ἄρθρου какъ παραλαμβανομένου μετ' ὀνόματος, а не ἀντ' ὀνόματος, встрѣчалъ противорѣчіе *въ нѣкоторыхъ* случаяхъ, то въ словѣ ὅς онъ не найдетъ поддержки для своего опредѣленія уже *ни въ одномъ* примѣрѣ. Аполлоній (περὶ συντ. 87. 3) сопоставляетъ фразу παρεγένετο γραμματικός, ὃς διελέξατο съ фразою ὁ γραμματικὸς παραγένετο καὶ οὗτος διελέξατο и называетъ эти фразы ἰσοδυναμοῦσαι συντάξεις (имѣющія одинаковую силу значенія). Въ этихъ двухъ фразахъ ὅς поставлено Аполлоніемъ наравнѣ съ цѣлымъ оборотомъ, состоящимъ изъ антониміи и союза. Это уравненіе даетъ Аполлонію поводъ къ принятію слова ὅς не за антонимію, а за ἄρθρον; онъ указываетъ при этомъ на то, что если бы союзъ въ оборотѣ καὶοὗτος былъ уничтоженъ, то вся фраза не имѣла бы никакого смысла (εἴ τις ὑφέλοι σύνδεσμον, ἀσύνετα τὰ τοῦ λόγου γίνεται.—περὶ συντ. 87. 25), другими словами, что ὅς нельзя сопоставлять съ οὗτος, если послѣднее

---

[20]) Такое опредѣленіе синтаксическаго значенія слова ὁ передаетъ намъ Діогенъ Лаерт. VII. 1. (по изд. Кобета стр. 172) и приписываетъ его,—несправедливо, какъ Шеманъ полагаетъ (смотри: Шеманъ, Animadv. ad vet. gr. doc. art. стр. 15),—стоикамъ времени Хризиппа. Ἄρθρον, читаемъ на указанномъ нами мѣстѣ Діогена, ἐστὶ στοιχεῖον λόγου πτωτικόν, διόριζον τὰ γένη τῶν ὀνομάτων καὶ τοὺς ἀριθμούς, οἷον ὁ ἡ τό οἱ αἱ τα. При этомъ опредѣленіи нѣтъ и не могло быть, конечно, и помину о словахъ ὅς ἥ ὅ, которыя у Аполлонія соединены съ ὁ ἡ τό въ одну часть рѣчи.

[21]) Смотри Ausf. Gramm. стр. 512. Die alten Grammatiker, говорится тамъ, setzen das ganze Wesen des Artikels in die ἀναφορά ἀναπόλησις, προεγνωσμένου καὶ ἀπόντος προσώπου. Allerdings wird der Artikel unendlich oft gebraucht, um eine Hinweisung an Bekanntes schon Erwahntes zu bezeichnen, allein alsdann tritt der Artikel nicht als reiner Artikel auf, sondern mehr in seiner ursprunglichen demonstrativen Bedeutung.

поставлено безъ союза, и что, слѣдовательно (такое долженъ Аполлоній вывести изъ этого заключеніе), ὅς нельзя принимать за туже часть рѣчи, за которую принимается οὗτος. Мы видимъ, какую слабую Аполлоній имѣетъ опору для разбираемаго нами его ученія: то, что мы только что сообщили, даетъ ему меньше права назвать ὅς—ἄρθρον, чѣмъ антонимією; согласно же своему взгляду на дѣло сообщенному нами въ выноскѣ 18-й, Аполлоній долженъ былъ бы положительно принять слово ὅς за антонимію, а не за ἄρθρον, если бы обратилъ вниманіе на множество гомерическихъ примѣровъ, въ которыхъ *антонимическимъ же* (ἀντωνυμικὴ σύνταξις) *а не артрическимъ* «синтаксисомъ» слова ὁ замѣняется слово ὅς и на оборотъ. Приводить примѣры мы не считаемъ здѣсь нужнымъ, потому что это явленіе слишкомъ извѣстное.—Для насъ, конечно, вопросъ, принадлежитъ ли ὅς къ антониміи, или къ ἄρθρον, не имѣетъ пока смысла. На сколько выяснилось уже значеніе слова ὁ, мы не находимъ необходимымъ считать даже это послѣднее за особую часть рѣчи, *а въ какихъ отношеніяхъ слово* ὅς *находится къ слову* ὁ, на это отвѣтить еще не можемъ; это будетъ предметомъ дальнѣйшихъ нашихъ разсужденій и составить четвертую и послѣднюю нашу задачу.

Наша задача опредѣлена. Матеріаломъ, надъ которымъ мы будемъ производить наши наблюденія для рѣшенія нашихъ четырехъ вопросовъ, мы избрали Гомера, такъ какъ въ немъ: во первыхъ употребленіе словъ οὗ и ὅς разнообразнѣе, чѣмъ въ болѣе позднихъ памятникахъ, во вторыхъ, относительно словъ αὐτός и μίν, болѣе поздніе памятники во всякомъ случаѣ не подаютъ новаго матеріала въ сравненіи съ Гомеромъ , а въ третьихъ наконецъ, относительно ὁ, ἡ и τό, если даже à priori принять, что оно въ аттическомъ языкѣ развилось дальше, чѣмъ было развито въ Гомерѣ, все же *основаніе* для его симазіологическаго разбора получается болѣе прочное у Гомера и отношеніе его къ остальнымъ ἀναφορικά отыскать легче у него же, чѣмъ въ какомъ нибудь памятникѣ аттической прозы.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

О СЛОВѢ АΥΤΟΣ

съ прибавленіемъ о значеніи словъ οὗ, οἷ, ἕ **и** μίν, **и о симазіологическомъ отношеніи послѣднихъ словъ другъ къ другу и къ слову** αὐτός.

* * *

Представитель и, можно сказать, создатель ученія, котораго придерживаются до сихъ поръ по отношенію къ разнымъ оттѣнкамъ значенія слова αὐτός, есть Готфридъ Германъ. Этотъ ученый, разсмотрѣвъ контексты всевозможныхъ конкретныхъ случаевъ употребленія слова αὐτός, приходитъ относительно значенія его къ слѣдующимъ заключеніямъ (смотри его изданіе Вигерова сочиненія de præcipiis Græcæ dictionis idiotismis стр. 733): Αὐτός, ipse, говоритъ Германъ, sic dicitur, ut quis distinquatur ab eo, quod ipse non est, ut anima a corpore (для примѣра приводится здѣсь Германомъ Одисс. 11. 602:

Τὸν δὲ μετ' εἰσενόησα βίην Ἡρακληείην,
εἴδωλον· αὐτὸς δὲ μετ' ἀθανάτοισι θεοῖσιν
τέρπεται...),

vel corpus ab anima

(Ил. 1. 4. Πολλὰς δ' ἰφθίμους ψυχὰς Ἄϊδι προΐαψεν
ἡρώων, αὐτοὺς δὲ ἑλώρια τεῦχε κύνεσσιν),

vel homo a rebus, quas ipse habet]

(Од. 19. 32. ὃς μὲν ἀπηνὴς αὐτὸς ἔῃ καὶ ἀπηνέα εἰδῇ,
τῷ δὲ καταρῶνται πάντες βροτοὶ ἄλγε' ὀπίσσω
ζωῷ, ἀτὰρ τεθνεῶτί γ' ἐφεψιόωνται ἅπαντες·

ὃς δ' ἂν ἀμύμων αὐτὸς ἕῃ καὶ ἀμύμονα εἰδῇ,
τοῦ μέν τε κλέος εὐρὺ διὰ ξεῖνοι φορέουσιν
πάντας ἐπ' ἀνθρώπους, πολλοί τέ μιν ἐσθλὸν ἔειπον),

vel a sociis et sodalibus suis

(Ил. 8. 4. Ζεὺς δὲ θεῶν ἀγορὴν ποιήσατο τερπικέραυνος
ἀκροτάτῃ κορυφῇ πολυδειράδος Οὐλύμποιο.
αὐτὸς δέ σφ' ἀγόρευε, θεοὶ δ' ὑπὸ πάντες ἄκουον.

Ил. 19. 302. Ὣς ἔφατο κλαίουσ', ἐπὶ δὲ στενάχοντο γυναῖκες
Πάτροκλον πρόφασιν, σφῶν δ' αὐτῶν κήδε' ἑκάστη),

vel aliquid a rebus, quæ circa sunt

(Од. 3. 171. ἦ καθύπερθε Χίοιο νεοίμεθα παιπαλοέσσης,
νήσου ἔπι Ψυρίης, αὐτὴν ἐπ' ἀριστέρ' ἔχοντες),

vel totum a pàrtibus

(Ил. 7. 474. ἔνθεν ἄρ' οἰνίζοντο καρηκομόωντες Ἀχαιοί,
ἄλλοι μὲν χαλκῷ, ἄλλοι δ' αἴθωνι σιδήρῳ,
ἄλλοι δὲ ῥινοῖς, ἄλλοι δ' αὐτῇσι βόεσσιν,
ἄλλοι δ' ἀνδραπόδεσσι· τίθεντο δὲ δαῖτα θάλειαν),

vel aliquis a semet ipso, ita ut ipse sine alius rei adjumento quid facere dicatur

(Ил. 8. 75. ἐν δ' ἐτίθει δύο κῆρε ταναηλεγέος θανάτοιο,
Τρώων θ' ἱπποδάμων καὶ Ἀχαιῶν χαλκοχιτώνων,
ἕλκε δέ μέσσα λαβών, ῥέπε δ' αἴσιμον ἦμαρ Ἀχαιῶν.
αἱ μὲν Ἀχαιῶν κῆρες ἐπὶ χθονὶ πουλυβοτείρῃ
ἑζέσθην, Τρώων δὲ πρὸς οὐρανὸν εὐρὺν ἄερθεν,
αὐτὸς δ' ἐξ Ἴδης μεγάλ' ἔκτυπε, δαιόμενον δὲ
ἦκε σέλας μετὰ λαὸν Ἀχαιῶν·

Ил. 17. 48. ὁ δὲ δεύτερος ὦρνυτο χαλκῷ
Ἀτρεΐδης Μενέλαος, ἐπευξάμενος Διὶ πατρι·
ἄψ δ' ἀναχαζομένοιο κατὰ στομάχοιο θέμεθλα
νύξ', ἐπὶ δ' αὐτὸς ἔρεισε, βαρείῃ χειρὶ πιθήσας).

Къ послѣднему пункту приведеннаго нами правила Германъ еще добавляетъ: «quo in genere quædam paullo obscuriores distinctiones sunt» и приводитъ при этихъ словахъ слѣдующія два мѣста изъ Гомера:

Од. 6. 328. Ὣς ἔφατ' εὐχόμενος, τοῦ δ' ἔκλυε Παλλὰς Ἀθήνη·
αὐτῷ δ' οὔπω φαίνετ' ἐναντίη· αἴδετο γάρ ῥα
πατροκασίγνητον·

Ил. 9. 449 ὅς μοι παλλακίδος περιχώσατο καλλικόμοιο,
τὴν αὐτὸς φιλέεσκεν...

Кромѣ этихъ указаній мы встрѣчаемъ у Германа въ упомянутой книгѣ еще много другихъ, которыя, однако, мы здѣсь не будемъ сообщать, потому что сами памѣрены разбирать ихъ въ другомъ отдѣлѣ нашего сочиненія, а пока будемъ имѣть дѣло съ одинадцатью вышеупомянутыми ссылками.

I 1.

Первыя двѣ изъ Германовыхъ цитатъ припоминаютъ намъ многочисленную группу гомерическихъ мѣстъ, вмѣщающихъ въ себѣ слово αὐτός, въ которыхъ—не столько distinguitur aliquis ab eo, quod ipse non est, какъ говоритъ Германъ, а скорѣе—*извѣстный предметъ выставляется отличающимся отъ предметовъ, представляющихся намъ принадлежащими ему, какъ главному.* Судя по заглавіямъ, которыя Германъ надписываетъ надъ каждою изъ одинадцати цитатъ, къ нашему правилу слѣдовало бы отнести всѣ первые семь примѣровъ; но, вчитываясь въ самые примѣры, мы находимся въ большомъ затрудненіи не только отнести ихъ къ нашему правилу, но вообще подвергнуть ихъ какой нибудь абстракціи, на столько опредѣлительной, чтобы она могла сдѣлаться факторомъ, пригоднымъ для отысканія одного общаго результата о значеніи слова αὐτός. Что касается перваго, т. е. отношенія этихъ ссылокъ къ нашему правилу, то примѣръ Ил. 19. 302, не говоря уже о другихъ, менѣе удаляющихся отъ центра, назначеннаго этимъ правиломъ, едва ли и имѣетъ хоть какое нибудь отношеніе къ этому центру. Наше правило есть абстракція изъ примѣровъ въ родѣ слѣдующихъ:

Од. 1. 251. τοὶ δὲ φθινύθουσιν ἔδοντες
οἶκον ἐμόν· τάχα δή με διαρραίσουσι καὶ αὐτόν.

Од. 1. 39. Αἴγισθος
γῆμ' ἄλοχον μνηστὴν (Ἀγαμέμνονος), τὸν δ' ἔκτανε νοστήσαντα,
εἰδὼς αἰπὺν ὄλεθρον· ἐπεὶ πρό οἱ εἴπομεν ἡμεῖς,
Ἑρμείαν πέμψαντες, ἐύσκοπον Ἀργειφόντην,
μήτ' αὐτὸν κτείνειν μήτε μνάασθαι ἄκοιτιν·

Ил. 8. 403. γυιώσω μέν σφωιν ὑφ' ἅρμασιν ὠκέας ἵππους,
αὐτὰς δ' ἐκ δίφρου βαλέω κατά θ' ἅρματα ἄξω·

Ил. 2. 263. εἰ μὴ ἐγώ σε λαβὼν ἀπὸ μὲν φίλα εἵματα δύσω,
χλαῖνάν τ' ἠδὲ χιτῶνα, τά τ' αἰδῶ ἀμφικαλύπτει,
αὐτὸν δὲ κλαίοντα θοὰς ἐπὶ νῆας ἀφήσω
πεπληγὼς ἀγορῆθεν ἀεικέσσι πληγῇσιν.

Од. 10. 339. ἦ μοι σῦς μὲν ἔθηκας ἐνὶ μεγαροῖσιν ἑταίρους,
αὐτὸν δ' ἐνθάδ' ἔχουσα δολοφρονέουσα κελεύεις
ἐς θάλαμόν τ' ἰέναι καὶ σῆς ἐπιβήμεναι εὐνῆς.

Од. 9. 403. ἦ μή τίς σευ μῆλα βροτῶν ἀέκοντος ἐλαύνει;
ἦ μή τις σ' αὐτὸν κτείνῃ δόλῳ ἠὲ βίηφιν;

Од. 9. 40. Ἰλιόθεν με φέρων ἄνεμος Κικόνεσσι πέλασσεν,
Ἰσμάρῳ ἔνθα δ' ἐγὼ πόλιν ἔπραθον, ὤλεσα δ' αὐτούς·
ἐκ πόλιος δ' ἀλόχους καὶ κτήματα πολλὰ λαβόντες
δασσάμεθ', ὡς μή τίς μοι ἀτερπόμενος κίοι ἴσης.

Ил. 1. 112. τοὔδ' ἕνεκά σφιν ἑκηβόλος ἄλγεα τεύχει,
οὕνεκ' ἐγὼ κούρης Χρυσηίδος ἀγλαὰ ἄποινα
οὐκ ἔθελον δέξασθαι, ἐπεὶ πολὺ βούλομαι αὐτὴν
οἶκοι ἔχειν.

Ил. 11. 668. ἦ μένει οἰσόκε δὴ νῆες θοαὶ ἄγχι θαλάσσης,
Ἀργείων ἀέκητι, πυρὸς δηΐοιο θέρωνται,
αὐτοί τε κτεινώμεθ' ἐπισχερώ;

Ил. 4. 237. ἀλλ' οἵπερ πρότεροι ὑπὲρ ὅρκια δηλήσαντο,
τῶν ἤτοι αὐτῶν τέρενα χρόα γῦπες ἔδονται,
ἡμεῖς αὖτ' ἀλόχους τε φίλας καὶ νήπια τέκνα
ἄξομεν ἐν νήεσσιν, ἐπὴν πτολίεθρον ἕλωμεν.

Особенный разрядъ составляютъ здѣсь тѣ примѣры, въ которыхъ и слово, обозначающее владѣльца, и то, которымъ обозначается предметъ, принадлежащій владѣльцу, поставлены въ одномъ и томъ же предложеніи одинаковыми частями его и составляютъ такимъ образомъ предложеніе слитное. Такіе примѣры встрѣчаются:

Од. 7. 70. ὡς κείνη (Ἀρήτη) περὶ κῆρι τετίμηταί τε καὶ ἔστιν
ἔκ τε φίλων παίδων ἔκ τ' αὐτοῦ Ἀλκινόοιο
καὶ λαῶν.

Ил. 11. 708. οἱ δὲ τρίτῳ ἤματι πάντες
ἦλθον ὁμῶς αὐτοί τε πολεῖς καὶ μώνυχες ἵπποι,
πανσυδίῃ.

Од. 19. 121. μή τίς μοι δμωῶν (τῶν σῶν) νεμεσήσεται, ἠὲ σύγ' αὐτὴ...

Ил. 5. 450. ἦ τοι τὸν Λητω τε καὶ Ἄρτεμις ἰοχέαιρα
ἐν μεγάλῳ ἀδύτῳ ἀκέοντό τε κύδαινόν τε.
αὐτὰρ ὁ εἴδωλον τεῦξ' ἀργυρότοξος Ἀπόλλων
αὐτῷ τ' Αἰνείᾳ ἴκελον καὶ τεύχεσι τοῖον...

Од. 9. 420. αὐτὰρ ἐγὼ βούλευον, ὅπως ὄχ' ἄριστα γένοιτο,
εἴ τιν' ἑταίροισιν θανάτου λύσιν ἠδ' ἐμοὶ αὐτῷ
εὑροίμην·

Присматриваясь къ обѣимъ этимъ группамъ примѣровъ, мы должны сказать слѣдующее:

1. Изъ примѣра Ил. 4. 237 было нами уже на страницѣ 14 заключено, что αὐτός не можетъ быть въ немъ, а слѣдовательно, можно добавить, и въ другихъ примѣрахъ, составляющихъ съ нимъ одинъ разрядъ, анафорическимъ. Но и за δεικτικόν и за прямаго личнаго показателя это αὐτός ни въ какомъ случаѣ принимать нельзя: первое невозможно, потому что въ большинствѣ примѣровъ предметъ, къ которому αὐτός отнесено, есть *удаленный* по отношенію къ говорящему, а второе, потому что одно и тоже αὐτός употреблено здѣсь при *всѣхъ лицахъ*, въ то время какъ личные показатели должны представить для *каждаго лица особое слово*.

2. Сопоставляя примѣры: Од. 1. 251 съ Од. 10. 339, Од. 9. 406 съ Ил. 2. 64, Ил. 5. 450 съ Ил. 1. 112, мы замѣчаемъ, что слово, непосредственно обозначающее тотъ предметъ, который авторъ представляетъ слушателю при помощи слова αὐτός, можетъ быть пропущено и слово αὐτός совершенно будетъ достаточно для выраженія того, что выражено было въ одномъ случаѣ черезъ ἐμ' αὐτόν, въ другомъ черезъ σ' αὐτόν, а въ третьемъ черезъ αὐτοῦ Ἀλκινόοιο.

До такой самостоятельности, какая выражается въ простомъ словѣ αὐτόν въ сравненіи съ замѣняющимъ его оборотомъ напр. ἐμ' αὐτόν, слово αὐτός могло дойти, конечно, только тогда, когда самъ предметъ, къ которому αὐτός относится, достаточно опредѣленъ контекстомъ, такъ что при произношеніи слова αὐτός можно было его угадать; но этого не достаточно: и въ самомъ αὐτός должно отыскать условія для такой самоопредѣленности его значенія; послѣднее слово, не будучи ни ἀναφορικόν, ни δεικτικόν, ни πρωτότυπον (личный показатель), ни, конечно, ὀνομαστικόν (именовательное слово), должно непремѣнно въ контекстѣ отображаться своимъ значеніемъ въ какомъ нибудь понятіи, находящемся къ нему въ отношеніи логической противоположности.—Что αὐτός не имѣло бы дѣйствительно никакого смысла, если бы рядомъ съ нимъ не были выставлены слова, обозначающія принадлежность предметовъ, къ названіямъ которыхъ приставлено слово αὐτός, это замѣчается прежде всего въ приведенныхъ нами примѣрахъ слитныхъ предложеній: въ примѣрѣ Ил. 11. 708 появилось αὐτός только въ тотъ моментъ, когда авторъ началъ думать о словѣ ἵπποι,—въ примѣрѣ Од. 7. 70 αὐτοῦ при словѣ Ἀλκινόοιο было бы не возможно, еслибы не было тамъ словъ φίλων παίδων,—въ Ил. 5. 450 оборотъ αὐτῷ Αἰνείᾳ не состоится безъ

слова τεύχεσι, и такъ и во всѣхъ прочихъ примѣрахъ.—Мы можемъ опредѣлить смыслъ словъ напр. Ἑταῖρος καὶ αὐτός, не ища къ нимъ *никакого дальнѣйшаго контекста*; опредѣляемъ мы его слѣдующими словами: друзья чьи нибудь и самъ тотъ, которому вышеозначенныя лица суть друзьями. Слово ἑταῖρος выражаетъ собою относительнос понятіе: я не могу называть себя другомъ, если не имѣю при этомъ въ виду лица, которому я другъ; съ другой же стороны въ примѣрѣ *я другъ твоего брата* слово *братъ* выражаетъ по отношенію къ слову *другъ* понятіе абсолютное: оно представляется намъ центромъ своего относительнаго понятія *другъ*. Послѣ всего вышеизложеннаго мы можемъ сказать, что слово αὐτός, въ данныхъ случаяхъ, представляетъ слушателю извѣстный предметъ центромъ другихъ предметовъ; оно не ставится, пока первый предметъ не представляется намъ окруженнымъ послѣдними. Изъ Германовыхъ одинадцати ссылокъ принадлежатъ сюда: Од. 11. 602, Ил. 1. 4, Од. 19. 326, Ил. 7. 474. Сюда же можно отнести выраженія, употребляемыя древними логиками, какъ-то: αὐτὸ τὸ καλόν. Выраженіе это можно бы перевести словами: *понятіе прекраснаго*; αὐτός здѣсь употреблено потому, что *понятіе* или, по выраженію древнихъ, *идея* τοῦ καλοῦ представляется уму составителя такого выраженія окруженною *предметами*, называемыми καλοί; послѣдніе, какъ не принадлежащіе къ дѣлу, говорящій хочетъ, употребляя такое выраженіе, *исключить* изъ матеріала своего сужденія. Мы назовемъ такое αὐτός—αὐτός *distinctionis*.

1 2.

Перейдемъ къ Германовой ссылкѣ Ил. 8. 75. Это мѣсто можно понимать двоякимъ образомъ: или слова αὐτός δ' ἐξ Ἴλης μεγάλ' ἔκτυπε составляютъ противоположность къ словамъ αἱ μὲν Ἀχαιῶν κῆρες (на вѣсахъ Зевеса) ἐπὶ πουλυβοτείρῃ χθονὶ ἑζέσθην, Τρώων δὲ πρὸς οὐρανὸν εὐρὺν ἄερθεν, а въ такомъ случаѣ и этотъ примѣръ принадлежитъ къ вышеприведенной группѣ примѣровъ, или же они составляютъ противоположность къ словамъ ἕλκε δὲ μέσσα λαβών, а въ такомъ случаѣ данный примѣръ совершенно одинаковъ съ другою Германовою ссылкою Ил. 17. 48, и мы находимъ обоимъ этимъ примѣрамъ аналогію въ совершенно другихъ мѣстахъ, чѣмъ были объясняемыя выше. Послѣднее пониманіе нашего примѣра возможно только тогда, если мы считаемъ слова αἱ μὲν Ἀχαιῶν κῆρες.... ἄερθεν парентетически; онъ напоминаетъ намъ при такомъ его пониманіи тѣ мѣста изъ Гомера, въ которыхъ сопоставляются два предложенія съ одинаковымъ всегда подлежащимъ, при чемъ въ одномъ изъ этихъ предложеній подлежащее относитъ свое дѣйствіе къ какому нибудь *внѣ него находящемуся* предмету, въ другомъ же предложеніи *это же* подлежащее относитъ свое дѣйствіе *къ самому себѣ*,—другими словами: въ первомъ предложеніи находится *переходной* глаголъ (въ болѣе

широкомъ смыслѣ этого слова), а во второмъ при томъ же подлежащемъ глаголъ *непереходной*. Сравни слѣдующія мѣста:

Од. 15. 219. Ἐγκοσμεῖτε τὰ τεύχε', ἑταῖροι, νηῒ μελαίνῃ,
αὐτοί τ' ἀμβαίνωμεν, ἵνα πρήσσωμεν ὁδοῖο.

Ил. 3. 113. καὶ ῥ' ἵππους μὲν ἔρυξαν ἐπὶ στίχας, ἐκ δ' ἔβαν αὐτοί.

Ил. 11. 296. ὣς ἐπ' Ἀχαιοῖσιν σεῦε Τρῶας μεγαθύμους
Ἕκτωρ Πριαμίδης, βροτολοιγῷ ἶσος Ἄρηι,
αὐτὸς δ' ἐν πρώτοισι μέγα φρονέων ἐβεβήκει...

Ил. 6. 260. ἀλλὰ μέν', ὄφρα κέ τοι μελιηδέα οἶνον ἐνείκω,
ὡς σπείσῃς Διὶ καὶ πατρὶ καὶ ἄλλοις ἀθανάτοισιν
πρῶτον, ἔπειτα δέ κ' αὐτὸς ὀνήσεαι, αἴ κε πίῃσθα.

Особенный разрядъ могутъ составлять здѣсь тѣ мѣста, въ которыхъ непереходной и переходной глаголъ относятся къ одному и тому же дѣйствію. Сравни напр.

Од. 23. 68. ὤλεσε τηλοῦ νόστον Ἀχαιΐδος, ὤλετο δ' αὐτός.

Ил. 2 191. ἀλλ' αὐτός τε κάθησο καὶ ἄλλους ἵδρυε λαούς.

Од. 4. 453. ἐν δ' ἡμέας πρώτους λέγε κήτεσιν, οὐδέ τι θυμῷ
ὠίσθη δόλον εἶναι· ἔπειτα δὲ λέκτο καὶ αὐτός.

Ил. 5. 822. τοὔνεκα νῦν αὐτός τ' ἀναχάζομαι ἠδὲ καὶ ἄλλους
Ἀργείους ἐκέλευσα ἀλήμεναι ἐνθάδε πάντας·...

Од. 23. 307. αὐτὰρ ὁ διογενὴς Ὀδυσεύς, ὅσα τ' αὐτὸς ὀιζύσας ἐμόγησεν...
πάντ' ἔλεγ'...

Схема приведенныхъ нами въ этомъ отдѣлѣ группъ примѣровъ должна выразить собою грамматическое отношеніе, замѣчаемое между двумя сказуемыми вмѣстѣ съ ихъ грамматическими распространеніями, составляющими въ этихъ примѣрахъ необходимое условіе для появленія слова αὐτός. Схема эта можетъ быть изображена формулою: Abм:Aав[22]). Ей соотвѣтствуетъ въ другихъ примѣрахъ схема, находящая себѣ соотвѣтствіе въ формулѣ Бам:Аав; послѣдняя одинаково съ первою вызываетъ постановку слова αὐτός. Для того, чтобы намъ можно было возвести къ одному общему правилу обѣ

---

22) Большія латинскія буквы обозначаютъ подлежащія двухъ предложеній, греческія буквы сказуемыя, а малыя латинскія буквы обозначаютъ дополненія. Однозвучныя буквы (A и a) имѣютъ въ этой формумѣ указать на то, что грамматическую часть предложенія, обозначенную этими буквами, составляетъ одно и тоже лице, одинъ и тотъ же предметъ. Конечно, дополненіе *a* въ нашихъ примѣрахъ не выражено особеннымъ словомъ, а заключается уже въ непереходномъ глаголѣ.

эти схемы, мы должны прежде всего устранить нѣкоторыя терминологическія затрудненія. Въ виду этого мы укажемъ прежде всего вотъ на что: осуществленіе на предметахъ понятія, выраженнаго въ сказуемомъ, можетъ показаться въ однихъ случаяхъ активнымъ, (напр. ὁ ἀνὴρ γέγραφε), въ другихъ же случаяхъ пассивнымъ (предметъ, на которомъ сказуемое осуществляется пассивно, можетъ быть поставленъ грамматически или подлежащимъ:—τοῦτο ὑπὸ τοῦ ἀνδρὸς γεγραμμένον ἐστίν, или дополненіемъ извѣстнаго глагола:—ὁ ἀνὴρ γέγραφε τοῦτο), и мы будемъ выражаться такъ; сказуемое опредѣляется на такомъ-то предметѣ *активно*, а на такомъ-то *пассивно* или: такой то предметъ есть *активный* опредѣлитель сказуемаго, а такой-то *пассивный*. Конечно, слова *активный* и *пассивный* выражаютъ понятія относительныя и найдутся примѣры, въ которыхъ мы, не имѣя возможности противопоставить какому нибудь опредѣлителю сказуемаго другого опредѣлителя, который вызывалъ бы насъ на отыскиваніе такого соотношенія, будемъ говорить объ *опредѣлителяхъ сказуемаго вообще* (τοῦτο ἀγαθόν ἐστιν). Въ примѣрахъ, соотвѣтствующихъ нашимъ двумъ схемамъ Абм : Аав и Вам : Аав замѣчается, что въ одной половинѣ этихъ схемъ сказуемое находитъ себѣ въ такомъ же смыслѣ полное опредѣленіе на *одномъ* предметѣ, въ комъ другое сказуемое нужно было опредѣлить на *двухъ* предметахъ, и мы можемъ эти разныя системы опредѣленія двухъ сказуемыхъ по взаимному ихъ отношенію назвать одну *концентрическою* а другую *эксцентрическою*. —

Такимъ образомъ правило по вопросу объ употребленіи слова αὐτός, которымъ мы намѣрены обобщить обѣ схемы, приметъ слѣдующій видъ: Сопоставленіе эксцентрическаго и концентрическаго опредѣленій двухъ сказуемыхъ, вызванное тѣмъ, что одинъ и тотъ же предметъ, который былъ въ сказуемомъ, опредѣленномъ эксцентрически, однимъ изъ частныхъ его опредѣлителей (активнымъ или пассивнымъ), является концентрическимъ опредѣлителемъ другого сказуемаго, привлекаетъ постановку слова αὐτός къ этому предмету тамъ, гдѣ онъ опредѣляетъ сказуемое *концентрически*. Для разъясненія схемы Вам : Аав мы здѣсь поставимъ слѣдующіе примѣры:

Ил. 6. 363. ἀλλὰ σύγ' ὄρνυθι τοῦτον, ἐπειγέσθω δὲ καὶ αὐτός.

Ил. 5. 520. Τοὺς δ'Αἴαντε δύω καὶ Ὀδυσσεὺς καὶ Διομήδης
ὤτρυνον Δαναοὺς πολεμιζέμεν· οἱ δὲ καὶ αὐτοὶ
οὔτε βίας Τρώων ὑπεδείδισαν οὔτε ἰωκάς.

Од. 8. 490. λίην γὰρ κατὰ κόσμον Ἀχαιῶν οἶτον ἀείδεις,
ὅσσ' ἔρξαν τ' ἔπαθόν τε καὶ ὅσσ' ἐμόγησαν Ἀχαιοί,
ὥστε που ἢ αὐτὸς παρεὼν ἢ ἄλλου ἀκούσας.

Од. 23. 357. πολλὰ μὲν αὐτὸς ἐγὼ λήισσομαι, ἄλλα δ' Ἀχαιοί
δώσουσ', εἰσόκε πάντας ἐνιπλήσωσιν ἐπαύλους.

Какъ при дистинктивномъ αὐτός, въ примѣрѣ αὐτὸ τό καλόν, слово αὐτό опиралось на *подразумѣваемую* только, а не *высказанную* противуположность, точно также и здѣсь мы можемъ сказать, что иногда замѣчается присутствіе *одной* только части вышеобозначенныхъ формулъ, а именно части Aav, вторая же часть *предполагается представленною* въ умѣ автора и слушателя; авторъ, умалчивая объ ней, *исключаетъ* ее, какъ было нами замѣчено и въ выраженіи αὐτὸ τὸ καλόν, изъ матеріала своего сужденія; этимъ-то и отличается полная схема отъ половинной, что въ первой эксцентрическое опредѣленіе одного сказуемаго съ концентрическимъ другаго сказуемаго *сопоставляется по всѣмъ логически возможнымъ схемамъ*, во второй эксцентрическое концентрическимъ *уже всегда только исключается*. Сравни:

Од. 1. 216. οὐ γάρ πώ τις ἐὸν γόνον αὐτὸς ἀνέγνω (пополни: «а другіе ему должны сказать»).

Од. 6. 218. Ἀμφίπολοι, στῆθ' οὕτω ἀπόπροθεν, ὄφρ' ἐγὼ αὐτὸς
ἅλμην ὦμοιιν ἀπολούσομαι, ἀμφὶ δ' ἐλαίῳ
χρίσομαι (пополняется мыслью: «Вы меня мыть не будете».

Од. 3. 255. ἤτοι μὲν τάδε καὐτὸς ὀΐεαι, (говорить тебѣ не нужно)
... ὥς κεν ἐτύχθη,
εἰ ζωόν γ' Αἴγισθον ἐνὶ μεγάροισιν ἔτετμεν
Ἀτρεΐδης Τροίηθεν ἰών, ξανθὸς Μενέλαος·...

Въ приведенныхъ нами трехъ примѣрахъ половинная схема взята изъ второй формулы Bam·Aav. Къ половинной схемѣ первой формулы Abm:Aav нужно отнести напр. предложеніе αὐτὸς ποιεῖται, если это предложеніе пополняется фразою: ἄλλους ποιεῖν οὐκ ἐᾷ, или, другими словами, если только оно исключаетъ собою эксцентрическое опредѣленіе сказуемаго, выражающееся въ оборотѣ ἐᾶν τινά τι ποιεῖν. На такой примѣръ указываетъ намъ и Германъ въ своихъ одинадцати ссылкахъ: смыслъ фразы τὴν αὐτὸς φιλέεσκε, встрѣчающейся въ Ил. 9. 449, излагаетъ онъ словами: quam ipse amabat, neque ab aliis volebat amari.

Чтобы доказывать отсутствіе анафорическаго и диктичеекаго значеній, а также значенія прямаго личнаго показателя въ употребленномъ въ примѣрахъ этого отдѣла αὐτός, этого отъ насъ читатель, мы надѣемся, не потребуетъ. Сопоставленіе примѣровъ Од. 4. 74 и Ил. 23. 357 съ примѣрами, въ которыхъ αὐτός не имѣетъ при себѣ никакого другого слова, обозначающаго непосредственно предметъ разговора, вызвавшій постановку въ рѣчи слова αὐτός, заставляетъ насъ объ этомъ αὐτός повторить и второй пунктъ, высказанный на стр. 26 о дистинктивномъ αὐτός. Въ какомъ именно понятіи отображается слово αὐτός, это видно изъ вышеобъясненныхъ формулъ: общій

опредѣлитель двухъ сказуемыхъ противупоставляется опредѣлителю, составляющему при томъ изъ означенныхъ сказуемыхъ, которое опредѣляется эксцентрически, одинъ изъ факторовъ этого эксцентрическаго опредѣленія. При дистинктивномъ αὐτός предметъ представляется намъ центромъ, *благодаря другимъ предметамъ, окружающимъ его*, въ этихъ же примѣрахъ предметъ дѣлается центромъ, *благодаря сказуемымъ*. Въ послѣднихъ мы назовемъ αὐτός—αὐτός *reflexionis*.

Въ синтаксическомъ отношеніи концентраціи опредѣленія сказуемаго въ извѣстной намъ половинѣ разбираемыхъ нами схемъ соотвѣтствовала до сихъ поръ постановка въ этой половинѣ схемъ непереходнаго, по отношенію къ эксцентрически опредѣляемому сказуемому, глагола, такъ что концентрическій опредѣлитель своего сказуемаго могъ быть, какъ мы уже намекнули на это въ выноскѣ 22-ой, синтаксически или выраженъ, или подразумѣваемъ только *одинъ разъ*. Но вмѣсто непереходнаго глагола можетъ встрѣчаться и глаголъ переходной, а въ такомъ случаѣ концентрическій опредѣлитель долженъ быть уже синтаксически мыслимъ *два раза*: второй разъ онъ будетъ именно выраженъ въ одномъ изъ другихъ падежей кромѣ именительнаго и выраженіе это будетъ происходить всегда при посредствѣ прямыхъ личныхъ показателей предмета, со включеніемъ въ нихъ словъ οὗ οἵ ἕ. Αὐτός получаетъ потомъ возможность быть поставленнымъ и въ другомъ какомъ нибудь падежѣ кромѣ именительнаго, если именно концентрическій опредѣлитель своего сказуемаго противупоставляется пассивному, а не активному опредѣлителю другаго сказуемаго. Изъ Германовыхъ ссылокъ принадлежитъ сюда Ил. 19. 302. Сравни еще:

Од. 2. 45. οὔτε τι δήμιον ἄλλο πιφαύσκομαι οὐδ' ἀγορεύω,
ἀλλ' ἐμὸν αὐτοῦ χρεῖος, ὅ μοι κακὸν ἔμπεσεν οἴκῳ,
δοιά·

Од. 1. 356. ἀλλ' εἰς οἶκον ἰοῦσα τὰ σ' αὐτῆς ἔργα κόμιζε,
ἱστόν τ' ἠλακάτην τε...

Од. 11. 369. μῦθον δ' ὡς ὅτ' ἀοιδὸς ἐπισταμένως κατέλεξας,
πάντων τ' Ἀργείων σέο τ' αὐτοῦ κήδεα λυγρά.

Ил. 23. 126 ... ἔνθ' ἄρ' Ἀχιλλεὺς
φράσσατο Πατρόκλῳ μέγα ἠρίον ἠδὲ οἱ αὐτῷ.

Читатель самъ приложитъ общую дедукцію, указанную нами выше, къ каждому изъ этихъ примѣровъ. Употребляя объ αὐτός этой главы терминъ αὐτός *reflexionis* а не употребительный терминъ *reflexivum*, мы хочемъ указать на важное обстоятельство. Reflexio выражена въ этихъ примѣрахъ (въ томъ смыслѣ, въ какомъ она была прежде выражена значеніемъ самаго глагола) мѣстоименіями ἐγώ, σύ и названнымъ грамматиками по причинѣ, о которой намъ прійдется

еще ниже говорить, reflexivum κατ' ἐξοχήν словомъ οὗ, а появленіе слова αὐτός есть уже *послѣдствіе* такой рефлексіи, происходящей въ опредѣленіи глагола. Для показанія, до какого разнообразія могла доходить первоначальная схема, вызывающая αὐτός reflexionis, мы приведемъ еще слѣдующіе примѣры:

Од. 8. 441 τόφρα δ' ἄρ' Ἀρήτη ξείνῳ περικαλλέα χηλόν
ἐξέφερεν θαλάμοιο, τίθει δ' ἐνὶ κάλλιμα δῶρα,
ἐσθῆτα χρυσόν τε, τά οἱ Φαίηκες ἔδωκαν·
ἐν δ' αὐτὴ φᾶρος θῆκεν καλόν τε χιτῶνα...

Смыслъ послѣднихъ словъ этого мѣста несомнѣнно такой: Арета отъ Феаковъ положила ἐσθῆτα и χρυσόν, а отъ себя φᾶρος и χιτῶνα; во всякомъ случаѣ опредѣленія понятія выраженнаго въ сказуемомъ τίθημι во второмъ предложеніи болѣе концентровано на лицѣ Арета, чѣмъ въ первомъ, хотя эта концентрація не показана синтаксически ни непереходнымъ глаголомъ, ни личнымъ мѣстоименіемъ, а повела прямо, обходя оба эти средства, къ употребленію слова αὐτός.

Од. 17. 125 ὦ πόποι, ἦ μάλα δὴ κρατερόφρονος ἀνδρὸς ἐν εὐνῇ
ἤθελον εὐνηθῆναι, ἀνάλκιδες αὐτοὶ ἐόντες.

Этотъ примѣръ можно толковать двоякимъ образомъ. Одинъ способъ пониманія его мы передадимъ фразою: не будучи въ состояніи своею собственною силою возвыситься, они стараются это сдѣлать на чужой счетъ,—а въ такомъ случаѣ мѣсто это походитъ на приведенное на стр. 30 мѣсто Од. 1. 216.. Второй способъ пониманія этого мѣста можно передать словами: сами они слабы, а за сильныхъ принимаются; въ послѣднемъ случаѣ авторъ хочетъ поставить на видъ своему слушателю противорѣчіе,—несовмѣстимость мыслей, выходящихъ изъ концентрическаго опредѣленія одного, и эксцентрическаго опредѣленія другаго сказуемаго.

Ил. 12. 305. ἀλλ' ὅγ' ἄρ' (λεών) ἣ ἥρπαξε μετάλμενος, ἠὲ καὶ αὐτὸς
ἔβλητ' ἐν πρώτοισι θοῆς ἀπὸ χειρὸς ἄκοντι·

Если бы мы въ этомъ примѣрѣ слово ἥρπαξε пополнили словами τοὺς διωκομένους, то подразумѣваніе послѣдняго слова не уничтожится и въ предложеніи αὐτός ἔβλητο, хотя прежній синтаксическій видъ его измѣнится (вмѣсто прежняго διωκομένους нужно поставить оборотъ ὑπὸ τῶν διωκομένων). Наша формула Abμ : Aav непримѣнима здѣсь въ той точности, въ которой она была примѣнима въ примѣрахъ, приведенныхъ на стр. 28, но тѣмъ не менѣе эксцентрическое направленіе дѣйствія ἥρπαξε, выходящее отъ подлежащаго λεών и доходящее до дополненія τοὺς διωκομένους, и съ другой стороны *концентрически обратное* (sic) направленіе тогоже дѣйстія во второмъ предложеніи видны изъ слѣдующаго схематическаго обобщенія этого мѣста:

то, что переносится въ одномъ случаѣ отъ льва къ другому предмету, отнесено въ другомъ случаѣ ко льву-же.

Од. 4. 748. μὴ πρίν σοι ἐρέειν, πρὶν δωδεκάτην γε γενέσθαι
ἢ σ' αὐτὴν ποθέσαι καὶ ἐφορμηθέντος ἀκοῦσαι.

Во второмъ предложеніи этой цитаты говорится, что Пенелопа должна узнать о путешествіи своего сына *по своей собственной инициативѣ*, по смыслу же перваго предложенія она узнала бы о томъ же по *инициативѣ чужой*. Въ этихъ нашихъ словахъ вполнѣ возстановлена одна изъ схемъ рефлексивнаго αὐτός, именно Вам : Аав.

Упомянемъ еще въ концѣ этого отдѣла о словахъ Германа, сказанныхъ по поводу двухъ относящихся къ этому отдѣлу и приведенныхъ выше ссылокъ Ил. 8. 75 и Ил. 17. 48 (смотри стр. 23); Германъ тамъ говоритъ что слово αὐτός dicitur ut distinguatur aliquis a semet ipso, ita ut ipse sine alius rei adjumento quid facere dicatur. Мы находимъ эти слова Германа во всякомъ случаѣ тѣсными для нашего рефлексивнаго αὐτός; мы назначимъ въ объясненіе и пополненіе сказаннаго нами на стр. 29 правила слѣдующіе предѣлы для рефлексивнаго αὐτός: слово принимаетъ αὐτός, когда исключительно *на немъ* сосредоточивается опредѣленіе сказуемаго въ противоположность другому сказуемому, требующему кромѣ него еще другое слово для своего пополненія, или когда на немъ опредѣляется сказуемое въ томъ направленіи, въ которомъ при его же содѣйствіи другое сказуемое опредѣляется на другомъ словѣ.

13.

Приступаемъ къ Германовой ссылкѣ Од. 6. 328. Германъ переводитъ это мѣсто такъ: preces ejus audivit, sed ipsi non venit in conspectum. Судя по переводу, можно бы это мѣсто отнести къ дистинктивному αὐτός; но въ греческомъ текстѣ нѣтъ слова, соотвѣтствующаго латинскому preces, а если сравнить между собою разныя отношенія двухъ сказуемыхъ, встрѣчающихся въ этой ссылкѣ, именно словъ ἔκλυε и φαίνετο, къ одному и тому же лицу— Одиссею, то мы замѣчаемъ, что осуществленіе перваго сказуемаго на Одиссеѣ могло произойти и безъ вѣдома самаго Одиссея, между тѣмъ какъ второе могло осуществиться на томъ же лицѣ только тогда, когда это лицо само сознавало его осуществленіе.— Мы сопоставимъ съ этимъ примѣромъ нижеслѣдующія мѣста:

Од. 4. 18. μετὰ δέ σφιν ἐρέλπετο θεῖος ἀοιδὸς
φορμίζων· δοιὼ δὲ κυβιστητῆρε κατ' αὐτοὺς
μολπῆς ἐξάρχοντος ἐδίνευον κατὰ μέσσους.

(Болѣе близкое отношеніе одного и менѣе близкое другого глагола къ однимъ и тѣмъ же лицамъ, пирующимъ, опредѣляется здѣсь пространственными размѣрами).

Од 5. 367. Εἶος ὁ ταῦθ' ὥρμαινε κατὰ φρένα καὶ κατὰ θυμόν,
ὦρσε δ' ἐπὶ μέγα κῦμα Ποσειδάων ἐνοσίχθων,
δεινόν τ' ἀργαλέον τε, κατηρεφές, ἤλασε δ' αὐτόν.

(Посидонъ дѣйствуетъ здѣсь на Одиссея разъ посредственно, другой разъ непосредственно).

Од. 7. 21: ἔνθα οἱ ἀντεβόλησε θεὰ γλαυκῶπις Ἀθήνη
παρθενικῇ εἰκυῖα νεηνιδι, κάλπιν ἐχούσῃ.
στῆ δὲ πρόσθ' αὐτοῦ· ὁ δ' ἀνείρετο δῖος Ὀδυσσεύς.

(Въ этомъ примѣрѣ мы замѣчаемъ такую же разницу между болѣе далекимъ и между болѣе близкимъ отношеніемъ двухъ сказуемыхъ къ одному и тому же лицу, какъ въ первой ссылкѣ Од. 4. 18.)

Од. 10. 196: εἶδον γὰρ σκοπιὴν ἐς παιπαλόεσσαν ἀνελθὼν
νῆσον, τὴν πέρι πόντος ἀπείριτος ἐστεφάνωται·
αὐτὴ δὲ χθαμαλὴ κεῖται· καπνὸν δ' ἐνὶ μέσσῃ
ἔδρακον ὀφθαλμοῖσι διὰ δρυμὰ πυκνὰ καὶ ὕλην.

Въ послѣднемъ изъ приведенныхъ нами примѣровъ слова περί ἐστι πόντος не имѣютъ такого прямаго отношенія къ слову νῆσος, какъ слово χθαμαλή ἐστιν первыя относятся скорѣе къ окрестностямъ острова, вторыя уже къ самому острову. Нельзя не замѣтить той близости, въ которой находится послѣдній примѣръ къ мѣстамъ, въ которыхъ мы указывали на дистинктивное αὐτός; онъ къ нимъ гораздо ближе, чѣмъ вышеупомянутая Германова ссылка Од. 6. 328, такъ какъ понятіе окрестностей, т. е. предметовъ, представляющихся намъ окружающими предметъ νῆσος, находитъ себѣ особое выраженіе въ синтаксически самостоятельномъ словѣ περί; онъ былъ бы совершенно одинаковъ съ означенными примѣрами, если бы понятіе *окрестности* выражено было въ греческомъ текстѣ черезъ имя существительное, а не черезъ нарѣчіе. Отсутствіе послѣдняго обстоятельства заставляетъ насъ отдѣлить αὐτός, встрѣчающееся въ этомъ и сопоставленныхъ съ нимъ въ одну группу примѣрахъ, отъ дистинктивнаго αὐτός и дать ему особое названіе. Пусть будетъ мнѣ позволено называть его αὐτός *immediabilitatis*, хотя боюсь, что употребилъ во зло права терминолога.

Указывать и на этомъ αὐτός на отсутствіе отношенія къ ἀναφορικά, δεικτικά и прямымъ личнымъ показателямъ, какъ это мы сдѣлали съ дистинктивнымъ его значеніемъ на страницѣ 26, мы считаемъ лишнимъ. Изъ Германовыхъ ссылокъ принадлежитъ къ нему еще Од. 3. 171. Выраженія, какъ-напр.: подъ самый глазъ=ὑπ' αὐτὸν τὸν ὀφθαλμόν (сравни Ил. 13. 615:

ἤτοι ὁ μὲν κόρυθος φάλον ἤλασεν ἱπποδασείης
ἄκρον ὑπὸ λόφον αὐτόν)

ведутъ также къ отправленію исключенія, какъ примѣры, показанные на страницахъ 27 и 30.

14.

Одинадцать ссылокъ, приведенныя Германомъ для объясненія главнаго правила его, относящагося къ значенію слова αὐτός, разобраны нами всѣ, за исключеніемъ Ил. 8. 4, о которомъ прійдется поговорить ниже. Но Германъ, какъ мы уже выше сказали, указываетъ еще на другіе оттѣнки слова αὐτός; онъ объясняетъ эти оттѣнки не дедукціями уже, а отыскиваніемъ соотвѣтственныхъ словъ въ латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Для насъ самыя важныя изъ этихъ его ссылокъ—первая изъ его второй статьи и всѣ 7, составляющія матеріалъ 3-й статьи разбираемыхъ нами правилъ. Послѣднія семь ссылокъ разберемъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ; здѣсь разсмотримъ первую: она взята изъ Ил. 6. 450 и есть слѣдующая:

ἀλλ᾽ οὔ μοι Τρώων τόσσον μέλει ἄλγος ὀπίσσω,
οὔτ᾽ αὐτῆς Ἑκάβης.

Германъ по поводу этого примѣра говоритъ: Sæpe αὐτός vel, adeo significat. Мы приблизились бы довольно къ смыслу словъ οὐδ᾽ αὐτῆς Ἑκάβης, еслибы мы перевели всю фразу словами: не печалься ни о Троянахъ, ни о Гекабѣ; разница между нашимъ переводомъ и греческою фразою только та, что Гекаба (лицо, къ слову котораго приставлено въ греческомъ текстѣ слово αὐτός), представляется намъ при чтеніи греческаго текста главныхъ изъ тѣхъ лицъ, къ которымъ относится сказуемое μέλει ἄλγος, между тѣмъ какъ въ русскомъ текстѣ всѣ означенныя лица поставлены не одинаковую степень. Сравни еще слѣдующія мѣста:

Од. 19. 132: ὅσσοι γὰρ νήσοισιν ἐπικρατέουσιν ἄριστοι,
Δουλιχίῳ τε Σάμῃ τε καὶ ὑλήεντι Ζακύνθῳ,
οἵ τ᾽ αὐτὴν Ἰθάκην εὐδείελον ἀμφινέμονται,
οἵ μ᾽ ἀεκαζομένην μνῶνται, τρύχουσι δέ οἶκον.

Од. 14. 94: οἶνον δὲ φθινύθουσιν ὑπέρβιον ἐξαφύοντες.
ἦ γὰρ οἱ ζωή γ᾽ ἦν ἄσπετος· οὔτινι τόσση
ἀνδρῶν ἠρώων, οὔτ᾽ ἠπείροιο μελαίνης
οὔτ᾽ αὐτῆς Ἰθάκης·...

Од. 10. 416. δόκησε δ᾽ ἄρα σφίσι θυμὸς
ὣς ἔμεν, ὡς εἰ πατρίδ᾽ ἱκοίατο καὶ πόλιν αὐτὴν
τρηχείης Ἰθάκης, ἵνα τ᾽ ἔτραφεν ἠδ᾽ ἐγένοντο·...

И въ этихъ примѣрахъ αὐτός очень походитъ на дистинктивное αὐτός; они отличаются отъ примѣровъ дистинктивнаго αὐτός только тѣмъ, что тамъ одинъ предметъ является главнѣе другаго на основаніи отношенія, въ которомъ всѣ эти предметы находятся *другъ къ другу*, здѣсь является

одинъ главнѣе другаго на основаніи разныхъ отношеній, въ которыхъ они находятся къ *говорящему или дѣйствующему лицамъ*. Часто даже случается, что главнымъ выставляется само дѣйствующее, или говорящее лице. Срав. для примѣра слѣдующія мѣста:

Од. 6. 39: ἀλλ' ἄγ' ἐπότρυνον πατέρα κλυτὸν ἠῶθι πρὸ
ἠμιόνους καὶ ἅμαξαν ἐφοπλίσαι, ἥ κεν ἄγῃσιν
ζῶστρά τε καὶ πέπλους καὶ ῥήγεα σιγαλόεντα.
καὶ δὲ σοὶ ὧδ' αὐτῇ πολὺ κάλλιον ἠὲ πόδεσσιν
ἔρχεσθαι· πολλὸν γὰρ ἀπὸ πλυνοί εἰσι πόληος.

Од. 6. 60. Πάππα φίλ', οὐκ ἂν δή μοι ἐφοπλίσσειας ἀπήνην
ὑψηλὴν εὔκυκλον, ἵνα κλυτὰ εἵματ' ἄγωμαι
ἐς ποταμὸν πλυνέουσα, τά μοι ῥερυπωμένα κεῖται;
καὶ δὲ σοὶ αὐτῷ ἔοικε μετὰ πρώτοισιν ἐόντα
βουλὰς βουλεύειν καθαρὰ χροῒ εἵματ' ἔχοντα.

Укажемъ здѣсь еще на одно обстоятельство. Оно видно изъ сопоставленія мѣстъ Ил. 2. 597 и Од. 16. 294. На первомъ мѣстѣ читаемъ:

...ἔνθα τε Μοῦσαι
ἀντόμεναι Θάμυριν τὸν Θρήϊκα παῦσαν ἀοιδῆς,
Οἰχαλίηθεν ἰόντα παρ' Εὐρύτου Οἰχαλῆος·
στεῦτο γὰρ εὐχόμενος νικησέμεν, εἴπερ ἄν αὐταὶ
Μοῦσαι ἀείδοιεν, κοῦραι Διὸς αἰγιόχοιο
αἱ δὲ χολωσάμεναι πηρὸν θέσαν, αὐτὰρ ἀοιδὴν
θεσπεσίην ἀφέλοντο, καὶ ἐκλέλαθον κιθαριστύν.

Второе мѣсто—слѣдующее:

ὁππότε κεν πολύβουλος ἐνὶ φρεσὶ θήσει Ἀθήνῃ,
νεύσω μέν τοι ἐγὼ κεφαλῇ, σὺ δ' ἔπειτα νοήσας,
ὅσσα τοι ἐν μεγάροισιν Ἀρήια τεύχεα κεῖται
ἐς μυχὸν ὑψηλοῦ θαλάμου καταθεῖναι ἀείρας
πάντα μάλ'· αὐτὰρ μνηστῆρας μαλακοῖς ἐπέεσσιν
παρφάσθαι, ὅτε κέν σε μεταλλῶσιν ποθέοντες·
„ἐκ καπνοῦ κατέθηκ"...
μή πως οἰνωθέντες, ἔριν στήσαντες ἐν ὑμῖν
ἀλλήλους τρώσετε, καταισχύνητέ τε δαῖτα
καὶ μνηστύν· αὐτὸς γὰρ ἐφέλκεται ἄνδρα σίδηρος".

Что и въ этихъ примѣрахъ αὐτός имѣетъ одинаковое съ прежними примѣрами значеніе, это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Хотя рядъ предметовъ, въ который входитъ предметъ, присоединяющій къ себѣ здѣсь слово αὐτός, не показанъ, но онъ во всякомъ случаѣ подразумѣвается. Это, впрочемъ, только мимоходомъ, а теперь къ дѣлу. Слова,

читаемыя въ Од. 16. 294 долженъ по совѣту Одиссея Телемахъ сказать женихамъ, когда они будутъ его спрашивать о причинѣ переборки желѣза. »Самое уже присутсвіе желѣза«, долженъ Телемахъ говорить, »не говоря уже о другомъ, могло бы Васъ побудить къ дракѣ«. Желѣзо представляется намъ въ ряду причинъ, влекущихъ за собою извѣстное дѣйствіе, самою ничтожнѣйшею и стоящею въ ряду ихъ совершенно на противоположной сторонѣ въ сравненіи съ тою, на которую въ первомъ примѣрѣ (Ил. 2. 597) прійдется стать предмету Μοῦσαι въ ряду своихъ, то есть однородныхъ съ нимъ по отношенію къ контексту, предметовъ. На такіе оттѣнки значенія слова αὐτός указываетъ Гартунгъ въ своей: Lehre von den Partikeln griechischer Sprache, когда онъ II. 4 говоритъ: durch das Wort αὐτός wird die Sache entweder unterhalb oder oberhalb der Dinge, die von ihr geschieden worden, gedacht, das heisst, entweder ihnen untergeordnet, oder uber sie erhoben, wodurch dort eine vermindernde hier eine steigernde Bedeutung zum Vorschein kommt. Смыслъ этихъ словъ будетъ нами переданъ вѣрно, если мы скажемъ, что посредствомъ слова αὐτός выставляется предметъ первымъ или послѣднимъ въ ряду предметовъ, сопоставляемыхъ съ нимъ.

Не безъ значенія должно быть для насъ то обстоятельство, что русское слово *самый*, аналогичное слову αὐτός, употребляется для образованія превосходной степени, значитъ той этимологической формы, которая указываетъ на крайнюю изъ представляющихся слушателю во время ея произнесенія степеней извѣстнаго качества.

Указывая на подобныя явленія, относящія къ употребленію слова αὐτός мы невольно припоминаемъ себѣ математическую прогрессію, въ которой каждый новый членъ есть степень предыдущаго члена въ плюсовомъ или минусовомъ направленіи. Αὐτός присоединяется въ нашихъ примѣрахъ къ крайнему члену такой прогрессіи, а потому мы его назовемъ *progressivum*. Сюда же принадлежитъ оборотъ дат. падежа слова αὐτός, употребляющійся въ примѣрахъ, каковы:

Ил. 9. 542· πολλὰ δ' ὄγε προθέλυμνα χαμαὶ βάλε δένδρεα μακρὰ
αὐτῇσιν ῥίζῃσι καὶ αὐτοῖς ἄνθεσι μήλων.

Ил. 23. 8: μὴ δή πω ὑπ' ὄχεσφι λυώμεθα μώνυχας ἵππους,
ἀλλ' αὐτοῖς ἵπποισι καὶ ἅρμασιν ἆσσον ἰόντες
Πάτροκλον κλαίωμεν·...

Что такой дат. и замѣняется иногда у Гомера оборотомъ, состоящимъ изъ предлога σὺν и αὐτός, объ этомъ сравни:

Ил. 9. 194. στὰν δὲ πρόσθ' αὐτοῖο· ταφὼν δ' ἀνόρουσεν Ἀχιλλεὺς
αὐτῇ σὺν φόρμιγγι, λιπὼν ἕδος, ἔνθα θάασσεν и проч.

15.

Слѣдуетъ разборъ семи цитатъ, помѣщенныхъ у Германа въ 3-мъ пунктѣ его правилъ объ употребленіи слова αὐτός. Цитаты эти слѣдующія:

Ил. 13. 729: Ἕκτορ, ἀμήχανός ἐσσι παραρρητοῖσι πιθέσθαι.
οὕνεκά τοι πέρι δῶκε θεός πολεμήια ἔργα,
τοὔνεκα καὶ βουλῇ ἐθέλεις περιίδμεναι ἄλλων.
ἀλλ' οὔπως ἅμα πάντα δυνήσεαι αὐτός ἐλέσθαι.

Од. 7. 237: αὐτὰρ ὁ ἐν μεγάρῳ ὑπελείπετο δῖος Ὀδυσσεύς,
πὰρ δέ οἱ Ἀρήτη τε καὶ Ἀλκίνοος θεοειδὴς
ἧσθην· ἀμφίπολοι δ' ἀπεκόσμεον ἔντεα δαιτός.
τοῖσιν δ' Ἀρήτη λευκώλενος ἦρχετο μύθων·
ἔγνω γὰρ φᾶρός τε χιτῶνά τε εἵματ' ἰδοῦσα
καλὰ, τά ῥ' αὐτὴ τεῦξε σὺν ἀμφιπόλοισι γυναιξίν·
καί μιν φωνήσασ' ἔπεα πτερόεντα προσηύδα·
Ξεῖνε, τὸ μέν σε πρῶτον ἐγὼν εἰρήσομαι αὐτή·
τίς πόθεν εἶς ἀνδρῶν; τίς τοι τάδε εἵματ' ἔδωκεν;
οὐ δὴ φὴς ἐπὶ πόντον ἀλώμενος ἐνθάδ' ἱκέσθαι;

Од. 19. 104: Ἦ ῥα καὶ Εὐρυνόμην ταμίην πρός μῦθον ἔειπεν·
Εὐρυνόμη, φέρε δὴ δίφρον καὶ κῶας ἐπ' αὐτοῦ,
ὄφρα καθεζόμενος εἴπῃ ἔπος ἠδ' ἐπακούσῃ
ὁ ξεῖνος ἐμέθεν· ἐθέλω δέ μιν ἐξερέεσθαι.
Ὣς ἔφαθ', ἡ δὲ μάλ' ὀτραλέως κατέθηκε φέρουσα
δίφρον εὐξεστον καὶ ἐπ' αὐτῷ κῶας ἔβαλλεν·
ἔνθα καθέζετ' ἔπειτα πολύτλας δῖος Ὀδυσσεύς·
τοῖσι δὲ μύθων ἦρχε περίφρων Πηνελόπεια·
Ξεῖνε, τὸ μέν σε πρῶτον ἐγὼν εἰρήσομαι αὐτή·
τίς πόθεν εἶς ἀνδρῶν.

Од. 3. 19. Аѳина говоритъ Телемаху:
ἀλλ' ἄγε νῦν ἰθὺς κίε Νέστορος ἱπποδάμοιο·
εἴδομεν ἥντινα μῆτιν ἐνὶ στήθεσσι κέκευθεν.
λίσσεσθαι δέ μιν αὐτός, ὅπως νημερτέα εἴπῃ·...

Од. 3. 327. Несторъ къ Телемаху:
πὰρ δέ τοι υἷες ἐμοί, οἱ τοι πομπῆες ἔσονται
ἐς Λακεδαίμονα δῖαν, ὅθι ξανθὸς Μενέλαος.
λίσσεσθαι δέ μιν αὐτός, ἵνα νημερτὲς ἐνίσπῃ.

Од. 14. 331. Неузнанный и выдающій себя за другое лицо Одиссей разсказываетъ Евмею объ Одиссеѣ, что онъ слышалъ-де объ немъ отъ царя Ѳеспротовъ:
τὸν δ' ἐς Δωδώνην φάτο βήμεναι, ὄφρα θεοῖο
ἐκ δρυὸς ὑψικόμοιο Διὸς βουλὴν ἐπακούσαι,

ὅππως νοστήσῃ Ἰθάκης ἐς πίονα δῆμον
ἤδη δὴν ἀπεών, ἢ ἀμφαδὸν ἦε κρυφηδόν.
ὤμοσε δὲ πρὸς ἔμ' αὐτόν, ἀποσπένδων ἐνὶ οἴκῳ,
νῆα κατειρύσθαι καὶ ἐπαρτέας ἔμμεν ἑταίρους,
οἳ δή μιν πέμψουσι φίλην ἐς πατρίδα γαῖαν.
ἀλλ ἐμὲ πρὶν ἀπέπεμψε.

Од. 8. 396. Алкиной предлагаетъ Феакійскимъ старѣйшинамъ дать подарки Одиссею и говоритъ:

αἶψα δὲ πάντα φέρωμεν ἀολλέες, ὄφρ' ἐνὶ χερσὶν
ξεῖνος ἔχων ἐπὶ δόρπον ἴῃ χαίρων ἐνὶ θυμῷ·
Εὐρύαλος δέ ἑ αὐτὸν ἐρεσσάσθω ἐπέεσσιν
καὶ δώρῳ, ἐπεὶ οὔτι ἔπος κατὰ μοῖραν ἔειπεν.
Ὣς ἔφαθ', οἱ δ' ἄρα πάντες ἐπήνεον...
(Εὐρύαλος δ' Ὀδυσσῆι)
(406) ἐν χερσί τίθει ξίφος ἀργυρόηλον
καί μιν φωνήσας ἔπεα πτερόεντα προσηύδα.
χαῖρε πάτερ ὦ ξεῖνε...
(416) δύσετό τ' ἠέλιος, καὶ τῷ κλυτὰ δῶρα παρῆεν
καὶ τάγ' ἐς Ἀλκινόοιο φέρον κήρυκες ἀγαυοί.

Однако все это происходитъ безъ вѣдома Одиссея; ибо въ 427-мъ стихѣ Арета говоритъ:

ἀμφὶ δέ οἱ πυρὶ χαλκὸν ἰήνατε, θέρμετε δ' ὕδωρ,
ὄφρα λοεσσάμενός τε ἰδών τ' εὖ κείμενα πάντα
δῶρα, τά οἱ Φαίηκες ἀμύμονες ἐνθάδ' ἔνεικαν,
δαιτί τε τέρπηται καὶ ἀοιδῆς ὕμνον ἀκούων.

Приводя эти примѣры Германъ говоритъ слѣдующее: Quinque sæpe αὐτός distinguat aliquem ab aliis, sæpe solum notat. Hinc nata formula αὐτοί ἐσμεν de iis, qui ut soli cum amicis et familiaribus liberius loqui solent, unde significat quod nos dicimus im Vertrauen.

Мы тутъ не можемъ согласиться съ Германомъ во многомъ. Прежде всѣго не подлежитъ сомнѣнію, что мѣсто Одиссеи 8. 396 совершенно одинаково съ разобраннымъ нами на стр. 33 и Германомъ совершенно иначе группированнымъ мѣстомъ Од. 6. 328: αὐτός, встрѣчающееся въ Од. 8. 385, привлечено разницею въ опредѣленіи двухъ сказуемыхъ; смыслъ видь этого мѣста такой: Евріалъ пусть даетъ *лично* Одиссею подарокъ, а мы ему уже *другимъ* путемъ подарки передадимъ; это ясно видно изъ вышеприведеннаго контекста. Германъ имѣлъ бы только тогда нѣкоторое основаніе принимать здѣсь слово αὐτός въ значеніи solus, если бы вмѣсто αὐτόν поставлено было αὐτός и относилось бы къ Евріалу, но такого варіанта рукописи на этомъ мѣстѣ не представляютъ. Точно такъ же нельзя согласиться съ Германомъ относительно

мѣстъ Од. 7. 237 и 19. 104. Предложеніемъ εἰρήσομαι αὐτῇ, относящимся въ первомъ мѣстѣ къ Аретѣ, а въ другомъ къ Пенелопѣ, и Арета и Пенелопа хотятъ сказать, что онѣ *сами* будутъ распрашивать Одиссея о томъ, что имъ нужно знать, *отъ себя* Одиссей пусть имъ ничего не говоритъ. (Сравни

Од. 4. 118. μερμήριξε δ' ἔπειτα κατὰ φρένα καὶ κατὰ θυμόν.
ἠέ μιν αὐτὸν πατρὸς ἐάσειε μνησθῆναι,
ἦ πρῶτ' ἐξερέοιτο ἕκαστά τε πειρήσαιτο).

Видно, что оба примѣра Од. 7. 237 и Од. 19. 104 совершенно одинаковы съ разобраннымъ нами на стр. 32 мѣстомъ Од. 4. 748, и мы имѣемъ въ нихъ дѣло съ αὐτός reflexionis. Такое толкованіе оказывается необходимымъ въ Од. 19. 103, а потому должно быть принято и въ Од. 7. 237; послѣднее мѣсто дозволяетъ, конечно, судя по контексту, и другое толкованіе (какое,—доищется самъ читатель); однако надобно полагать, что съ типичностью выраженія εἰρήσομαι αὐτῇ, перешедшаго изъ перваго мѣста въ послѣднее, перешла туда и типичность мысли. Не съ такою увѣренностью мы можемъ на основаніи контекста не соглашаться съ Германомъ относительно Од. 3. 19 и Од. 3. 327. Германъ, переводя въ этихъ мѣстахъ слово αὐτός словомъ solus, объясняетъ себѣ, понятно, оба мѣста слѣдующимъ образомъ: не двое будутъ стремиться къ опредѣленной цѣли, а одинъ пусть проситъ,—толкованіе, которое нашъ контекстъ допускаетъ, но съ другой стороны нельзя не допустить и слѣдующаго объясненія: другіе въ твоемъ интересѣ до сихъ поръ дѣйствовали, но *просить* для тебя они уже отказываются, это ты уже сдѣлай себѣ самъ. При послѣднемъ толкованіи слово αὐτός будетъ опять αὐτός reflexionis. Во всякомъ случаѣ оба примѣра представляютъ собою слабую опору для принятія значенія solus въ словѣ αὐτός. Точно также на мѣсто; Од. 14. 331 Германъ ссылаться нельзя Одиссей здѣсь хочетъ *увѣрить* больше Евмея въ справедливости того, что онъ говоритъ, а потому и добавляетъ, что его свѣдѣнія почерпнуты не изъ *второстепенныхъ источниковъ*, а что ему *самому* клялся царь Ѳеспротовъ въ справедливости того, что онъ ему говорилъ о фиктивномъ здѣсь лицѣ Одиссеѣ. Остается разобрать еще Ил. 13. 729. Въ этомъ примѣрѣ сказано, что два разнородныхъ достоинства могутъ не быть соединены въ одномъ и томъ же лицѣ. Такое пониманіе этого мѣста, конечно, не приближаетъ его ни къ одному изъ вышеобъясненныхъ значеній слова αὐτός;—то же самое мы должны сказать о приведенномъ Германомъ оборотѣ αὐτοί ἐσμεν.

Другіе примѣры, имѣющіе объяснить соотвѣтствіе греческаго αὐτός латинскому solus, представляютъ намъ Кюнеръ и Амейсъ: первый въ своей Ausführliche Grammatik der griech. Sprache (стр. 562), второй въ своемъ Anhang zur Odyssee (см. его замѣтку къ Од. 14. 8). Примѣры эти слѣдующіе:

Ил. 8. 99 Διογενὲς Λαερτιάδη, πολυμήχαν' Ὀδυσσεῦ,
πῇ φεύγεις.....

Ὣς ἔφατ' οὐδ' ἐσάκουσε πολύτλας δῖος Ὀδυσσεύς,
ἀλλὰ παρήιξεν κοίλας ἐπὶ νῆας Ἀχαιῶν.
Τυδείδης δ', αὐτός περ ἐών, προμάχοισιν ἐμίχθη.

Ил. 21. 467. ...ἀλλὰ τάχιστα
παυσώμεσθα μάχης· οἱ δ' αὐτοὶ ὀηριαάσθων·

Од. 23. 171. ἀλλ' ἄγε μοι, μαῖα, στόρεσον λέχος, ὄφρα καὶ αὐτὸς
λέξομαι· ἦ γὰρ τῇγε σιδήρεος ἐν φρεσὶ θυμός.

Од. 15. 311. ἀλλά μοι εὖ θ' ὑπόθευ καὶ ἄμ' ἡγεμόν' ἐσθλὸν ὄπασσον,
ὅς κέ με κεῖσ' ἀγάγῃ· κατὰ δὲ πτόλιν αὐτὸς ἀνάγκῃ
πλάγξομοι, αἴ κέν τις κοτύλην καὶ πύρνον ὀρέξῃ.

Од. 15. 371. ἀλλά μοι αὐτῷ
ἔργον ἀέξουσιν μάκαρες θεοὶ ᾧ ἐπιμίμνω·
τῶν ἔφαγόν τ' ἔπιόν τε καὶ αἰδοίοισιν ἔδωκα.
ἐκ δ' ἄρα δεσποίνης οὐ μείλιχον ἔστιν ἀκοῦσαι
οὔτ' ἔπος οὔτε τι ἔργον, ἐπεὶ κακὸν ἔμπεσεν οἴκῳ,
ἄνδρες ὑπερφίαλοι·

Из. 2. 233. ἠὲ γυναῖκα νέην (разумѣй: я долженъ привести), ἵνα
μίσγεαι ἐν φιλότητι,
ἦντ' αὐτός ἀπονόσφι κατίσχεαι;

Изъ этихъ примѣровъ мы должны исключить прежде всего Од. 21 467. Слова, встрѣчающіяся въ этой ссылкѣ, говоритъ Аполлонъ Посидону; онъ не хочетъ—такой смыслъ находится въ этихъ словахъ—дѣйствовать въ интересѣ сражающихся Гектора и Ахиллеса и говоритъ, чтобы они сами рѣшили свою судьбу: αὐτός есть здѣсь αὐτός reflexionis. Такое же αὐτός можно усмотрѣть и въ Од. 15. 311 (до города пусть ведетъ меня проводникъ, а въ городѣ я буду пробиваться самъ). Не необходимо также въ Од. 15. 371 слово αὐτός принимать въ значеніи solus и можно бы понимать это мѣсто такъ: ко мнѣ-то самому боги относятси съ доброжелательствомъ, но госпожа моя несчастна: отъ нея ты никогда не услышишь ничего пріятнаго (αὐτός здѣсь—дистинктивное). Итакъ остается разсмотрѣть только примѣры Ил. 8. 99, Од. 23. 171 и Ил. 2. 233. Въ этихъ 3-хъ примѣрахъ отрицается опредѣленіе сказуемаго на бо́льшемъ количествѣ предметовъ или группъ ихъ въ противоположность меньшему ихъ количеству. Синтаксическая ихъ схема можетъ быть выражена здѣсь слѣдующею формулою: (А+В)μ : Аμ. (Читатель догадается, какъ нужно понимать эти знаки: они употреблены соотвѣтственно знакамъ, помѣщеннымъ нами на стр. 28 и объясняющимъ собою αὐτός reflexionis; знакъ +, употребленный въ послѣдней формулѣ, долженъ указывать на синтаксическую однородность частей предложенія, обозначенныхъ связанными посредствомъ этого знака буквами); αὐτός приставляется здѣсь къ слову, обозначенному черезъ А; предметъ, обозначенный этимъ словомъ, противопоставляется, какъ исключи-

тельный опредѣлитель извѣстнаго сказуемаго, той цѣлой группѣ предметовъ, опредѣляющихъ на себѣ въ томъ же направленіи это же сказуемое, въ которой онъ самъ состоитъ членомъ. Какая разница между αὐτός reflexionis и между тѣмъ, которое появляется въ разбираемыхъ нами примѣрахъ, отвѣтить легко, сопоставивъ формулы, помѣщенныя на стр. 28, съ формулою, выставленною здѣсь.

Оборотъ αὐτοί ἐσμεν, о которомъ Германъ упоминаетъ, принадлежитъ сюда же;—въ немъ одна половина выставленной нами выше формулы, именно (А+В)μ, словами не выражена, но подвазумѣвается: фраза αὐτοί ἐσμεν отображается во фразѣ οὐ μετ' ἄλλων ἐσμέν. Другая цитата Германа, оставшаяся прежде необъясненною, именно: οὔ πως ἅμα πάντα δυνήσεαι αὐτὸς ἐλέσθαι (Ил. 13. 729), ведетъ насъ къ формулѣ Аμ+Вν . А(μ+ν), которая, относительно значенія слова αὐτός, ни чѣмъ не отличается отъ прежней (А+В)μ : Аμ.

На одну изъ нашихъ цитатъ указываетъ и Аполлоній Дисколъ—это именно на приведенный нами на стр. 40 примѣръ Ил. 8. 99 (смотри περὶ ἀντωνυμίας стр. 80. В): онъ говоритъ, что αὐτός имѣетъ въ этомъ примѣрѣ (а слѣдовательно и въ другихъ, сопоставленныхъ нами въ одну съ нимъ группу) значеніе слова μόνος (ἰσοδυναμεῖ τῷ μόνος.); различіе между словомъ μόνος и между словомъ αὐτός, употребленнымъ въ нашихъ примѣрахъ, можетъ состоять развѣ только въ томъ, что μόνος отвѣчаетъ на вопросъ, *на сколькихъ* предметахъ или группахъ предметовъ опредѣляется сказуемое, а αὐτός отвѣчаетъ скорѣе на вопросъ, принимаетъ ли извѣстный предметъ, какъ извѣстный намъ уже опредѣлитель своего сказуемаго, еще другіе предметы въ свое сообщество, или нѣтъ. (такое αὐτός можетъ, значитъ, появляться только тогда, когда уже одно сказуемое на одномъ предметѣ опредѣлено и ожиданіе слушателемъ другаго опредѣлителя должно быть парализовано). Такая близость значенія нашего αὐτός къ слову μόνος заставляетъ назвать первое *монадическимъ* (на употребленіе этого термина даетъ намъ право Аполлоній πρεὶ συντ 26 и περὶ ἀντ. 14).

I. 6.

Къ монадическому αὐτός примыкаютъ примѣры, какъ-то:

Од. 23. 178. Пенелопа приказываетъ Евриклею:

ἀλλ' ἄγε οἱ στόρεσον πυκινόν λέχος, Εὐρύκλεια,
ἐκτὸς ἐϋσταθέος θαλάμου, τόν ῥ' αὐτὸς ἐποίει·
ἔνθα οἱ ἐκθεῖσαι πυκινὸν λέχος ἐμβάλετ' εὐνήν,
κώεα καὶ χλαίνας καὶ ῥήγεα σιγαλόεντα.
Ὣς ἄρ' ἔφη πόσιος πειρωμένη·

Од. 19. 482. Μαῖα, τίη μ' ἐθέλεις ὀλέσαι, σὺ δέ μ' ἔτρεφες αὐτή

τῷ σῷ ἐπὶ μαζῷ, νῦν δ' ἄλγεα πολλὰ μογήσας
ἦλυθον εἰκοστῷ ἔτει ἐς πατρίδα γαῖαν.

Мы говоримъ, что эти примѣры только *примыкаютъ* къ монадическому αὐτός, но не хотимъ утверждать, что употребленное въ нихъ αὐτός *тождественно* съ монадическимъ. Въ нихъ указывается на то, что второе сказуемое контекста опредѣляется на томъ же предметѣ, что и первое, а не на какомъ нибудь новомъ, между тѣмъ какъ αὐτός монадическое показываетъ, что сказуемое кромѣ того опредѣлителя, къ которому приставлено слово αὐτός, другаго опредѣлителя не имѣетъ. Послѣднее αὐτός мы назовемъ αὐτός *identitatis*. Къ нему принадлежитъ послѣдняя изъ тѣхъ ссылокъ Германа, разборомъ которыхъ мы занимались въ первыхъ параграфахъ этой главы, именно Ил. 8. 4 (смотри стр. 23 и 35).

Сопоставляя изъ приведенныхъ нами для объясненія нашего αὐτός identitatis мѣстъ примѣръ Од. 23. 178 съ примѣромъ Од. 2. 112, мы замѣчаемъ нѣкоторое разнообразіе схемъ, вызывающихъ это αὐτός. Въ Од. 23. 178 дѣйствія στόρεσσον и ἐποίει опредѣляются *на одномъ лицѣ*: схема, вызывающая тамъ слово αὐτός, будетъ правильно изображена формулою А(μ+ν), въ примѣрѣ же Од. 2. 112 мы замѣчаемъ схему Αμ : А+В)ν: ὑποκρίνομαι опредѣляется на предметѣ σύ; на томъ же предметѣ опредѣляется и οἶδα, но не исключительно на немъ, а и на предметѣ Ἀχαιοί.

Αὐτός identitatis мы видимъ и въ примѣрахъ: Καλλίαν πέμπτον αὐτὸν στρατηγὸν ἔπεμψαν (Θук. 1. 8), Κορινθίων στρατηγὸς ἦν Ξενοκλείδης πέμπτος αὐτός (Θук. 1. 46) и т. д. (Сравни русское самъ-шестъ, самъ-другъ и т. д.). Два сказуемыя, на которыя мы указывали какъ на необходимое условіе появленія этого αὐτός identitatis, въ послѣднихъ примѣрахъ видны, если мы разложимъ на пр. первую изъ приведенныхъ нами фразъ на слѣдующія два предложенія: Каллія послали полководцемъ; самъ онъ былъ пятымъ въ числѣ посланныхъ съ нимъ. Что эти обороты примыкаютъ къ вышеупомянутой схемѣ Αμ : (А+В)ν, это читателю, надѣемся, будетъ ясно.

Укажемъ здѣсь еще на слѣдующіе примѣры:

Од. 10. 113. τὴν δὲ γυναῖκα
εὗρον ὅσην τ' ὄρεος κορυφήν, κατὰ δ' ἔστυγον αὐτήν.

Од. 8. 472. κῆρυξ δ' ἐγγύθεν ἦλθεν ἄγων ἐρίηρον ἀοιδὸν,
Δημόδοκον λαοῖσι τετιμένον· εἷσε δ' ὄρ' αὐτὸν
μέσσῳ δαιτυμόνων, πρὸς κίονα μακρὸν ἐρείσας.

Од. 11. 15. ἔνθα δὲ Κιμμερίων ἀνδρῶν δῆμός τε πόλις τε,
ἠέρι καὶ νεφέλῃ κεκαλυμμένοι· οὐδέ ποτ' αὐτοὺς

Ἥλιος φαέθων καταδέρκεται ἀκτίνεσσιν.

И въ этихъ примѣрахъ слово αὐτός показываетъ, что сказуемое того предложенія, въ которомъ оно поставлено, опредѣляется на томъ же предметѣ, на которомъ опредѣлялось предшествующее сказуемое; но отдѣлить нужно было эти примѣры отъ вышеприведенныхъ потому, что въ послѣднихъ не видно той выразительности значенія самого слова αὐτός, какую можно было замѣтить въ первыхъ. Въ самомъ дѣлѣ: въ первыхъ примѣрахъ все же оставалось сильно замѣтнымъ то отсутствіе какого—нибудь отношенія къ анафорическимъ словамъ и къ прямымъ личнымъ показателямъ, на которое мы прямо указывали при αὐτός дистинктивномъ и рефлексивномъ и о которомъ можно было, какъ очевидномъ послѣ сдѣланныхъ по поводу первыхъ двухъ αὐτός замѣчаній, умолчать во всѣхъ остальныхъ, разобранныхъ нами до сихъ поръ значеніяхъ слова αὐτός. Мы видѣли въ означенныхъ примѣрахъ, приведенныхъ на αὐτός identitatis, что хотя предметъ, въ которомъ постановка слова αὐτός отображалась, не былъ иногда поименованъ (поименованъ онъ въ Од. 2. 213), однако онъ всетаки подразумѣвался, такъ какъ самое чтеніе слова αὐτός вызывало въ насъ противопоставленіе оборотовъ или καὶ οὐκ ἄλλος τις, или, въ схемѣ Ам : (А+В)ν, καὶ ἄλλος (вчитываясь въ самые примѣры, читатель найдетъ, надѣемся, послѣднія наши слова вѣрными). Ничего подобнаго мы не отыщемъ во второй группѣ примѣровъ этого параграфа: противопоставленіе какого нибудь логически сосѣдняго предмета при чтеніи слова αὐτός въ насъ не вызывается[23]) и слово αὐτός само представляется намъ уже какъ бы прямымъ личнымъ показателемъ предмета 3-го лица (если бы вся мысль предложенія, въ которомъ это αὐτός поставлено, относилась къ предмету 2-го лица, то мы поставили бы вмѣсто него σύ, ἐγώ) и поставленнымъ, если только значеніе слова οὗ вѣрно было нами указано на стр. 17 (1-я строка), вмѣсто этого послѣдняго слова (анафорическимъ его изъ-за такого значенія не будемъ называть на томъ основаніи, на которомъ мы въ концѣ 16-сй стран. и οὗ, οἵ, ἕ не называли ἀναφορικόν). На сколько вѣрно наше предположеніе о тождественности словъ οὗ и этого αὐτός, мы увидимъ послѣ; а пока мы наше αὐτός будемъ называть *слабое* αὐτός *identitatis*.

---

[23]) Это-то αὐτός Аполлоній и предлагаетъ въ винит. падежѣ писать энклитичетки ((ср. 8 сноску); говоритъ же Аполлоній περὶ ἀντ. стр. 78, такъ: διαφέρει τὸ ἔπαισεν αὐτὸν ἐγκλινόμενον τοῦ ὀρθοτονουμένου· ὁ μὲν (вм. τὸ μὲν) γὰρ ἔμφασιν ὑπεροχῆς σημαίνει, ὁ δὲ (вм. τὸ δὲ) καὶ ἐπ' εὐτελοῦς τινος τάττεται. Смыслъ этого мѣста такой: отличается ἔπαισεν αὐτον отъ ἔπαισέν αὐτον тѣмъ, что въ первомъ слово αὐτός обозначаетъ предметъ въ *отличіе отъ другаго предмета*, а въ послѣднемъ *безъ этого оттѣнка*.

I 7.

Мы прекращаемъ провѣрку Германа, такъ какъ эта провѣрка была бы только упражненіемъ въ разборѣ того, что мы считаемъ доведеннымъ уже до конца. Провѣряя же весь матеріалъ, представляемый намъ по вопросу о значеніи слова αὐτός *Гомеромъ* и исключая изъ него выраженіе ὁ αὐτός, а также все то, что входитъ въ вопросъ объ отношеніи этого выраженія къ простому αὐτός (обо всемъ этомъ мы будемъ говорить ниже), мы находимъ только одинъ оттѣнокъ значенія этого слова нами еще не затронутымъ; мы это αὐτός назовемъ αὐτός *intensivum* [24]). Его нужно признавать въ слѣдующихъ напр. мѣстахъ:

Од. 4. 655. ἐν δ' ἀρχὸν ἐγὼ βαίνοντ' ἐνόησα
Μέντορα, ἠὲ θεόν, τῷ δ' αὐτῷ πάντα ἐΐκει.

Геродотъ. V. 61. [25]). Λαοδάμας τρίποδ' αὐτὸς εὔσκοπῳ Ἀπόλλωνι
μουναρχέων ἀνέθηκε τεὴν περικαλλὲς ἄγαλμα.

---

[24]) Читатель не потребуетъ отъ насъ отводить въ нашей статьѣ особенную графу оборотамъ αὐτός ἕκαστος и двойнаго αὐτός, не потому, конечно, что эти обороты у Гомера не встрѣчаются, а потому, что въ нихъ слово αὐτός не представляетъ никакого особеннаго значенія противъ тѣхъ, которыя мы уже вычислили. Въ самомъ дѣлѣ: оборотъ αὐτός ἕκαστος, или, какъ послѣ, со временъ Аристотеля, писали, αὐθέκαστος, показываетъ только, что мы въ сужденіи, выраженіемъ котораго служитъ фраза, заключающая въ себѣ подобный оборотъ, имѣемъ дѣло съ двумя (ва подобныхъ случаяхъ употребляется αὐτός ἑκάτερος), или нѣсколькими предметами, къ которымъ сказуемое должно быть отнесимо къ каждому по одиночкѣ; слово же αὐτός можетъ въ нихъ быть и αὐτός reflexionis (сравни Дем. κατὰ Φιλ. 1. 7:

ἐὰν παύσησθε αὐτὸς μὲν οὐδὲν ἕκαστος ποιήσειν ἐλπίζων, τὸν δὲ πλησίον πάνθ' ὑπὲρ αὐτοῦ πράξειν, καὶ τὰ ὑμέτερ' αὐτῶν κομιεῖσθε, ἂν θεὸς θέλῃ, καὶ τὰ κατερραθυμημένα πάλιν ἀναλήψεσθε, κἀκεῖνον τιμωρήσεσθε),

или слабое αὐτός identitatis (Эсхилъ. Пром. 950:

πατὴρ ἄνωγέ σ' οὕστινας κομπεῖς γάμους αὐδᾶν πρὸς ὧν τ' ἐκεῖνος ἐκπίπτει κράτους, καὶ ταῦτα μέντοι μηδὲν αἰνικτηρίως, ἀλλ' αὖθ' ἕκαστα φράζε), и т. д.

Что же касается двойнаго αὐτός, то на него особенно будетъ указано ниже.

[25]) Изъ Гомера мы больше примѣровъ не приводимъ. Примѣры какъ то:

Од. 21. 207. Ἔνδον μὲν δὴ ὅδ' αὐτὸς ἐγὼ, κακὰ πολλὰ μογήσας,
ἦλυθον εἰκοστῷ ἔτεϊ ἐς πατρίδα γαῖαν.

Од. 24. 321. (слова Одиссея) Κεῖνος μέν τοι ὅδ' αὐτὸς ἔγὼ, πάτερ, ὃν σὺ μεταλλᾷς,
ἦλυθον εἰκοστῷ ἔτεϊ ἐς πατρίδα γαῖαν.

Од. 22. 154. Τὸν δ' αὖ Τηλέμαχος πεπνυμένος ἀντίον ηὔδα·
ὦ πάτερ, αὐτὸς ἐγὼ τόδε γ' ἤμβροτον, οὐδέ τις ἄλλος

(Такова была, по свидѣтельству Геродота, надпись на одномъ треножникѣ въ Ѳиванскомъ храмѣ Аполлона Исменійскаго). Сюда же принадлежитъ и Платоново αὐτὸ τοῦτο. Смотри напр.

Федонъ 70 B. ἀλλὰ τοῦτο δὴ ἴσως οὐκ ὀλίγης παραμυθίας δεῖται καὶ πίστεως, ὡς ἔστι τε ἡ ψυχὴ ἀποθανόντος τοῦ ἀνθρώπου καί τινα δύναμιν ἔχει καὶ φρόνησιν. Ἀληθῆ, ἔφη, λέγεις, ὁ Σωκράτης, ὦ Κέβης· ἀλλὰ τί δὴ ποιῶμεν; ἢ περὶ αὐτῶν τούτων βούλει διαμυθολογῶμεν, εἴτε εἰκὸς οὕτως ἔχειν εἴτε μή; Ἐγωγ' οὖν, ἔφη ὁ Κέβης, ἡδέως ἂν ἀκούσαιμι, ἥντινα δόξαν ἔχεις περὶ αὐτῶν.

Апол. Сокр. 34. Д. ἐπιεικῆ ἄν μοι δοκῶ πρὸς τοῦτον λέγειν λέγων ὅτι ἐμοί, ὦ ἄριστε, εἰσὶ μέν πού τινες καὶ οἰκεῖοι· καὶ γὰρ τοῦτο αὐτὸ τὸ τοῦ Ὁμήρου, οὐδ' ἐγὼ ἀπὸ δρυὸς οὐδ' ἀπὸ πέτρης πέφυκα, ἀλλ' ἐξ ἀνθρώπων, ὥστε καὶ οἰκεῖοί μοί εἰσι καὶ υἱεῖς, ὦ ἄνδρες Ἀθηναῖοι, τρεῖς, εἷς μὲν μειράκιον ἤδη, δύο δὲ παιδία...

Платоново αὐτὸ τοῦτο можно бы переводить словами: *именно это, вотъ это именно*, въ русскомъ, языкѣ часто приходится слышать: *самое* (больше всего соотвѣтствуетъ!) *вотъ это*. Къ этому-то αὐτός и относятся слова Аполлонія, читаемыя περὶ ἀντ. стр. 10, о которыхъ мы умолчали на стр. 8 и которыя гласятъ такъ: αὐτός δεικτικὴ γίγνεται συνταξομένη τᾶις δεικτικαῖς = αὐτός дѣлается диктическимъ, будучи присоединено къ диктическимъ мѣстоименіямъ (подъ словомъ δεικτικά нужно, конечно, разумѣть, по пониманію Аполлонія, не только обоюдныя мѣстоимѣнія ἐκεῖνος οὗτος ὅδε, но и личныя ἐγώ, σύ). Мы скажемъ въ дополненіе ученія Аполлонія, что такое αὐτός присоединяется не только къ словамъ οὗτος, ὁκεῖνος, ὅδε, ἐγώ и σύ (слѣдовательно и къ οὗ, μίν), но и *къ существительнымъ*. Оно служитъ вообще усилительнымъ средствомъ при обозначеніи извѣстнаго предмета, какой-бы мы путь для обозначенія этого предмета ни избрали (см. стр. 14). И въ немъ замѣчается та ὑπεροχή, которую Аполлоній

αἴτιος, ὃς θαλάμοιο θύρην ποκινῶς ἀραρυῖαν
κάλλιπον ἀγκλίνας. τῶν δὲ σκοπὸς ἦεν ἀμείνων.

Од. 8. 356. Τὸν δ' αὖτε προσέειπε Ποσειδάων ἐνοσίχθων·
Ἥφαιστ', εἴπερ γάρ κεν Ἄρης χρεῖος ὑπαλύξας
οἴχηται φεύγων, αὐτός τοι ἐγὼ τάδε τίσω.

Ил. 17. 139. Ὦ πέπον, ὦ Μενέλαε διοτρεφές, οὐκέτι νῶι
ἔλπομαι αὐτὼ περ νοστησέμεν ἐκ πολέμοιο.

Ил. 6. 290. ἐς θάλαμον κατεβήσετο (мать Гектора) κηώεντα,
ἔνθ' ἔσαν οἱ πέπλοι παμποίκιλοι, ἔργα γυναικῶν
Σιδονίων, τὰς αὐτὸς Ἀλέξανδρος θεοειδὴς
ἤγαγε Σιδονίηθεν ἐπιπλὼς εὐρέα πόντον·

и проч. допускаютъ, конечно, толковать слово αὐτός въ смыслѣ intensivi, но кромѣ этого толкованія возможно и другое (какое?), и отправляться отъ нихъ для констатированія интенсивнаго αὐτός нельзя.

выставляетъ за необходимое условіе для ὀρθοτόνησις слова αὐτός (смотри 23-ю выноску): то οὐκ ἄλλος τις, которое прямо поставлено въ сомнительномъ мѣстѣ Од. 22. 154 (смотри 25-ю выноску), подразумѣвается вездѣ въ примѣрахъ, въ которыхъ мы указывали на αὐτός intensivum. Сюда же можно причислять αὐτός, предупреждающее собою относительныя предложенія. Примѣры собралъ Кюнеръ (см. Ausführl Gram § 468. 2. 4); мы, для уясненія дѣла, приведемъ Евр. Тр. 657:

ἀπέπτυσ' αὐτήν, ἥτις ἄνδρα τὸν πάρος
καινοῖσι λέκτροις ἀποβαλοῦσ' ἄλλον φιλεῖ.

Намъ кажется, что въ подобныхъ примѣрахъ слово αὐτός есть слово синтаксически не самостоятельное. при немъ можно, по примѣру разбора другихъ примѣровъ, помѣщеннаго на стр. 26. 2, считать пропущеннымъ пролептически или эпаналептически употребленное ἀναφορικόν. Что впрочемъ въ подобныхъ примѣрахъ и другое толкованіе возможно, объ этомъ мы убѣдимся въ концѣ нашего сочиненія.

Мы отыскали цѣлый рядъ значеній слова αὐτός, отнесши къ нимъ термины: αὐτός distinctionis, reflexionis, immediabilitatis, αὐτός progressivum, monadicum, αὐτός identitatis, наконецъ αὐτός intensivum; αὐτός identitatis мы различали сильное и общее всѣмъ грамматическимъ лицамъ отъ слабаго и свойственнаго только 3-му грамматическому лицу. Какъ всѣ эти значенія соединить въ одно, въ какой точкѣ всѣ эти значенія сходятся, на это мы отвѣтимъ въ слѣдующей главѣ [26]).

II

Всѣ сравнительныя грамматики разлагаютъ, какъ извѣстно, слово αὐτός на части αὐ+τός. То явленіе, что рядомъ съ формою αὐτός образовалась въ нѣкорыхъ нарѣчіяхъ греческаго языка равносильныя ему по значенію форма αὖς (αὖς=αὐτός· Κρῆτες καὶ Δάκωνες.—Гесихій), а больше еще [27]) то, что

---

[26]) Ро всякомъ случаѣ анафорическій элементъ, о которомъ говоритъ Аполлоній (см. стр. 8 наш. соч.) и который Бенгарди, въ подражаніе Аполлонію. съ такою увѣренностію выставляетъ за главный въ словѣ αὐτός, называя это послѣднее истиннымъ ἀναφορικόν (Ein aechtes ἀναφορικον см. Wissenschaftliche Synt. der gr. Sprsche 1829, стр. 286), нельзя замѣтить ни въ одномъ изъ значеній слова αὐτός (никогда не употребляется αὐτός о предметѣ, удаленномъ отъ бесѣдующаго въ смыслѣ, выясненномъ на страницахъ 4 и 5), развѣ только, до извѣстной степени (именно на сколько слово αὐτός вмѣстѣ съ οὗ соприкасается съ словомъ ὁ; см. стр. 17 въ концѣ и 18 въ началѣ) въ слабомъ αὐτός identitatis,—хотя и тутъ ничего положительнаго утверждать не можемъ, пока не удастся намъ объединить всѣ значенія с. ова αὐτός и пока не доищемся настоящаго отношенія между οὗ, αὐτός и ὁ.

[27]) Мы говоримъ „больше еще“, потому что самая замѣтка Гесихія относительно существованія формы αὖς возбуждаетъ много сомнѣній. Сравни объ этомъ Аренса de dia

слово αὐτόθι въ одномъ и томъ же нарѣчіи чередуется съ словомъ αὖθι [28]), ведетъ насъ къ заключенію, что вторая составная часть слова αὐτός, именно основа το, не имѣетъ на рѣшеніе вопроса объ опредѣленіи значенія слова αὐτός никакого особеннаго вліянія и что все искомое нами значеніе заключено въ первой его составной части αὐ.

Что первая составная часть слова αὐτός въ своемъ этимологическомъ корнѣ сходится съ извѣстнымъ намъ словомъ αὖ, на это указываютъ лучшіе авторитеты въ сравнительномъ языкознаніи (Сравни объ этомъ Боппа Vergl. Gramm. 544, Бенфея Gr. Wurzel. I. 275, Мейера Vergl. Gramm. 332).

Казалось бы, что слѣдуетъ прежде всего разобрать значеніе этого слова αὖ, какъ слова, по своему составу, болѣе простаго, чѣмъ αὐτός, а за тѣмъ уже путь отъ такого разбора къ рѣшенію вопроса, которому посвящена

---

lectis II 272. и Виндиша Untersuchungen über den Ursprung des Relativpronomens (Curtius Studien II. 2. стр. 365).

28) Сравни слѣдующія двѣ группы примѣровъ:

Од. 17. 357. Нищій (переодѣтый Одиссей) пришелъ въ домъ Одиссея, получилъ тамъ милостыню (хлѣбъ да мясо)...

...καὶ ἀμφοτέρῃσιν ἐδέξατο καὶ κατέθηκεν
αὖθι ποδῶν προπάροιθεν, ἀεικελίης ἐπὶ πήρης.

Ил. 3. 244. Ὣς φάτο, τοὺς δ' ἤδη κάτεχεν φυσίζοος αἶα
ἐν Δακεδαίμονι αὖθι, φίλῃ ἐν πατρίδι γαίῃ.

Од. 10. 165. τῷ δ' ἐγὼ ἐμβαίνων δόρυ χάλκεον ἐξ ὠτειλῆς
εἱρυσάμην· τὸ μὲν αὖθι κατακλίνας ἐπὶ γαίῃ
εἴασ'.

Ил. 10. 209. Несторъ посылаетъ въ лагерь Троянцевъ узнчть,
ἅσσα τε μητιόωσι μετὰ σφίσιν, ἢ μεμάασιν
αὖθι μένειν παρὰ νηυσὶν ἀπόπροθεν, ἠὲ πόλινδε
ἂψ ἀναχωρήσουσιν, ἐπεὶ δαμάσαντό γ' Ἀχαιούς.

Другая группа примѣровъ:

Ил. 24. 673. οἱ μὲν ἄρ' ἐν προδόμῳ δόμου αὐτόθι κοιμήσαντο,
κῆρυξ καὶ Πρίαμος, πυκινὰ φρεσὶ μήδε' ἔχοντες,
αὐτὰρ Ἀχιλλεὺς εὖδε μυχῷ κλισίης εὐπήκτου.

Ил. 24. 707. Ὣς ἔφατ', οὐδέ τις αὐτόθ' ἐνὶ πτόλει λίπετ' ἀνήρ.

Од. 11. 187. Мать сообщаетъ сыну Одиссею, пришедшему къ ней въ адъ:

Τηλέμαχος τεμένη νέμεται καὶ δαῖτας ἐΐσας
δαίνυται, ἃς ἐπέοικε δικασπόλον ἄνδρ' ἀλεγύνειν·
πάντες γὰρ καλέουσι. πατὴρ δὲ σὸς αὐτόθι μίμνει
ἀγρῷ, οὐδὲ πόλινδε κατέρχεται:

Одинаковость значенія словъ αὐτόθι и αὖθι становится изъ сопоставленія этихъ двухъ группъ примѣровъ ясною.

эта глава нашего сочиненія, будетъ очень короткій и прямой и будетъ состоять только въ томъ, что выводы о значеніи слова αὖ мы будемъ непосредственно прилагать ко всѣмъ тѣмъ значеніямъ слова αὐτός, которыя указаны нами въ предыдущей главѣ.

Но на дѣлѣ оказывается не то. Мы не должны забывать, что слово αὖ есть *частица* и, слѣдовательно, уже по существу своему могло развить, какъ на самомъ дѣлѣ и развило, значенія гораздо болѣе разнообразныя, болѣе отстоящія другъ отъ друга, чѣмъ какими были указанныя нами въ предыдущей главѣ значенія слова αὐτός, а между тѣмъ мы рады бы видѣть въ той роли, которую нашъ планъ возлагаетъ на частицу αὖ, такое слово, которое имѣло бы или только одно значеніе, а если нѣсколько, то по крайней мѣрѣ такихъ, которыя были бы болѣе сосредоточены, болѣе близки другъ къ другу, чѣмъ значенія самого слова αὐτός. Кромѣ того, самый вопросъ объ опредѣленіи значенія частицы αὖ находится въ настоящее время въ такомъ положеніи, что рѣшеніе *его самого* требуетъ большой осторожности, и уже изъ-за этого опасно принимать его (значеніе слова αὖ) за самостоятельную и вмѣстѣ съ тѣмъ положительную точку исхода для опредѣленія значенія какихъ бы то ни было находящихся съ нимъ въ этимологической связи словъ. То опредѣленіе его значенія, которое предлагаетъ намъ Беймлейнъ въ его Untersuchungen über griech. Part. стр. 44, уже слишкомъ не соотвѣтствуетъ нашей цѣли. „Чаще всего", говоритъ онъ, »появляется αὖ въ значеніи оборота *съ другой же стороны, напротивъ того*; это значеніе, впрочемъ, отчасти уже въ эпическомъ языкѣ, такъ ослаблено, что слово αὖ, наравнѣ съ частицею δέ, вводитъ въ разсказъ вообще только что нибудь *новое, дальнѣйшее*... Въ значеніи *опять* встрѣчается слово αὖ сравнительно рѣже.... Что первоначальное значеніе этой частицы было *назадъ*, этому доказательствомъ служитъ не только глаголъ αὐερύειν, но и нѣкоторые примѣры употребленія простаго αὖ и составнаго αὖτις. Конечно, въ Гомерѣ нѣтъ примѣра, гдѣ бы простое αὖ употреблялось въ такомъ значеніи, но за то встрѣчаемъ его въ Евр. Эл. 587 [29])«

---

[29]) Смотри Untersuchungen uber griechische Partikeln стр. 44: Am haufigsten erscheint αὖ in der Bedeutung hinwiederum, dagegen, andrerseits, zum Theil in der epischen Sprache so abgeschwächt, dass es nur wie δέ, ein Weiteres, Neues einführt... Für die Bedeutung wieder, abermals, von Neuem, auch finden sich verhältnissmassig wenigere Beispiele... Dass die ursprüngliche Bedeutung dieses Adverbs zurück ist, erhellt nicht nur aus dem Verbum αὐερύειν, sonderu auch aus einigen Beispielen des allein gebrauchten αὖ und αὖτις. Zwar findet sich bei Homer kein Beispiel, dass das einfache αὖ in diesem Sinne gebraucht wird, wohl aber kommt bei Euripides αὖ in dieser Bedeutung vor Electra 587. То обстоятельство, что Беймлейнъ принялъ самое рѣдкое значеніе за первона-

Надѣемся, что читатель не найдетъ вышесказанное нами мнѣніе объ этомъ опредѣленіи Беймлейна неосновательнымъ: оно должно намъ съ перваго же разу казаться не имѣющимъ ничего общаго съ тѣми значеніями, которыя мы выставили при словѣ αὐτός; оно даже, если наше опредѣленіе значеній слова αὐτός вѣрно, навлекаетъ подозрѣніе на тѣхъ, которые указываютъ на слово αὖ, какъ на ἔτυμον слова αὐτός. Это впрочемъ только одна сторона логическаго заключенія, вытекающаго изъ этого несоотвѣтствія между нашими значеніями слова αὐτός и значеніями Беймлейна для слова αὖ [30]); возможно и то заключеніе, что самое опредѣленіе Беймлейна, если не совсѣмъ невѣрно, то, по крайней мѣрѣ, не точно, или не полно. Для насъ можетъ быть руководящимъ только послѣднее заключеніе [31]); но въ такомъ случаѣ *слово* αὖ скорѣе *само потребуетъ* для своей поправки выясненія значенія другихъ словъ, находящихся съ нимъ въ этимологическоъ связи, чѣмъ чтобы могло *послужить* имъ точкою исхода. За упомянутую поправку слова αὖ, и при томъ именно съ употребленіемъ только что указаннаго нами метода, взялся въ послѣднее время извѣстный толкователь Гомера, Дюнцеръ, изложивъ свой взглядъ на αὖ въ книгѣ Homerishe Ab-

---

чальное, не должно навлекать подозрѣніе на его ученіе. Чешское слово zase такъ легко разлагается на два слова za+se (=за себя), что въ первоначальномъ его значеніи „назадъ“ сомнѣваться нельзя, а между тѣмъ природный чехъ чувствуетъ его, даже внѣ контекста, въ значеніи „опять“.

[30]) Такое несоотвѣтствіе, должно быть, дало поводъ Христу (смотри: Grundzuge der griech. Lautlehre; Leipzig. 1859; стр. 262) отрѣшиться при этимологическомъ разборѣ слова αὐτός отъ слова αὖ и обратить вниманіе на церковно-славянское ово—ово (значеніе: τὸ μὲν τὸ δέ; сравни Ев. Луки VIII. 5: Изыде сѣяй сѣяти сѣмение своего; и егда сѣяше, ово паде при пути,... а другое паде на камень...) и на зендское awa (объ немъ свидѣтельствуетъ Бенфей Gr. Wurzell. I. 272 и придаетъ ему значеніе слова *этотъ*), извлечь изъ нихъ корень awa, объявить его демонстративно-прономинальнымъ корнемъ и отличить его отъ другаго awa (санскритскій неотдѣляемый предлогъ, обозначающій *отъ*, латинское ab), принятаго имъ въ основаніе при этимологическомъ разборѣ словъ αὖ и ἄφ.

[31]) Мы считаемъ ученіе Христа, сообщенное нами въ предыдущей сноскѣ увертюрою. Взаимная этимологическая связь словъ αὖ+τε, αὖ+τις, αὖ+θις, ἐξ+αὖ+τις, εἰς+αὖ+θις, αὖ+θι, αὐ+τό+θι, адвербіальнаго αὐ+τοῦ и αὐ+τός слишкомъ бросается въ глаза, чтобы отказаться отъ мысли, что первая составная часть послѣдняго изъ нашихъ словъ, т. е. слова αὐ+τός, въ своемъ этимологическомъ корнѣ сходится съ тѣмъ же самымъ словомъ, тождественность котораго съ такою же составною частью перваго изъ нашихъ словъ, именно слова αὖ+τε, не подлежитъ никакому сомнѣнію (въ подтвержденіе послѣдняго мы указываемъ на постоянное чередованіе у Гомера частицы αὖ съ частицею αὖτε; оно видно изъ примѣровъ, сопоставленныхъ Дюнцеромъ въ его Homerische Abhandlungen Leipzig 1872, стр. 583--587). Христъ, видно, пользуется разстояніемъ двухъ вышеуказанныхъ значеній аснсвы awa для *разсѣченія* того, что скорѣе своею нераздѣлимостью само могло бы послужить звеномъ для *соединенія* этихъ двухъ значеній.

handlungen (Leipzig 1872 г.) стр. 579 и слѣд. Этотъ ученый называетъ изслѣдованіе Беймлейна, касающееся частицы αὖ, крайне неосновательнымъ (höchst ungrundlich) и самъ, представивъ читателю рядъ словъ, имѣющихъ съ словомъ αὖ одинъ этимологическій корень (именно слова αὖθι, ἐνταῦθα, ἐντεῦθοι, санскритскій неотдѣляемый предлогъ awa, слова αὐτός и αὖτως, αὖτις и αὐτίκα), объявляетъ частицу αὖ *демонстративною* (sic) и принимаетъ за первоначальное значеніе слова αὖ, даже αὖτε, то, которое выражается въ нѣмецкомъ языкѣ словомъ da. Мы не беремся пока рѣшать, дѣйствительно ли это значеніе слова αὖ есть *первоначальное;* но что его за частицею αὖ признавать нужно и что, слѣдовательно, Беймлейнъ въ своемъ изслѣдованіи упустилъ его изъ виду, это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Очень вѣскій голосъ въ пользу Дюнцера даетъ Аполлоній Софистъ, который въ своемъ Λεξικὸν κατὰ στοιχεῖον τῆς τε Ἰλιάδος καὶ Ὀδυσσείας (смотри по издан. Беккера стр. 47) объясняетъ значеніе слова αὖ частицею δή, ссылаясь при этомъ на начало 5-й книги Иліады, гдѣ сказано:

Ἔνθ' αὖ Τυδείδῃ Διομήδει Παλλὰς Ἀθήνη
δῶκε μένος καὶ θάρσος, ἵν' ἔκδηλος μετὰ πᾶσιν
Ἀργείοισι γένοιτο ἰδὲ κλέος ἐσθλὸν ἄροιτο.

Дюнцеръ самъ *не нашелъ* нужнымъ приводить это указаніе Аполлонія; его доказательство состоитъ въ указаніи на цѣлый рядъ примѣровъ употребленія частицы αὖ, въ которыхъ допустить нельзя ни одного изъ значеній, отнесенныхъ Беймлейномъ къ частицѣ αὖ, тогда какъ частицею δή употребленное въ нихъ αὖ можетъ быть замѣняемо безъ нарушенія смысла. Къ такимъ примѣрамъ, какъ изъ самыхъ контекстовъ можно заключить, несомнѣнно принадлежатъ:

Ил. 20. 215, гдѣ Эней начинаетъ свою родословню слѣдующими словами:

εἰ δ' ἐθέλεις καὶ ταῦτα δαήμεναι, ὄφρ' εὖ εἰδῇς
ἡμετέρην γενεήν, πολλοὶ δέ μιν ἄνδρες ἴσασιν·
Δάρδανον αὖ πρῶτον τέκετο νεφεληγερέτα Ζεύς,
κτίσσε δὲ Δαρδανίην, ἐπεὶ οὔπω Ἴλιος ἱρὴ
ἐν πεδίῳ πεπόλιστο, πόλις μερόπων ἀνθρώπων,
ἀλλ' ἔθ' ὑπωρείας ᾤκεον πολυπίδακος Ἴδης.
Δάρδανοος αὖ τέκεθ' υἱὸν Ἐριχθόνιον βασιλῆα....

Од. 21. 363, гдѣ женихи говорятъ Евмею:

Πῇ δὴ καμπύλα τόξα φέρεις, ἀμέγαρτε συβῶτα,
πλαγκτέ; τάχ' αὖ σ' ἐφ' ὕεσσι κύνες ταχέες κατέδονται
οἷον ἀπ' ἀνθρώπων, οὓς ἔτρεφες, εἴ κεν Ἀπόλλων
ἡμῖν ἱλήκῃσι καὶ ἀθάνατοι θεοὶ ἄλλοι.

Дюнцеръ сознаетъ, что за словомъ αὖ, кромѣ перваго значенія, нужно признавать и одно изъ значеній Беймлейна,—именно значеніе, соотвѣтствующее значенію частицы δέ. Дюнцеръ говоритъ: въ гораздо большемъ количествѣ случаевъ сравнительно съ тѣмъ, гдѣ αὖ имѣетъ значеніе нѣмецкаго da, предложеніе съ αὖ и αὖτε должно быть мыслимо *въ извѣстномъ отношеніи* къ предшествующей мысли, будетъ ли это отношеніе простаго присоединенія новой мысли къ прежней, или продолженія предыдущаго, или логическаго противопоставленія предшествующему. (Viel häufiger sind die Fälle, wo der Satz, in welchem αὖ, αὖτε steht, auf das Vorige, sei es anknüpfend, sei es fortsetzend, sei es gegensätzlich bezogen wird—стр. 583). Развитіе такого значенія изъ перваго значенія δή, или, точнѣе сказать, существованіе одного значенія рядомъ съ другимъ въ одномъ и томъ же словѣ, Дюнцеръ находитъ возможнымъ, да и мы, руководясь статьею Квичалы о частицѣ δέ (Zeitschrift für österr. Gymn. XV. 313), не можемъ съ нимъ не согласиться; но ими, по мнѣнію Дюнцера, вся симазіологическая сторона слова αὖ уже исчерпывается; остальныя два значенія, указанныя для этого слова Беймлейномъ, т. е. значенія „назадъ“ и „опять“, этотъ ученый за αὖ признавать ни въ какомъ случаѣ не хочетъ.

Для оправданія своего ученія о значеніи частицы αὖ, въ опроверженіе ученія Беймлейна, Дюнцеръ долженъ прежде всего уничтожить связь между αὖ и глаголомъ αὐερύειν, въ которомъ значеніе „тянуть назадъ“ не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію [32]). За тѣмъ онъ долженъ по крайней мѣрѣ перетолковать по своему всѣ мѣста, въ которыхъ Беймлейнъ видитъ αὖ въ значеніи „опять“, а также мѣсто Евр. Ел. 587 и примѣры, приведенные Беймлейномъ на употребленіе слова αὖθις въ значеніи „назадъ“, или же, по отношенію къ слову αὖθις, доказать, что значеніе „назадъ“ въ немъ развилось изъ демонстративнаго значенія нѣмецкаго слова da, *благодаря окончанію* θις.

Спрашивается, какъ на самомъ дѣлѣ Дюнцеръ удовлетворяетъ нашимъ требованіямъ и въ самомъ ли дѣлѣ наши требованія на столько сильны, чтобы повести къ опроверженію ученія Беймлейна? О первомъ, т. е. о доказательствѣ отсутствія связи между частицею αὖ и словомъ αὐερύειν, Дюнцеръ считаетъ лишнимъ распространяться: не смотря на многочисленныя заявленія боль-

---

[32]) Объ αὐερύειν толкуютъ и Etym. mag. и Аполлоній Софистъ и Гесихій одинаково, именно въ томъ смыслѣ, что оно равняется обороту εἰς τ' οὐπίσω ἕλκειν. Шире объясняетъ слово αὐερύειν схоліастъ Иліады (смотри Схоліи Беккера къ стиху 1. 459). Онъ говоритъ: αὐέρυσαν εἰς τ' οὐπίσω ἀνέκλων τὸν τράχηλον τοῦ θυομένου ἱερείου ὡς προσέχειν εἰς οὐρανὸν τοῖς θεοῖς, οἷς καὶ ἐθύοντο.

шинства ученыхъ въ пользу Беймлейна, онъ думаетъ (стр. 580), что въ отсутствіи связи между αὖ и αὐερύειν долженъ быть убѣжденъ каждый, кто занимается Гомеромъ (sic!); αὐερύειν онъ разлагаетъ не на αὖ+ἐρύειν, а на α+ἐρύειν, и предлагаетъ въ первой составной части ἀ усматривать или вмѣстѣ съ Дедерлейномъ и Курціусомъ предлогъ ἀνά [33]), или санскритскій неотдѣляемый предлогъ awa (читатель удивляется вмѣстѣ съ нами Дюнцеру послѣ сообщеннаго нами на страницѣ 51-ой). — Перетолковывать всѣ примѣры, въ которыхъ Беймлейнъ переводитъ слово αὖ словомъ *опять*, и замѣнять въ нихъ предлагаемое Беймлеймомъ значеніе *опять* значеніемъ, очень легко вездѣ прививающимся, именно значеніемъ частицы δή, Дюнцеру не стоило труда, такъ какъ всегда можно предположить, что вторичность осуществленія того, что выражается *въ предложеніи* (я неговорю *въ существительномъ*; мы не имѣемъ примѣровъ, гдѣ бы αὖ отнесено было къ существительному.. Для уразумѣнія этихъ моихъ словъ я прошу читателя обратить вниманіе на то, что ниже сказано о примѣрѣ ὁ αὖθις χρόνος), если бы даже исторически была прослѣдима, осталась, если не не дознанною говорящимъ, то по крайней мѣрѣ не выраженной имъ не только посредствомъ частицы, но и другимъ какимъ бы то ни было способомъ (не употребила же Ѳемистида никакой частицы въ родѣ русскаго слова *опять*, когда въ Ил. 15. 99, встрѣтивъ Геру, возвратившуюся отъ Зевеса съ горы Иды, сказала:

„Ἥρη, τίπτε βέβηκας, ἀτυζομένη δὲ ἔοικας;
ἦ μάλα δή σ' ἐφόβησε Κρόνου παῖς, ὅς τοι ἀκοίτης“,

а вѣдь намъ, какъ безъ сомнѣнія и Ѳемистидѣ, очень хорошо извѣстно, что подобное φοβεῖν происходило передъ тѣмъ не разъ. — Точно также на пр. у Евр. въ Ел. 782, въ словахъ τί τόδε καινὸν αὖ λέγεις, можно вторичность осуществленія дѣйствія καινὸν λέγειν считать не выраженною посредствомъ частицы и для слова αὖ пріискивать другое значеніе). Однако если у Дюнцера вся суть обличительной противъ Беймлейна аргументаціи заключается лишь только въ указаніи на не возможность какимъ нибудь примѣромъ *доказать* необходимость принятія частицы αὖ и αὖτε непремѣнно въ значеніи *опять* (хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ внесеніе такого понятія въ контекстъ не про-

---

33) Курціусъ Grundz. der. gr. Etymol. 552 говоритъ: я согласенъ съ мнѣніемъ Дедерлейна, который (Gloss. 2290), какъ и многіе передъ нимъ, въ звукѣ α слова αὐερύειν видятъ предлогъ ἀνά. Значеніе *вытягивать, вверхъ тянуть* отвѣчаетъ вполнѣ употребленію этого слова (Ich stimme Doderlein bei, der, wie andere vor ihm, in dem α des Wortes αὐερύειν die Præposition ἀνά erkennt. Die Bedeutung ausziehen, emporziehen ist durchaus angemessen) Курціусъ могъ не заходить такъ далеко въ толкованіи значенія слова ἀνά и могъ больше придержаться даже при такомъ этимологизированіи слова αὐερύειν уче-

тиворѣчитъ смыслу), то его работа оказывается безцѣльною [34]) и наше требованіе, относящееся къ этой части его аргументаціи, слишкомъ слабымъ. Что касается мѣста Евр. Ел. 589, въ которомъ хоръ обращается къ возвратившемуся въ свой отечественный городъ Оресту съ словами:

"Ἐμολες ἔμολες ὦ χρόνιος ἀμέρα
κατέλαμψας, ἔδειξας ἐμφανῆ
πόλει πυρσόν, ὃς παλαιᾷ φυγᾶ
πατρίων ἀπὸ δωμάτων τάλας
ἀλαινὼν ἔβα· σὲ θεός αὖ θεός
ἀμετέραν τις ἄγει νίκαν,

то относительно необходимости выраженія понятія *назадъ* посредствомъ особенной частицы *въ этомъ контекстѣ* мы должны сказать тоже самое, что говорили о необходимости выраженія въ рѣчи понятія „опять" *вообще;* Дюнцеръ и здѣсь дѣла не сдѣлалъ. — Послѣднею задачею Дюнцера было, по нашему мнѣнію убѣдить насъ въ отсутствіи понятія *назадъ* въ словѣ αὖθις, или же доказать, что значеніе *назадъ* развилось изъ значенія нѣмецкой частицы da, благодаря окончанію θις. Перваго Дюнцеръ не дѣлаетъ, но, согласно съ Беймлейномъ, оба эти значенія (которыя онъ отрицалъ въ словахъ αὖ и

нія древнихъ. Что и ἀνά обозначаетъ „назадъ", на это указываетъ и Etym. Mag. (ἀνὰ σημαίνει τὴν ἄνω σχέσιν καὶ τὴν εἰς ὀπίσω ἀνάκαμψιν) и живые примѣры (сравни ἀναστρέφεσθαι, ἀναχωρεῖν и т. д.)

[34]) Сводя итоги разбору отдѣльныхъ мѣстъ, Дюнцеръ говоритъ: Kein einziges Beispiel ist nachzuweisen, wo man αὖ αὖτε als wieder, von neuem fassen musste, weil sonst dieser Begriff vermisst wurde, этимъ словамъ предшествуетъ у Дюнцера слѣдующее: Denn wenn an einzelnen Stellen freilich der Begriff wieder, von neuem dem Sinne nicht widerspricht, so ist dieser in anderen, ausserlich ganz gleichen, unmoglich anzunehmen. Послѣднія слова сообщенной нами изъ Дюнцера выдержки говорятъ, конечно, больше, чѣмъ мы въ пополняемомъ этою сноскою пунктѣ высказали. Сужденіе Дюнцера справедливо, что αὖ и αὖτε, употребляемое въ типическихъ оборотахъ, должно имѣть и типическое значеніе. Такой типическій оборотъ есть на пр. γὰρ αὖτε, γὰρ αὖ, и мы должны согласиться съ Дюнцеромъ, что если есть несомнѣнные примѣры, въ которые при употребленіи оборота γὰρ αὖτε понятіе *опять* внести нельзя (а такой примѣръ Дюнцеръ отыскалъ между прочимъ въ Од. 9. 393, гдѣ сказано:

ὡς δ' ὅτ' ἀνὴρ χαλκεὺς πέλεκυν μεγαν ἠὲ σκέπαρνον
εἰν ὕδατι ψυχρῷ βάπτῃ μεγάλα ἰάχοντα
φαρμάσσων· τὸ γὰρ αὖτε σιδήρου γε κράτος ἐστίν·
ὣς τοῦ σίζ' ὀφθαλμὸς ἐλαινέφ περὶ μοχλῷ),

то его нельзя признавать за αὖ при оборотѣ γὰρ αὖ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ смыслъ внесеніе его въ контекстъ допускаетъ; но вѣдь Беймлеймъ подъ значеніемъ *опять* приводитъ и такія мѣста, къ которымъ это замѣчаніе о типичности оборота Дюнцеръ отнести не можетъ. Для примѣра достаточно указать на діалогъ Платона, Εὐθύφρων (начало), гдѣ собесѣдникъ Сократа, сознавшись передъ Сократомъ, что изъ за всего, чтобы онъ ни ска-

αὖτε), въ словѣ αὖθις считаетъ вѣрными [34]). Примѣровъ на αὖθις онъ не приводитъ никакихъ; но засвидѣтельствованіе такихъ значеній древними [35]) и примѣры въ родѣ ὁ αὖθις χρόνος [36]) (гдѣ αὖθις отнесено къ существительному и уже въ значеніи частицъ δέ и δή ни въ какомъ случаѣ не мыслимо), должно быть, побудили его *признать* эти два значенія за словомъ αὖθις. Въ своемъ этимологическомъ составѣ слово αὖθις не имѣетъ ничего особеннаго въ сравненіи съ словами αὖ и αὖτε, что могло бы придавать исключительно *ему* такое значеніе [37]), и мы можемъ допустить разницу въ значеніяхъ этихъ 3-хъ словъ только въ смыслѣ *экономіи языка*, по которой они всегда могли употребляться такъ, что въ одномъ изъ нихъ больше простора получило одно значеніе, а въ другомъ другое; но *зародышъ*

залъ на вечѣ, надъ нимъ смѣются, какъ надъ бѣшеннымъ (καταγελῶσι ὡς μαινομένου), потомъ разсказываетъ, что подаетъ жалобу на кого—то, и, будучи спрошенъ Сократомъ, на кого, отвѣчаетъ ὃν διώκων αὖ δοκῶ μαίνεσθαι.

34) So wenig αὖ αὖτε je die Bedeutung wieder hat, so wenig hat αὖτις die Bedeutung der Wiederholung je eingebusst (!) die bei dem Wege, der gegangen wird, naturlich meist auf ein Zuruckgehen sich bezieht. (стр. 592).

35) Etym. mag. говоритъ. αὖθις—σημαίνει τὸ ἐξ ὑστέρου, ἢ τὸ ἐκ δευτέρου. Свида: αὖτις εἰς τ'οὐπίσω (рѣшать вопросъ, относящійся къ двоякости орѳографіи этого слова, именно αὖτις и αὖθις, мы считаемъ отдаленнымъ отъ нашей задачи).

36) Платонъ о законахъ 934 A. οὐχ ἕνεκα τοῦ κακουργῆσαι διδοὺς τὴν δίκην, οὐ γὰρ τὸ γεγονὸς ἀγένητον ἔσται ποτε, τοῦ δ' εἰς τὸν αὖθις ἕνεκα χρόνον ἢ τὸ παράπαν μισῆσαι τὴν ἀδικίαν.

37) Дюнцеръ на стр. 592-й извѣстнаго намъ сочиненія толкуетъ такъ: „αὖτις образовано не непосредственно отъ слова αὖ, а отъ слова αὐτάς, и обозначаетъ: *этимъ способомъ*, *такимъ же способомъ* (изъ послѣдняго значенія Дюнцеръ развиваетъ значенія *опять* и *назадъ*); αὖθις есть тоже самое слово, что αὖτις; орѳографія его можетъ основываться на ложной аналогіи слова αὖθι (konnte auf falscher Analogie des αὖθι beruhen)". И по мнѣнію Бенфея слово αὖτις образовано отъ слова αὐτός, а не отъ αὖ (Wurzell. 1. 275); какъ оно образовалось, это Бенфеемъ не показано; но αὖθις онъ производитъ уже непосредственно отъ αὖ; окончаніе θις онъ уравниваетъ съ санскритскимъ окончаніемъ his, или болѣе первоначальнымъ dhis (Wurzell. II. 269), обозначающимъ направленіе *откуда* Мнѣніе Бенфея относительно αὖθις имѣетъ за собою прочное основаніе (онъ указываетъ въ мѣстѣ, на которое мы только что сослались, на аналогическія отношенія между санскритскими окончаніями dha, dhas и dhi, dhis. Первыя, не имѣющія s, обозначаютъ спокойствіе на мѣстѣ, вторыя обозначаютъ направленіе *откуда;* примѣровъ много встрѣчаемъ тамъ же), мнѣніе же Дюнцера есть чистѣйшая догадка Держась мнѣнія Бенфея, мы видимъ, что въ словѣ αὖθις понятіе *назадъ* можетъ заключаться только въ *первой* составной части αὖ. Въ самомъ дѣлѣ, слово αὖθις въ значеніи *назадъ* отвѣчаетъ на вопросъ *куда* — указываетъ, значитъ на *движеніе*; θις, по мнѣнію Бенфея имѣетъ въ виду только точку, какъ *начало* движенія, а *направленіе движенія* (назадъ) выражено уже въ αὖ. Что касается слова αὖτις, то если бы даже образованіе его, предлагаемое Дюнцеромъ, было вѣрно, все же отъ вѣрныхъ его значеній *опять назадъ*, или хотя бы даже отъ суммирующаго ихъ, по мнѣнію Дюнцера, значенія *такимъ же способомъ*, къ значенію предполагаемому Дюнцеромъ первоначальнымъ, именно къ значенію *этимъ способомъ*, переходъ довольно труденъ. (Въ русскомъ языкѣ къ словуэтотъ должно было присоединиться слово *же*, для того чтобы оно могло выразить повтореніе.

этихъ значеній въ корнѣ означенныхъ 3-хъ словъ и, прибавимъ, не только ихъ, но и этимологически, вѣроятно, тѣсно съ ними связаннаго и очень важнаго въ нашемъ вопросѣ слова ἄ ψ [38]), долженъ быть для всѣхъ одинаковый; самихъ же значеній будетъ четыре, именно: назадъ опять, δή и δέ.—Какое значеніе преобладаетъ въ каждомъ изъ нашихъ словъ, на это указывать здѣсь не станемъ. (Въ чешскомъ языкѣ всѣ 4 значенія сосредоточены въ словѣ pak=слав. паки; сравни слова: naopak=въ противоположную сторону, opakovati=повторять; co pak to mluvíš?=τί δὴ τοῦτο λέγεις; vy odejdete, my pak ostanem zde = ὑμεῖς μὲν ἄπιτε, ἡμεῖς δὲ μενοῦμεν). Напрасно стремился Дюнцеръ уничтожить связь между αὐερύειν и αὖ и ошибочно объяснялъ корень всѣхъ разбираемыхъ нами словъ «демонстративно пропоминальнымъ:» На это не давало ему право ни то awa, на которое онъ ссылается (awa всѣ преводятъ латинскимъ предлогомъ ab. Бенфей: Wurzell. I. 126 говоритъ, что awa обозначаетъ «Wechselverhaeltniss von einem Orte zum anderen), ни всѣ тѣ греческія слова, которыя онъ приводитъ рядомъ съ санскритскимъ awa (см. стр. 51), — какъ тѣ, которыя мы уже разобрали, такъ и тѣ, которыя нами еще незатронуты.

II. 2.

Если мы изобразимъ перемѣну направленія съ одной стороны знаками ⇄, а съ другой знакомъ ⌒, то разница между этими двумя графическими изображеніями перемѣны движенія будетъ опредѣляться вотъ чѣмъ: въ первомъ случаѣ эта перемѣна движенія будетъ заключатьея въ противоположности двухъ направленій, а во второмъ только отрицается прямота линіи, по которой движется предметъ; къ первому случаю относится вопросъ:

[38]) Что ἄψ имѣетъ одинаковый корень съ словами αὖ, αὖτε, αὖθις, это видно даже изъ указаній древнихъ. Etym mag. разлагаетъ слово αὖτε на α+τε, появленіе въ немъ буквы υ объясняетъ плеоназмомъ, а буквѣ α, составляющей, по его мнѣнію, первую составную часть, придаетъ значеніе назадъ (ὀπίσω). Замѣчательно: Etym. mag. отличаетъ нѣсколько значеній представочнаго α и употребляетъ для нихъ терминовъ какъ то: ἀ στερητικόν, ἀ ἐπιτατικόν (въ словахъ напр. ἀβληχρός, ἄβρομος, ἀθροίζω.), ἀ σημαῖνον τὸ ὁμοῦ (напр. ἀδελφός) и ἀ πλεοναστικόν; только въ 3-хъ словахъ, на сколько мы замѣтили, именно въ словѣ ἀκόλουθος, αὐερύειν и αὖτε, признаетъ его за σημαῖνον τὸ ὀπίσω и производитъ его sub voce αὐερύειν отъ слова ἄψ (τὸ δὲ ἀ, τὸ σημαῖνον τὸ ὀπίσω, ἀπὸ τοῦ ἄψ γέγονε; αὖ здѣсь Etym. mag. не усматриваетъ да и вообще объ αὖ въ этомъ словарѣ нѣтъ и помину). Фонетическіе законы вовсе не противорѣчатъ такому сближенію слова ἄψ съ словомъ αὖ. Въ латинскихъ формахъ aufero, abstuli видна аналогія той фонетической перемѣнѣ, которая требуется для перехода отъ αὖ къ ἄψ. Кажется, что и лат. a, ab, abs, и греч. αὖ имѣютъ одинаковое начало въ санскритскомъ вышеупомянутомъ awa (прочь). Другое доказательство для тождественности корня словъ αὖ и ἄψ мы приведемъ ниже. Объ этой тождественности думалъ уже Поттъ (Et. Forssch. II. 132, 316), категорически ее высказалъ Христъ (Lautlehre 262). Она для насъ очень важна, потому что значеніе *назадъ*, признать которое нехотѣлось Дюнцеру въ словѣ αὖ, не оспоримо въ словѣ ἀψ.

куда движется предметъ, и получается отвѣтъ: вправо, влѣво и т. д., а ко второму случаю относится вопросъ, *какъ* движется предметъ, и получается въ отвѣтъ, что не по *прямой линіи*, а что, дошедши до извѣстнаго пункта, *подвергается повороту*. Послѣднее т. е. отрицаніе прямоты линіи въ движеніи предметовъ мы положимъ въ основаніе опредѣленію значенія того ἔτυμον, въ которому сводятся всѣ выше разбираемыя слова: *означенное* ἔτυμον *будетъ имѣть значеніе «не впередъ»* [39]);—къ такому положенію повело насъ все вышесказанное; мы назвали бы корень разбираемыхъ нами словъ *не демонстративно—прономинальнымъ*, какъ это дѣлаетъ Дюнцеръ, а—*модально-прономинальнымъ*.

Слова αὖ, αὖθις, αὖτε, ἀψ, исходя отъ общаго значенія *не впередъ*, могли дѣйствительно развить, каждое по своему, и значеніе *назадъ*, и значенія: δέ (переходъ въ рѣчи къ предмету, совершенно другому сравнительно съ предшествующимъ), *все кругомъ* [40]), *опять*, δή (какъ частицы, прикрѣпляющей съ извѣстною силою наше представленіе къ тому слову, или къ тому предложенію, при которомъ она поставлена).—Αὐτίκα (мы переходимъ къ другимъ словамъ, указаннымъ Дюнцеромъ, какъ этимологически связаннымъ съ словомъ αὖ), какъ частица времени (такою дѣлается она при посредствѣ окончанія ίκα; ср. πηνίκα ἡνίκα), указываетъ на то, что извѣстное дѣйствіе, въ предложеніи котораго слово αὐτίκα поставлено, не должно быть отнесено къ другой, болѣе удаленной точкѣ времени, чѣмъ на которой наше представленіе находилось по отношенію къ непосредственно предшествующему дѣйствію. Αὖθι, какъ частица мѣста (частицею мѣста оно дѣлается при посредствѣ окончанія θί, которое Бенфей: Wurzellexikon II. 269 сопоставляетъ съ санкритскимъ dhi, обозначающимъ спокойствіе на мѣстѣ; ср. выноску 27.), равняется своимъ значеніемъ обороту: *все на одномъ и томъ же мѣстѣ, не двигаясь съ мѣста* [41]). Вмѣсто αὖθι встрѣчается не

---

[39]) Мы согласны съ Бенфеемъ, который Wurzell. I. 275 производитъ отрицаніе οὐ отъ того же корня, отъ котораго происходятъ слова αὖ αὖθις и т. д.

[40]) Такое значеніе развило слово ἀψ въ compositum ἀψόρροος Ἀψόρροος есть у Гомера, какъ извѣстно, эпитетъ Океана; въ схоліяхъ Беккера говорится (смотри schol. ad II. 18. 399), что это слово прибавляется къ слову Ὠκεανός „διὰ τὸ κύκλῳ περιθεῖν τὴν γῆν.“ Вотъ доказательство, которое мы имѣли въ виду въ 38-й выноскѣ; оно заключается въ засвидѣтельствованіи развитія въ словѣ ἀψ значеній, по направленію, тождественному другимъ словамъ, образованнымъ отъ αὖ. Мы здѣсь имѣемъ въ виду слово αὐτός, о которомъ смотри ниже.

[41]) Что αὖθι не есть δεικτικόν, ни ἀναφορικόν, а что его надобно понимать именно за *модальное* слово, это видно лучше всего изъ мѣста Од. 8. 275, гдѣ отсутствіе всякаго отношенія слова αὖθι къ *опредѣленному мѣсту* неоспоримо; мѣсто это слѣдующее:

Ἥφαιστος δ ὡς οὖν θυμαλγέα μῦθον ἄκουσεν,
βῆ ῥ' ἴμεν ἐς χαλκεῶνα, κακὰ φρεσὶ βυσσοδομεύων
ἕν δ' ἔθετ' ἀκμοθέτῳ μέγαν ἄκμονα, κόπτε δὲ δεσμοὺς
ἀρρήκτους ἀλύτους, ὄφρ' αὖθι μένοιεν.

только то αὐτόθι, на которое нами выше было указано (смотри выноску 28 ю), но, какъ извѣстно, и адвердіальное αὐτοῦ [42]).

Мы не считаемъ нужнымъ объяснять значеніе другихъ нарѣчій, связанныхъ этимологически съ словомъ αὐτός и перейдемъ къ главному предмету этой главы, т. е. къ самому слову αὐτός. Послѣднее, какъ слово адъективно-склоняемое, имѣющее 3 разныя окончанія для 3-хъ разныхъ грамматическихъ родовъ и долженствующее всегда синтаксически опираться на извѣстное поименованіе предмета, нужно признать, если не хотимъ погрѣшить противъ послѣдовательности, за слово, служащее не для диктическаго, или анафорическато, или прямаго личнаго обозначенія предмета, а только *для прикрѣпленія, пріостановленія нашего вниманія на томъ предметѣ, на поименованіе котораго оно синтаксически опирается. Но этому-то оно и можетъ быть:*

1. Средствомъ для затвержденія въ памяти слушателя извѣстнаго предмета, какъ опредѣлителя извѣстнаго сказуемаго (αὐτός intensivum).

2. Средствомъ для вызова въ умѣ слушателя логическаго сопоставленія тамъ, гдѣ авторъ или хочетъ указать слушателю на особенность подбора предмета, къ которому приходится отнести сказуемое (αὐτός progressivum), *или направляетъ его прямо къ предмету помимо всего, что въ его представленіи съ этимъ предметомъ соединено* (αὐτός distinctivum и αὐτός immediabilitatis).

3. Средствомъ, коимъ наша представительная сила, пріуроченная уже прежде къ извѣстному предмету, какъ опредѣлителю сказуемаго, имѣетъ быть удержана при этомъ предметѣ, поелику приходится опредѣлить на немъ:

а) *Это сказуемое какъ на исключительномъ, въ извѣстномъ направленіи, сіе опредѣлитель* (αὐτός monadicum),

б) *тоже сказуемое и въ другомъ противъ прежняго направленіи* (αὐτός reflexionis).

в) *новое сказуемое въ какомъ бы то ни было направленіи* (сильное и слабое αὐτός identitatis).

---

[42]) Какъ на особенно замѣчательное употребленіе слова αὐτοῦ, **укажемъ на мѣсто** Од. 5, 275.

οὐδέ οἱ ὕπνος ἐπὶ βλεφάροισιν ἐπίπτεν
Πληϊάδας τ' ἐσορῶντι καὶ ὀψὲ δύοντα Βοώτην
Ἄρκτον θ', ἣν καὶ ἅμαξαν ἐπίκλησιν καλέουσιν,
ἥτ' αὐτοῦ στρέφεται καί τ' Ὠρίωνα δοκεύει,
οἴη θ' ἄμμορός ἐστι λοετρῶν Ὠκεανοῖο.

Тоже самое мѣсто встрѣчается въ Ил. 18. 488; тамъ слово αὐτοῦ **схоліастъ** объясняетъ слѣдующимъ образомъ: ἤτις περὶ τὸν ἀρκτικὸν καὶ ἀειφανῆ κύκλον ἤτοι πόλον στρέφεται. **Эти мѣста** мы и имѣли въ виду въ 40-й выноскѣ.

Прибавленіе.

Разсматривая еще разъ всѣ симазіологическіе оттѣнки слова αὐτός по всѣмъ примѣрамъ, которые нами приведены въ I-ой главѣ этой части, мы находимъ, что вездѣ необходимо съ словомъ αὐτός синтаксически соединять, или по крайней мѣрѣ подразумѣвать, вообще *вызывать въ нашемъ мышленіи* слово, какъ средство, представляющее намъ *непосредственно* тотъ предметъ, къ которому отнесено αὐτός, какое бы это средство изъ приведенныхъ на стр. 14. ни было. При одномъ только слабомъ αὐτός identitatis (см. стр. 44), при томъ αὐτός, которое составляетъ, хотя не по внѣшнему количеству употребленія его, но качественно, въ ряду съ другими симазіологическими оттѣнками, самую ничтожную часть всего αὐτός, мы можемъ предположить, что грекъ этой необходимости не чувствовалъ; мы это можемъ преположить даже тогда, если допустимъ, что онъ при чтеніи такого αὐτός вовсе не упускалъ изъ виду *общаго значенія его*. Если на пр. грекъ говорилъ: Κλέαρχος φυγὰς ἦν·—τούτῳ συγγενόμενος ὁ Κῦρος ἠγάσθη αὐτόν καὶ ἔδωκε κ. τ. ἀ. (Ксен. Ан. I. 1. 9.)[42]), то слово αὐτός могло не вызывать въ мышленіи слушателя словъ Κλέαρχος и τούτῳ уже потому, что и такъ его мысль всецѣло занята обозначаемымъ этими словами предметомъ и онъ уже наперед знаетъ, къ кому ἠγάσθη относится, такъ что на появленіе въ рѣчи даже самаго слова αὐτός, не говоря уже о вызываніи въ его мышленіи словъ Κλέαρχος и τούτῳ, не дѣлаетъ никакихъ притязаній и указаніе говорящаго, упомянутое нами въ 42 выноскѣ,— почти лишнее (нѣтъ нужды приводить примѣры для увѣренія читателя въ томъ, что на самомъдѣлѣ слабое αὐτός ident. часто пропускается; это извѣстно каждому, сколько нибудь знакомому съ греческими авторами). Если дѣйствительно, какъ утверждаетъ Аполлоній (смотри выноску 23), слабое αὐτός identitatis подвергалось энклизису, то этимъ энклизисомъ, какъ мы замѣчаемъ, достигалось многаго: говорящій давалъ имъ знать, что онъ еще передъ произношеніемъ этого слова и самъ былъ приготовленъ, и слушателя считалъ приготовленнымъ на отнесеніе сказуемаго къ извѣстному уже предмету (такъ что постановка такого αὐτός равнялась упомянутому выше выпущенію его), между тѣмъ какъ при ὀρθοτονούμενον αὐτός или, говоря болѣе спеціально, при *сильномъ* αὐτός identitatis (о другихъ оттѣнкахъ слова αὐτός мы здѣсь уже не станемъ говорить), онъ на что нибудь подобное не расчитывалъ; вслѣдствіе чего и явилась потребность, *вызвать* въ нашемъ мышленіи упоманутое выше (въ 5-й строчкѣ „прибавленія“) слово и присоединить его къ слову αὐτός, тѣмъ больше что само слово αὐτος, какъ модальное слово, къ предмету непосредственно не ведетъ.

Что слабое αὐτός ident. употреблялось только о *предметахъ 3 л.*, на это

---

[42]) Держась общаго значенія слова αὐτός, говорящій хочетъ въ приведенномъ нами изъ Анавазиса примѣрѣ словомъ αὐτός сказать слушателю слѣдующее: Для пассивнаго опредѣленія слова ἠγάσθη ты не ищи новаго предмета, а оставайся при томъ, который занимаетъ твою мысль въ настоящее время.

нами указано уже на стр. 44; первое и второе лице имъ не пользовались (грекъ не говорилъ напр. ἀφίκετο πρὸς ἐμὲ, καὶ ἔδωκε αὐτῷ—въ смыслѣ „мнѣ“—παντοῖα δῶρα); тамъ не отставалъ языкъ отъ словъ ἐγώ и σύ, а только ихъ энклиноваль въ извѣстныхъ случаяхъ; для 3-го же лица слово αὐτός очень пригодилось, такъ какъ оно освобождало языкъ отъ необходимости, *поименовывать* предметъ, когда уже достаточно извѣстно, какъ онъ называется, или *указывать* на него, когда онъ намъ уже достаточно знакомъ, или, наконецъ, *анафоровать* его изъ контекста или изъ происходившаго въ насъ въ другое, удаленное уже время представленія, когда рѣчь въ этомъ мѣстѣ представляетъ ничѣмъ не прерванное продолженіе предшествующей, относящейся къ нему же, рѣчи [43]).

Намъ скажутъ, что, вычисляя средства для обозначенія предметовъ 3-го лица, мы забыли совершенно объ οὗ οἵ ἕ, что все то, что мы теперь говорили объ αὐτός, есть чуть ли не повтореніе сказаннаго нами объ οὗ на страницахъ 16 и 17. и что при существованіи этого послѣдняго слова въ языкѣ и при признанномъ нами на стр. 17-ой его значеніи, въ слабомъ αὐτός identitatis совершенно также не нуждался языкъ *въ третьемъ лицѣ*, какъ *и въ первомъ и во второмъ лицахъ*. На это мы отвѣтимъ, что если бы языкъ и не нуждался въ такомъ словѣ, то ничто не помѣшало бы ему обогатить себя и присоединить къ имѣющемуся въ немъ уже средству средство новое, если только это новое средство способно, на основаніи общихъ законовъ языка, проложить себѣ дорогу къ отождествленію его съ другимъ средствомъ. Это, впрочемъ, слишкомъ общій отвѣтъ на предполаемое нами возраженіе; относя же это возраженіе къ словамъ οὗ и αὐτός, мы находимъ въ немъ скорѣе поводъ указать на довольно опредѣленное различіе въ употребленіи каждаго изъ этихъ словъ, чѣмъ признать ихъ тождественными. Надобно принять во вниманіе, что 3 грам. лицо принимаетъ въ свою область предметы и одушевленные, и неодушевленные, между тѣмъ какъ предметы, обозначаемые черезъ ἐγώ, σύ, уже всегда, хотя бы даже при посредствѣ олицетворенія, разсматриваются какъ одушевленные. Замѣчательно, что Гомеръ слово οὗ, οἵ, ἕ въ указанномъ нами на стр. 17. значеніи, употребляетъ крайне рѣдко о не одушевленныхъ предметахъ. Примѣры въ родѣ Ил. 1. 236.

ναὶ μὰ τόδε σκῆπτρον, τὸ μὲν οὔποτε φύλλα καὶ ὄζους
φύσει, ἐπειδὴ πρῶτα τομὴν ἐν ὄρεσσι λέλοιπεν,

[43]) Живымъ ἀνάλογον къ слову αὐτός, по отношенію ограниченія его на предметы третьяго лица, является славянское мѣстоименіе и, ꙗ, ѥ, Мы знаемъ, что это мѣстоименіе въ церковнославянскомъ языкѣ, въ соединеніи съ частицею *же*, употреблялось въ качествѣ *относительнаго мѣстоимѣнія*, мѣстоименія, значитъ, общаго всѣмъ грамматическимъ лицамъ. Что частица *же* сама не сдѣлала его ни относительнымъ, ни способнымъ быть относимымъ ко всѣмъ грамматическимъ лицамъ, въ этомъ никто изъ насъ сомнѣваться не будетъ, и мы можемъ смѣло сказать, что вся причина этой двойственности его употребленія заключается въ способности самого разбираемаго нами мѣстоименія.

οὐδ' ἀναθηλήσει· περὶ γάρ ῥά ἑ χαλκὸς ἔλεψεν
φύλλα τε καὶ φλοιόν· νῦν αὖτέ μιν υἷες Ἀχαιῶν
ἐν παλάμῃς φορέουσι δικασπόλοι, οἵ τε θέμιστας
πρὸς Διὸς εἰρύαται,

во всемъ Гомерѣ встрѣчается только еще въ Од. 15. 117.

δώσω τοι κρητῆρα τετυγμένον· ἀργύρεος δὲ
ἔστιν ἅπας, χρυσῷ δ' ἐπὶ χείλεα κεκράανται,
ἔργον δ' Ἡφαίστοιο· πόρεν δέ ἑ Φαίδιμος ἥρως

(тотъ же примѣръ повторяется въ Од. 4. 617),

въ Од. 7. 216. οὐ γάρ τι στυγερῇ ἐπὶ γαστέρι κύντερον ἄλλο
ἔπλετο, ἥτ' ἐκέλευσε ἕο μνήσασθαι ἀνάγκῃ,

въ Од. 4. 355. νῆσος ἔπειτά τις ἔστι πολυκλύστῳ ἐνὶ πόντῳ
Αἰγύπτου προπάροιθε, Φάρον δέ ἑ κικλήσκουσιν.

Очень можетъ быть, что причина появленія слова οὗ въ этихъ примѣрахъ была тоже олицетвореніе: по крайней мѣрѣ, въ Од. 7. 216 оно не подлежатъ никакому сомнѣнію.

Надобно полагать, что οὗ, οἷ, ἕ въ значеніи, о которомъ мы говоримъ, выразило лишь только требованіе на уравненіе его съ словами ἐγώ и σύ, если *прежде всего по отношенію къ неодушевленнымъ предметамъ* допустило развитіе слабаго αὐτός identitatis. Не такимъ оказывается у Гомера слово μίν; *послѣднее очень часто* употребляется *о неодушевленныхъ предметахъ* (Ср. Од. 4. 617, 5. 256, 9. 120, 10. 1, 10. 305, 12. 76, 13. 188, 13. 239, 19. 441, 22. 125.—21. 150, 21. 246, 21. 294, 29. 338, Ил. 20. 214, 21. 585 и т. д.). Мы до сихъ поръ только не хотѣли идти въ разрѣзъ съ обычною группировкою, приводя μίν вездѣ рядомъ съ словомъ οὗ οἷ ἕ, хотя оно симозіологически скорѣе приближается къ слабому αὐτός identitatis [45]).

---

[45]) Наше мнѣніе о симазіологической близости словъ αὐτός и μίν находитъ себѣ поддержку въ производствѣ слова μίν приведенномъ Курціусомъ (смотри· Grundzuge der gr. Etym. стр. 532). Онъ не соглашается съ тѣми, которые производятъ форму μίν отъ корня *ma* и форму νιν отъ корня *na*,—по той-де причинѣ, что въ такомъ разѣ нужно бы ожидать винительные падежи μον и νον, Курціусъ вмѣстѣ съ Дедерлейномъ возводитъ форму μίν на первоначальное ἰμ—ἰμ; онъ указываетъ въ ней на фонетическое чередованіе въ греческомъ языкѣ звуковъ μ и ν, находитъ на основаніи этого закона возможною и форму νίν и считаетъ, какъ видно, оба эти слова, μιν и νιν, за удвоенныя формы отъ прономинальнаго корня *i*, распространяющагося, какъ мы знаемъ, въ *ja*; однимъ словомъ, и μιν и νιν напоминаютъ собою въ этимологическомъ, и даже, какъ оказывается, въ симазіологическомъ отношеніи упомянутое нами въ предшествующей сноскѣ мѣстоимѣніе и, ꙗ, ѥ.—То сопоставленіе словъ μίν и ἕ, которое мы находимъ у Амейса (смотри Homerische Kleinigkeiten Muhlh. 1861 стр. 22), и по которому μίν указываетъ на что нибудь, данное *самимъ разсказомъ, или находящееся на лицо*, а ἕ на что нибудь, *находящееся только*

Въ памятникахъ аттическаго нарѣчія слабое αὐτός identitatis заходитъ гораздо больше, чѣмъ въ Гомерѣ, въ ту область слова οὗ, которая нами принята за *первоначальную*. Послѣднее, конечно, не было *совсѣмъ* вытѣснено первымъ: примѣръ Ксен. Анав. 5. 4. 33. (ἐζήτουν δὲ οἱ Μοσσύνοικοι ταῖς ἑταίραις, ἃς ἦγον οἱ Ἕλληνες, ἐμφανῶς συγγίγνεσθαι. νόμος γάρ ἦν οὗτός σφισι) не есть единственный этого рода, хотя и рѣдкость (смотри Кюнеръ. Ausf. Gr. § 455 5. 8). Слово οὗ, οἷ, ἕ остав алось тогда уже только въ роли такъ называемаго *возвратнаго мѣстоименія*, гдѣ активнымъ опредѣлителемъ сказуемаго является предметъ тождественный съ его подлежащимъ. Мы говоримъ „оставалось въ роли такъ называемаго возвратнаго мѣстоименія", а не „перешло въ роль возвратнаго мѣстоименія" и думаемъ, что возвратное значеніе слова αὗ οἷ ἕ есть только *ограниченіе употребленія его, какъ прямаго личнаго показателя 3 л.* (что оно въ этомъ случаѣ усиливается словомъ αὐτός, объ этомъ мы говорили на стр. 31). Въ самомъ дѣлѣ, если Гомеръ напр. въ Ил. 4. 335 говоритъ:

Θρῄϊκες ἀκρόκομοι, δολίχ' ἔγχεα χερσὶν ἔχοντες,
οἵ ἑ, μέγαν περ ἐόντα καὶ ἴφθιμον καὶ ἀγαυόν,
ὥσαν ἀπὸ σφείων,

то σφείων здѣсь ни чуть не отличается относительно возможности его употребленія отъ словъ ἐγώ и σύ, употребленныхъ напр. у Дем. 40. 8 (ὑμεῖς τοὺς ὑμετέρους παῖδας ἀγαπᾶτε) и у Плат. Лах. 179. (αἰτιώμεθα τοὺς πατέρας ἡμῶν), однако не заслуживающихъ отъ того названія возвратныхъ мѣстоименій. Ограничиваясь ролью возвратнаго мѣстоименія, слово οὗ, οἷ, ἕ само вытѣснило изъ нея тѣ слова, на которыя эта роль была прежде распространена (оно потомъ и могло быть названо reflexivum κατ' ἐξοχήν; см. стран. 32). Мы имѣемъ здѣсь въ виду опять слова μίν и αὐτός: употребленіе этихъ словъ въ рефлексивномъ значеніи служитъ опять таки доказательствомъ такимъ-же и тому-же, какимъ и чему послужили выше слова ἐγώ и σύ. Что μίν употребляется у Гомера рефлексивно, въ этомъ убѣждаетъ насъ повторяющійся столь часто оборотъ τῷ μιν εἰσάμενος (смотри напр. Од. 6. 24, Ил. 2. 22, 2. 795, 16. 720, 20. 82. и т. д.); что и на αὐτός распространено было у Гомера возвратное значеніе, это мы видимъ изъ слѣдующихъ примѣровъ:

Од. 4. 247. Елена разсказываетъ объ Одиссеѣ, какъ онъ

ἄλλῳ δ' αὐτὸν φωτὶ κατακρύπτων ἤισκεν,
δέκτῃ, ὃς οὐδὲν τοῖος ἔην ἐπὶ νηυσὶν Ἀχαιῶν.

въ нашемъ представленіи, (jenes weist auf etwas durch die Erzahlung gegebenes oder in der wirklichen sinnlichen Anschauung vorhandenes hin, dieses dagegen geht auf etwas bloss in der Vorstellung befindliches), если *само себя* неопровергаетъ окончательно, то по крайней мѣрѣ имѣетъ дѣло съ чѣмъ то слишкомъ неуловимымъ на конкретныхъ случаяхъ, чтобы заслужить довѣріе, особенно когда не имѣетъ для себя другихъ доказательствъ чѣмъ одни контексты.

τῷ ἴκελος κατέδυ Τρώων πόλιν, οἱ δ' ἀβάκησαν
πάντες·

Од. 2. 125. Антиной говоритъ Телемаху о Пенелопѣ:

τόφρα γὰρ οὖν βίοτόν τε τεὸν καὶ κτήματ' ἔδονται,
ὄφρα κε κείνη τοῦτον ἔχῃ νόον, ὄντινα οἱ νῦν
ἐν στήθεσσι τιθεῖσι θεοί. μέγα μὲν κλέος αὐτῇ
ποιεῖτ', αὐτὰρ σοίγε ποθὴν πολέος βιότοιο.

Ил. 9. 342. ἐπεὶ ὅστις ἀνὴρ ἀγαθὸς καὶ ἐχέφρων,
τὴν αὐτοῦ φιλέει καὶ κήδεται, ὡς καὶ ἐγὼ τὴν
ἐκ θυμοῦ φίλεον δουρικτητήν περ ἐοῦσαν [16]).

---

[16]) Примѣры эти приводитъ Аполлоній смотри περὶ ἀντ. стр. 101. Въ Од. 2. 125 пишутъ, вмѣсто αὐτῇ αὐτῆς, а ποιεῖται объясняютъ въ значеніи γίγνεται (смотри Аполлонія περὶ ἀντ 102), въ такомъ случаѣ, конечно, этотъ примѣръ не подходилъ бы сюда (хотя при подобномъ толкованіи нарушается вся синтаксическая симметрія предложенія, вмѣщающаго въ себѣ слово αὐτῆς, съ слѣдующимъ); но за то редакція другихъ двухъ примѣровъ, въ приведенномъ нами ея видѣ, не оспорима. Конечно, легко было во всѣхъ этихъ примѣрахъ вмѣсто αὐτον поставить αὐτὸν, вмѣсто αὐτῆς αὐτῆς (такъ нѣкоторыя рукописи сдѣлали; смотри изданіе La Roche); но вѣдь намъ извѣстно, что у Гомера композиціи ἑαυτοῦ ἑαυτῷ и т. д. не встрѣчаются, а всегда только σῦ αὐτοῦ οἱ αὐτῷ (смотри Виндишъ. Relativpronomen: Curtius Studien II. 2. стр. 349.—Схолія къ Ил. 9. 342 упрекаетъ Птолемея за то, что онъ въ этомъ стихѣ поставилъ αὐτο῀ вмѣсто αὐτοῦ и что онъ незнаетъ, „ὅτι Ὅμηρος οὐδέποτε συνθέτως γέγραπται ἀντωνυμίαν"); тѣмъ менѣе можно предполагать существованіе формъ αὐτοῦ αὐτῆς. Можно еще принимать въ этихъ примѣрахъ слово αὐτός только за αὐτός reflexionis и считать мѣстоименіе οὗ οἷ ἕ пропущеннымъ (такіе пропуски мы замѣчали въ I-й главѣ 2-й части нашего сочиненія и при другихъ значеніяхъ слова αὐτος, а при αὐτός reflexionis такой пропускъ необходимо принять въ Од. 10. 87, гдѣ сказано:

αὐτὰρ ἐμοὶ πνοιὴν Ζεφύρου προέηκεν ἀῆναι,
ὄφρα φέροι νῆάς τε καὶ αὐτούς· οὐδ' ἄρ' ἔμελλεν
ἐκτελέειν. αὐτῶν γὰρ ἀπωλόμεθ' ἀφραδίῃσιν,

и гдѣ αὐτῶν вызываетъ къ себѣ въ пополненіе слово ἡμῶν). Такъ объясняетъ наши примѣры самъ Аполлоній. Намъ кажется, что симазіологическая тождественность слова αὐτός съ словомъ μὶν на одномъ полѣ значенія его прокладываетъ ему дорогу и къ тождественности на разбираемомъ нами теперь полѣ. Схолія къ Од. 4. 244, именно къ словамъ:

ἀλλ' οἷον τόδ' ἔρεξε καὶ ἔτλη καρτερὸς ἀνὴρ
δήμῳ ἔνι Τρώων, ὅθι πάσχετε πήματ' Ἀχαιοί.
αὐτόν μιν πλῆγῇσιν ἀεικελίῃσι δαμάσσας,
σπεῖρα κὰκ' ἀμφ' ὤμοισι βαλὼν, οἰκῆι ἐοικώς,
ἀνδρῶν δυσμενέων κατέδυ πόλιν εὐρυάγυιαν,

считаетъ встрѣчающіяся въ означенномъ нами стихѣ слова αὐτόν и μιν за симазіологически тождественныя слова (ἰσοδυναμοῦσαι ἀντωνυμίαι) и считаетъ одно изъ нихъ достаточнымъ (ἀντὶ τῆς μιᾶς παραλαμβάνονται). Это одно можетъ быть, конечно, и αὐτός и должно быть

Для насъ понятно, что такое ограниченіе употребленія слова οὗ, οἷ, ἕ, которое заставило произносящихъ его чувствовать его если не *исключительно*, то, по крайней мѣрѣ, *преимущественно въ возвратномъ смыслѣ*, положило этому же слову дорогу въ область другихъ лицъ и довело его до того, что оно сдѣлалось *общимъ для всѣхъ лицъ возвратнымъ мѣстоименіемъ* (см. стр. 18 н. соч.). Кюнеръ (Ausf Gr. § 455. 7) замѣтилъ, что это послѣднее значеніе получило полный ходъ въ александринскій періодъ (In der alexandrinischen Mundart greift dieser Gebrauch immer mehr um sich). Въ Гомерѣ, въ которомъ первое значеніе слова οὗ, т. е. значеніе личнаго показателя 3-го лица, не было еще ограничено, о такомъ общевозвратномъ значеніи его нѣтъ и помину; только въ загадочной Долоніи, въ 398 стихѣ, лучшія рукописи вмѣсто φύξιν βουλεύουσι μετὰ σφίσιν (Долонъ тутъ говоритъ Одиссею, что Гекторъ послалъ его вывѣдать, думаютъ ли греки о бѣгствѣ) пишутъ βουλεύοιτε μετά σφισιν (βουλεύοιτε здѣсь, конечно, возможно, такъ какъ Долонъ всегда былъ въ правѣ, обращаясь къ Одиссею, считать его представителемъ всѣхъ грековъ и указываетъ ему на грековъ въ 2-мъ лицѣ), послѣ чего σφίσιν получаетъ значе-

---

потомъ уже во всякомъ случаѣ приминаемо въ возвратномъ значеніи. Другой варіантъ этого мѣста есть αὐτὸν μέν (смотри La Roche изданіе Гомера), а третій, примѣняющійся къ вышеуказаннымъ αὑτοῦ, αὑτόν и αὑτῇ, есть αὐτὸν μέν. Къ послѣднему варіанту, должно быть, и относятся слова, сказанныя, какъ свидѣтельствуетъ La Roche od versum Il. 4. 24, Аристархомъ, что αὐτὸν здѣсь должно быть поставлено φιλῶς· οὐκ οἶδε, продолжаетъ Аристархъ, τὴν Ἀττικῶν (correxit Dindorfius pro αὐτῶν) συνήθειαν ὁ ποιητής (Диндоръ пополняетъ: qui soli, Attici, αὐτὸν dicunt). Такое указаніе Аристарха, конечно, тоже подтверждаютъ рефлексивное значеніе слова αὐτός.—Не принимаемъ мы за рефлексивное то αὐτός, которое присоединяется въ формѣ косвенныхъ падеж. къ имен пад. этого же слова для усиленія его (мы имѣемъ здѣсь въ виду обороты αὐτὴ πρὸς αὐτήν, αὐτοὶ ὑπ' αὐτῶν и т. д.; см. въ-вын. 24. о двойномъ αὐτός), хотя этимъ косв. падежамъ въ другихъ оборотахъ, встрѣчающихся рядомъ съ ними, соотвѣтствуютъ формы αὑτοῦ, αὑτόν и т. д. (рядомъ съ оборотомъ αὐτοὶ ὑπ' αὐτῶν на пр. появляется оборотъ αὐτοὶ ὑφ' αὑτῶν. О существованіи тѣхъ и другихъ оборотовъ въ греческомъ языкѣ сравни Кюнеръ: Ausf. Gramm. § 455. 4. 4). Мы не принимаемъ это αὐτός за рефлексивное потому, что тогда нужно бы его признавать рефлексивнымъ не въ одномъ 3-мъ лицѣ, а во всѣхъ (ибо подобные обороты, какъ видно въ указанномъ нами мѣстѣ грамматики Кюнера, употребляются о всѣхъ грамматическихъ лицахъ), а съ другой стороны мы находимъ прекрасное ἀνάλογον въ русскомъ языкѣ, ведущее насъ именно къ тому, чтобы принять въ однихъ оборотахъ косвенный падежъ слова αὐτός за повтореніе того αὐτός, которое встрѣчается тамъ же въ им. над., не смотря на рефлексивное пониманіе формъ ἑαυτόν и т. д., встрѣчающихся въ другихъ оборотахъ. Ἀνάλογον это есть русское *самъ на самъ*. Конечно, указывая на русское *самъ на самъ*, какъ на ἀνάλογον греческимъ оборотамъ, мы имѣемъ въ виду только одинаковость *закона* въ обоихъ языкахъ, а не одинаковость *проетора* въ примѣненіи этого закона къ конкретнымъ случаямъ; послѣдній, т. е. просторъ примѣненія этого закона, оказывается въ греческомъ языкѣ, въ виду нашихъ оборотовъ, гораздо больше, чѣмъ въ русскомъ.

общевозвратное [47]).—Слово ὅς (свой) въ такомъ общевозвратномъ значеніи ввелъ въ текстъ Гомера, въ разрѣзъ съ текстомъ Аристарха, Бругманъ въ своемъ сочиненіи: Ein Problem der homerischen Textkritik Leipzig; 1876. г. [48]) Намъ кажется, что такое значеніе слова ὅς развилось на совершенно другой почвѣ, чѣмъ общевозвратное значеніе слова οὗ; первое, въ значеніи, предлагаемомъ Бругманомъ, мы можемъ принять въ текстъ Гомера вовсе не въ ущербъ нашему положенію о симзіологическомъ развитіи послѣдняго; ὅς могло въ этомъ общевозвратномъ значеніи войти въ языкъ Гомера на такихъ же правахъ, на какихъ у него принято слово ἴδιος, имѣющее съ ὅς, какъ извѣстно, общій этимологическій корень. Дѣло представляется намъ вотъ какъ: Стремленіе выразить понятіе „принадлежащій *опредѣленному* предмету“ отыскало въ рѣчи средство для своего осуществленія въ образованіи адъективной формы отъ слова, обозначающаго этотъ *опредѣленный* предметъ. Образуя напр. отъ ἔτυμον *богъ* прилагательное *божій*, мы выражаемъ понятіе *принадлежащій богу*. Чтобы можно было такимъ же образомъ выразить понятіе «собственный», относящееся къ понятію „принадлежащій *опредѣленному* лицу“, какъ absolutum къ relativum, нужно было искать для него ἔτυμον (такое, какимъ послужило слово *богъ* слову *божій*) въ такомъ словѣ, которое *не* обозначало бы *опредѣленнаго* предмета: если мы понятіе слова „собственный“ опишемъ посредствомъ выраженія „принадлежащій тому же самому предмету, о которомъ въ томъ или другомъ случаѣ придется говорить“, то увидимъ, что именно должно быть выражено въ ἔτυμον искомой нами адъективной формы. Предметъ, упоминаемый въ нашемъ описаніи понятія „собственный“, долженъ былъ, въ самый моментъ образованія такой адъективной формы, представляться творцу ея въ 3-мъ грамматическомъ лицѣ, причемъ корень swa оказалъ ему (при отыскиваніи слова для обозначенія этого предмета) свои услуги. Так. образомъ, слово ὅς, равно, какъ и русское *свой*, могло получить общевзвратное значеніе, благодаря *идеализированію* корня swa (употребленію его для выраженія понятія, не имѣющаго отношенія къ единичному случаю, т. е. къ предмету, которому что нибудь присваивается; сравни

---

[47]) Древнимъ комментаторамъ, какъ извѣстно, этотъ стихъ надѣлалъ много хлопотъ. Его то выпускали (Аристофанъ), то писали съ 3-мъ лицомъ глагола βούλεύω (Аристоникъ).

[48]) На стр. 117 этого сочиненія онъ составилъ перечень всѣмъ мѣстамъ Гомера, въ которыхъ онъ вводитъ ὅς въ общевозвр. знач. Неоспоримыми, на основаніи критики текста, онъ считаетъ: Од. 2. 134 и 206, 4. 192, 9. 28, 11. 492, 13. 320, 16. 119, 17. 103 19. 596; Ил. 1. 393, 3. 244, 6. 221, 7. 153, 14. 249, 15. 138, 18. 231, 19. 322 и 342, 21 412, 24. 422 и 550.

выраженіе: *свое милѣе чужаго*) противоположному отнесенію его, какъ корня личнаго мѣстоименія, *къ отдѣльнымъ предметамъ*. Мы, однако, видимъ, что это идеализированіе корня swa вызвано было въ словѣ ὅς чѣмъ-то, находящимся *внѣ* значенія этого корня (и привлекающимъ корень swa только въ качествѣ одного изъ факторовъ для выраженія чего-то цѣлаго); оно не будетъ имѣть въ немъ примѣненія, коль скоро такого толчка извнѣ не будетъ; послѣднее (то есть отсутствіе упомянутаго толчка) замѣчается въ употребленіи *простаго* слова οὗ, въ противоположность словамъ, *произведеннымъ* отъ него (на ὅς и ἴδιος мы уже указали, а на другія въ этомъ родѣ укажемъ ниже). Вотъ почему мы и сказали, что общевозвратное значеніе слова οὗ должно имѣть другую почву для своего развитія, чѣмъ общевозвратное значеніе слова ὅς.

Итоги всему, сказанному нами объ οὗ, οἵ, ἕ здѣсь и на страницахъ 16 и сл., будутъ слѣдующіе: οὗ, οἵ, ἕ *есть первоначально личный показатель присутствующаго въ нашемъ представленіи предмета 3 л.*; *по мѣрѣже замѣненія его въ этомъ значеніи словомъ* αὐτός, *оно чувствовалось болѣе возвратнымъ, а какъ возвратное перешло уже въ область другихъ грам.лицъ*. Наше положеніе объ этомъ мѣстоименіи расходится *существенно* съ господствующимъ въ настоящее время ученіемъ. Мы не говоримъ здѣсь о томъ ученіи, которое, перечисляя 3 разныхъ значенія слова οὗ, οἵ, ἕ, именно значеніе личнаго мѣстоименія 3-го лица, рефлексивное 3-го л. и общерефлексивное,—второе выставляетъ за «нормальное», первое за „діалектическую особенность“, а третье за „злоупотребленіе языка“ (Missbrauch; см. Крюгеръ. Gr. Sprachl. 51. 2. 15); мы на это ученіе должны смотрѣть только, какъ на сообщеніе одной группировки фактовъ, и видѣли бы въ немъ просто *отклоненіе* вопроса о разъясненіи взаимнаго отношенія этихъ трехъ значеній, если-бы приэтомъ не было внесено въ него указаніе на „злоупотребленіе языка“, освобождающее насъ, впрочемъ, какъ указаніе не филологическое, отъ дальнѣйшаго разбора этого ученія. Обратимъ вниманіе на другую теорію. Она діаметрально противоположна съ *нашею* теоріею: за первоначальное значеніе мѣстоимѣнія οὗ она принимаетъ общерефлексивное значеніе, другія же два значенія—за развившіяся изъ него; развилось же, по мнѣнію ея представителей, изъ обощевозвратнаго значенія прежде *возвратное значеніе* 3-го лица, а за тѣмъ уже значеніе *личнаго мѣстоименія* того же грамматическаго лица. Эта теорія развита въ послѣднее время особенно Виндишемъ и Бругманомъ. Они изложили ее въ упомянутыхъ нами уже сочиненіяхъ: Untersuchungen uber den Urspruug des Relativpronomens in den indogermanishen Sprachen (Виндишъ) и Ein Problem der homerischen Textkritik (Бругманъ) [49]).

[49]) Бругманъ выставляетъ себя до нѣкоторой степени противникомъ Виндиша; но

Принятіе значенія *личн. мѣстоим. 3 л.* болѣе позднимъ, въ сравненіи съ значеніемъ *возвратнымъ* того же грамматическаго лица, было, конечно, не-

---

въ общей сложности они оба идутъ, по отношенію къ нашей теоріи, *однимъ* направленіемъ. Вотъ болѣе обстоятельное изложеніе ученія Виндиша и Бругмана:

Виндишъ принимаетъ за первоначальное значеніе то, которое мы отвели для сильнаго αὐτός identitatis въ соединеніи его съ личными мѣстоименіями; для растолкованія этого значенія читателю, онъ прибѣгаетъ къ сопоставленію слова οὗ съ нѣмецкимъ ich, du, er selbst (смотри 344 страницу его сочиненія). „Въ этомъ значеніи", говоритъ авторъ, „кроется уже общевозвратное значеніе" (стр. 343). Изъ него де развиваются, съ одной стороны значеніе личнаго мѣстоименія 3-го лица (или, какъ авторъ выражается, въ разрѣзъ съ тѣмъ, что мы говорили на страницахъ 16 и сл. „анафорическое" значеніе), а съ другой стороны возвратное значеніе 3-го лица. Развитіе и того и другаго значенія изъ одного общаго начала идетъ *совершенно независимо* другъ отъ друга (стр. 345), „хотя, прибавляетъ Виндишъ, „послѣдне значеніе установилось *позже* перваго" (стр. 332). Всѣ четыре пункта, сообщенные нами здѣсь, непосредственно выходятъ изъ смысла указанныхъ нами четырехъ мѣстъ изъ сочиненія Виндиша. Подлинное гласитъ такъ (приводимъ мы подлинное въ томъ порядкѣ, въ которомъ составлено наше изложеніе его): Als ursprungliche Bedeutung des Wortes οὗ hat man nicht „selbst", sondern „ich, du, er selbst" anzusetzen... Es ist nur eine specielle, in manchen Sprachen im Laufe der Zeit zur alleinigen Herrschaft gelangte Anwendung, wenn es als Reflexivpron. die Identitat des Objectes mit dem Satzsubjecte bezeichnet ... Im griechischen soll man unter Reflexivpronomen οἱ (разумѣй: Reflexivpronomen der dritten Person) ein ursprungliches „ihm selbst" u. s. w. verstehen und dabei annehmen, dass in einem griechischen Pronomen diese ursprungliche Bedeutung noch nicht erloschen war. Dadurch kommt auch eine gewisse Einheit in den Gebrauch desselben, da es ja zu gleicher Zeit reflexiv und einfach anaphorisch angewendet wird.... Fur das griechische ist die reflexive Function als das Prius anzusetzen.—Виндишъ могъ, не измѣняя своей точки зрѣнія при опредѣленіи первоначальнаго значенія οὗ (какая это была точка зрѣнія, на это мы укажемъ ниже), въ подтвержденіе такого значенія, указать на форму σφεῖς (къ ней очень подходитъ его переводъ „sie selbst"), употребленную напр. у Геродот. VIII. 7, гдѣ сказано τῶν νεῶν ἁπασέων ἀποκρίναντες διηκοσίας περιέπεμπον ἔξωθεν Σκιάθου, ὡς ἂν μὴ ὀφθέωσι ὑπὸ τῶν πολεμίων περιπλώουσαι Εὔβοιαν κατά τε Καφηρέα καὶ Γεραιστὸν ἐς τὸν Εὔριπον, ἵνα δὴ περιλάβοιεν, οἱ μὲν ταύτῃ ἀπικόμενοι καὶ φράξαντες αὐτῶν τὴν ὀπίσω φέρουσαν ὁδόν, σφεῖς δὲ ἐπισπόμενοι ἐξ ἐναντίης. Такое же σφεῖς мы видимъ у Θук. 4. 114: τοὺς δὲ πάντας παρασκευάζεσθαι ἐκέλευσεν ὡς βεβαίους τε ἐσομένους ξυμμάχους καὶ τὸ ἀπὸ τοῦδε ἤδη ὅ τι ἂν ἁμαρτάνωσιν αἰτίαν ἔξοντας· τὰ δὲ πρότερα οὐ σφεῖς ἀδικεῖσθαι, ἀλλ' ἐκείνους μᾶλλον ὑπ' ἄλλων κρεισσόνων, καὶ ξυγγνώμην εἶναι, εἴ τι ἠναντιοῦτο. Сравни еще Ксен. Anab VII. 5. 9, Θук. V. 46. 3 и V. 63. 5, Плат. Пол. 487 B. Ксен. Ἑλληνικά V. 2. 8. и т. д. Сюда же принадлежитъ употребленіе именительнаго падежа ἑ, пополняющаго, по ученію древнихъ (смотри Аполлоній Дис. περὶ ἀντ. 10. B, и 69 C и сл.), этимологію слова οὗ имѣющаго дѣйствительно общую съ οὗ основу (если бы не было въ немъ густаго придыханія, то можно бы подумать, что это слово образовано, какъ выше объясненное μίν, отъ корня ja, но густое придыханіе въ немъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, смотри объ этомъ Гартунга: Casus 114) и употребленнаго, по

обходимое послѣдствіе принятія общевозвратнаго значенія за *первоначальное*, но само по себѣ осталось нашими учеными недоказаннымъ; доказательство Виндиша, повторяемое Вругманомъ, уличаетъ и того и другаго только въ недальновидности. Виндишу показалось очень пригоднымъ для его теоріи то обстоятельство, что на 14 мѣстъ изъ Одиссеи приходятся 43 мѣста въ Иліадѣ, въ которыхъ нужно οὗ, οἷ, ἕ принять за рефлексивное (стр. 332); но почему же онъ скорѣе не принялъ во вниманіе того обстоятельства, что οὗ, οἷ, ἕ у Гомера въ значеніи личнаго мѣстоимѣнія употребляется *очень часто*, а въ аттическомъ языкѣ *очень рѣдко*, и не вывелъ изъ *этого* другое, во всякомъ случаѣ болѣе вѣрное, заключеніе?

Виндишъ, правда, присовокупляетъ къ сообщенному нами указанію о численномъ отношеніи въ Иліадѣ и Одиссеѣ рефлексивнаго οὗ къ οὗ,

---

свидѣтельству Аполлонія (смотри περὶ ἀντ. стр. 70 В), Софокломъ въ „Эномаѣ“ въ контекстѣ: ἡ μὲν, ὡς ἵ θάσσονα, ἡ δὲ ὡς ἵ τέκοι παῖδα (такъ читаетъ это мѣсто Диндорфъ; здѣсь идетъ рѣчь о двухъ матеряхъ, изъ которыхъ каждая своего сына хвалитъ; „одна говоритъ“,—такой будетъ переводъ этого мѣста,—„что *она* родила болѣе быстраго сына, а другая опять, что она“....)—Мы, конечно, будемъ и σφεῖς и ἵ объяснять иначе, чѣмъ могъ объяснять Виндишъ. Въ приведенныхъ нами примѣрахъ контекстъ вызываетъ читателя на *логическое противопоставленіе*; это и есть причина постановки именительнаго падежа слова οὗ; въ противномъ случаѣ онъ былъ бы лишній. Что въ подобныхъ примѣрахъ удерживается то значеніе, которое мы сами предназначили слову οὗ на стр. 17, (1-я строчка) и что они не противорѣчатъ тому, что мы на томъ же мѣстѣ говорили объ отсутствіи именительнаго падежа въ словѣ οὗ (тамъ мы не имѣли въ виду логическаго противопоставленія), ни выводу нашему изъ этого отсутствія, это, надѣемся, читателю будетъ ясно.—На сколько этими примѣрами расширяется почва для симазіологическаго сближенія слова οὗ съ словомъ αὐτός, на это также у читателя, безъ сомнѣнія, отвѣтъ готовъ.

Переходимъ теперь къ изложенію ученія Бругмана. Бругманъ, къ нашему удивленію, при отыскиваніи значенія, названнаго имъ первоначальнымъ, не хочетъ принимать въ соображеніе существованія въ языкѣ именительныхъ падежей σφεῖς и ἵ. Не представляя на то никакого объясненія, онъ въ полемикѣ съ Виндишемъ отдѣлывается слѣдующими словами: σφεῖς kommt hier (разумѣй при отыскиваніи первоначальнаго значенія) *naturlich* nicht in Betracht (стр. 85). Можетъ, впрочемъ, быть, что мы должны видѣть это объясненіе въ указаніи на то (смотри стр. 14), что σφεῖς есть форма относительно молодая (relativ jung); но въ ἑαυτοῦ (а общевозвратное значеніе развило, какъ извѣстно, преимущественно *это* слово) въ значеніи общевозвратнаго слова есть тоже, какъ мы выше указали (см. стр. 62), и какъ онъ самъ сознаетъ на стр. 43, позднее, а все же онъ на него настаиваетъ при рѣшеніи этой же задачи (смотри у него стр. 39).—Исключая, какъ мы сказали, формы σφεῖς, ἵ изъ числа слагаемыхъ для подведенія итога, рѣшающаго вопросъ о первоначальномъ значеніи слова οὗ, Бругманъ считаетъ необходимымъ условіемъ для появленія слова οὗ въ извѣстномъ предложеніи—предварительную постановку въ немъ (или предварительное подразумѣваніе) слова, обозначающаго тотъ же самый предметъ, который обозначаетъ οὗ; это слово должно занимать въ предложеніи другое положеніе, чѣмъ οὗ, оно можетъ быть или грамматическимъ подлежащихъ, или другимъ членомъ предложенія (въ предложеніи ὁ πατὴρ ἤσθετο τὸν υἱὸν περὶ

имѣющему значеніе русскаго *ему его*, еще другое указаніе, которое, по своему характеру, должно бы имѣть *большой* вѣсъ въ его артументаціи; но дѣло въ томъ, что это указаніе, если мы его правильно понимаемъ, совершенно *ложное*. Виндишъ говоритъ, что рефлексивное οὗ у Гомера появляется „*преимущественно въ типическихъ оборотахъ*“ (vorwiegend in gewissen Versformeln; Бругманъ на стр. 85 передаетъ смыслъ этихъ словъ словами vorwiegend in formelhaften Wendungen). Дѣйствительно, на типическіе обороты, въ которыхъ извѣстное слово представляетъ какую нибудь особенность въ сравненіи съ его обыкновеннымъ употребленіемъ, мы можемъ очень часто смотрѣть какъ на доказательство, что означенная особенность того или другаго слова есть остатокъ болѣе древняго, въ сравненіи съ обыкновеннымъ, его употребленія, чего бы эта особенность ни касалась, этимологіи ли, или симазіологіи, или синтаксиса. Но Виндишъ видитъ эту типичность оборотовъ по отношенію къ слову οὗ тамъ, гдѣ результаты науки совершенно не даютъ ему права усматривать ее и гдѣ и рефлексивное οὗ и οὗ, имѣющее значеніе русскаго *его, ему*, появляются одинаково. Онъ указываетъ на то, что рефлексивное οὗ встрѣчается въ соединеніи съ *предлогами* (смотри стр. 331), какъ будто бы чѣмъ нибудь отличались, по вопросу о типичности оборота, слова ἀπὸ εἷο, встрѣчающія на пр. въ Од. 22. 19 (θοῶς δε ἀπὸ εἷο τράπεξαν ὧσε) и переводящіяся словами *отъ себя*, отъ слова ἑο, встрѣчающагося въ Ил. 2. 239 (ἕο μέγα ἀμεί-

ἓ φοβούμενον можетъ относиться слово ἓ или къ слову πατὴρ или къ слову υἱόν). Такое слово онъ называетъ реципиентомъ слова οὗ и, допуская его во всѣхъ 3-хъ грамматическихъ лицахъ, назначаетъ такимъ образомъ предѣлы *первоначальному* значенію слова οὗ. Изъ этого значенія развилось за тѣмъ, по его пониманію, рефлексивное значеніе 3-го лица, а изъ послѣдняго уже „анафорическое“ значеніе. Разница-де между 3-мъ и 2-мъ значеніемъ только та, что одно имѣетъ болѣе объективный характеръ, а другое болѣе субъективный, такъ что, если мы напр. переводимъ предложеніе ὁ πατὴρ ἐκάλεσε πρὸς ἓ τὸν υἱὸν словами „отецъ призвалъ *къ себѣ* сына“, то въ насъ, по пониманію Бругмана, происходитъ тоже самое, что бываетъ при косвенной рѣчи, и мы въ словѣ ἓ выставляемъ не *себя* самихъ обозначателями лица, показаннаго этимъ словомъ, но самое лицо πατήρ; сами же являемся обозначателями предмета, если напр. переводимъ предложеніе ἐκάλεσε τὸν υἱὸν καὶ ἔδωκέ οἱ... словами „призвалъ сына и далъ *ему* Такое пониманіе Бругманомъ слова οὗ мы видимъ въ слѣдующихъ мѣстахъ его сочиненія. Dass die Stamme swa und sava... uberall von Anfang an allgemeine Reflexiva waren, ist eine sicher erwiesene Thatsache, (стр 37) Dass der Recipient des Reflexivpronomen weitaus in den meisten Fallen Subject ist, ist allerdings richtig, aber er kann eben so gut ein anderes Satztheil sein, und das Wesen des Ponomen ist im letzteren Falle genau dasselbe, wie wenn Bezug auf das Subject Statt findet. (стр. 86). Ich glaube, wir konnen das Wesen des Reflexivpronomen in Kurze nicht besser bezeichnen, als wenn wir von innerer oder subjectiver Anaphora reden, im Gegensatz zu der ausseren oder objectiven, wie sie z. B. in dem Satz *er geht zu ihm* vorliegt....In dem Reflexivum... stellt sich der Redende selbst auf den Standpunkt des Recipienten und verfallt so zu sagen, momentan in die oratio obliqua (стр. 87).

νονα φῶτα ἠτίμησεν): мы должны сказать, въ виду той общеизвѣстной теоріи, по которой предлоги у Гомера имѣютъ значеніе *синтаксически самостоятельныхъ нарѣчій*, что по отношенію къ типичности оборотовъ разницы между нашими мѣстами никакой нѣтъ, Виндишъ долженъ былъ эту теорію опровергнуть, прежде чѣмъ могъ здѣсь говорить о типичности оборотовъ. Кромѣ того, самъ Виндишъ приводитъ мѣсто, гдѣ *οὗ* въ значеніи рефлексивномъ употреблено *безъ* предлоговъ (смотри стр. 331), и также и съ другой стороны можно найти въ Гомерѣ достаточное количество примѣровъ, гдѣ οὗ въ значеніи русскаго *его* употреблено *съ* предлогами (сравни Од. 13. 26, 15. 302, 17. 261, 20. 162, 23. 144, 23. 304 и т. д.). Сказаннаго, кажется мнѣ, достаточно, чтобы убѣдится въ несостоятельности аргументаціи Виндиша.

Немного другой характеръ имѣетъ доказательство того положенія, что общерефлексивное значеніе есть *первоначальное* значеніе слова οὗ. Оно заключается въ выводѣ, сдѣланномъ на основаніи значеній цѣлаго ряда словъ, собранныхъ изъ разныхъ языковъ и возводимыхъ сравнительною грамматикою къ корню swa. Мы ихъ съ своей точки зрѣнія раздѣляемъ на *двѣ* группы. Въ первую группу входятъ слова, какъ-то: греческое ἕτης (собственно σFέτης; возможность образованія этого слова отъ корня swa совершенно та же самая, какъ въ словахъ *своякъ*, *свояченица*), санскритское nihswa (=безъ собственности, бѣдный), swabhâwa (=особенность), swadhâ (=собственное дѣяніе), swatawas и swakshatra (=αὐτάρκης) и т. дал. Значеніе всѣхъ этихъ словъ, думаютъ наши ученые, предполагаетъ въ основѣ *swa*, какъ составной части ихъ, отсутствіе всякаго намека на какое бы то ни было грамматическое лицо и заставляетъ насъ придавать ей то значеніе, на которое мы указывали при ὅς на стр. 65; они его передаютъ словомъ eigen (смотри Виндишъ стр. 343. и Бругманъ стр. 39). Мы совершенно согласны съ такимъ мнѣніемъ Виндиша и Бругмана относительно отсутствія намека на извѣстное грамматическое лице въ сложныхъ словахъ, произведенныхъ отъ корня swa, но заключать изъ этого, какъ они это дѣлаютъ, что отсутствіе такого грамматическаго лица должно лежать въ основаніи *первоначальнаго значенія* слова οὗ, это значитъ смѣшивать такія понятія, которыя нужно строго различить между собою. Та же самая ошибка вкралась въ ихъ выводы и по отношенію къ тѣмъ явленіямъ, которыя мы вносимъ въ другую изъ вышеупомянутыхъ группъ. Мы разумѣемъ здѣсь прежде всего выставляемое нашими учеными употребленіе слова *себя* въ славянскихъ языкахъ. Выдѣляемъ мы случаи употребленія его въ особенную группу, какъ читатель самъ догадается, потому, что не можемъ не относить слово *себя* къ опредѣленному предмету (подъ *опредѣленнымъ* предметомъ мы подразумѣваемъ тотъ же самый предметъ, о которомъ мы говорили на стр. 65 въ послѣдней, а на стр. 66 въ

2-й строкахъ). Въ самомъ дѣлѣ, въ выраженіи напримѣръ, „Я не могу никакъ простить себя, что я такъ поступилъ“, слово *себя* слишкомъ живо напоминаетъ намъ лице *я*, чтобы ставить его на одну точку съ какимъ нибудь санскритскимъ nihswa, или другими вышеупомянутыми словами. Слово *себя* можетъ, конечно, быть употребляемо во *всѣхъ* грамматическихъ лицахъ, но это случается благодаря столкновенію его съ словомъ *ему*, *его*, точно также какъ греческое οὗ употребляется о всѣхъ грамматическихъ лицахъ, благодаря столкновенію его съ словомъ μίν и αὐτός. Грамматики хорошо сдѣлали, назвавъ его, при такомъ его употребленіи, *общевозвратнымъ* мѣстоименіемъ, но изъ этого опять — таки не слѣдовало нашимъ ученымъ заключать, особенно въ виду санскритскаго, гомерическаго и латинскаго словъ, соотвѣтствующихъ этимологически славянскому *себя*, а все таки не употребляющихся въ *общевозвратномъ значеніи*, что въ корнѣ swa есть общевозвратное значеніе *первоначальное*.

Очевидное дѣло, что и Бругманъ и Вандишъ, при рѣшеніи вопроса о первоначальномъ значеніи корня swa, исходили изъ убѣжденія, что первоначальное значеніе должно быть то, которое вмѣщаетъ въ себѣ всѣ остальныя значенія словъ, происходящихъ отъ этого корня; его мы имѣли въ виду въ сноскѣ на стр. 67 (строчка 19 снизу). Что это убѣжденіе ошибочно, объ этомъ нечего говорить; въ виду такого значенія, какое замѣчается за корнемъ swa въ словѣ ἕτης или славянскомъ *себя*, первоначальное значеніе должно оставаться для филолога такимъ же неизвѣстнымъ *x*, какимъ оно было въ виду значенія *онъ*, *его*, *ему* и т. д., отыскивать же это неизвѣстное *x* слѣдовало на другой почвѣ.—Мы сдѣлали попытку отыскать и почву (сообщивъ свой взглядъ на извѣстный рядъ мѣстоименій и сопоставивъ οὗ съ другими синонимами) и неизвѣстное *x* на ней. —[50])

[50]) При томъ сходствѣ, которое представляютъ между собою и корни swa и twa, и склоненіе мѣстоименій, происходящихъ отъ этихъ корней, именно словъ σφ́ и οὗ трудно было не предполагать, что οὗ должно быть первоначально такимъ личнымъ мѣстоименіемъ 3-го лица, какимъ является σφ́ для 2-го лица. Что славянское *себя*, равно какъ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

О СЛОВѢ ὁ

(съ экскурсомъ о значеніи слова ὅς—который) и симазіологическомъ отношеніи слова ὁ къ словамъ οὗ, αὐτός, μίν и ὅς.

***

Передовыми грамматиками, въ разработкѣ вопроса о значеніи слова ὁ, въ настоящее время считаются Бернгарди, Матіэ, Бутманъ, Тиршъ, Крюгеръ и Кюнеръ. Такую выборку сдѣлалъ Кохъ въ статьѣ De articulo Homeri, помѣщенной въ „Programm der Thomasschule". Leipzig. 1872. Кромѣ этихъ ученыхъ Кохъ указываетъ еще на другихъ, сообщающихъ нѣкоторыя указанія относительно значенія слова ὁ спеціально въ Гомерѣ; онъ говоритъ именно о Негельсбахѣ, Дюнцерѣ, Ферстерманѣ, Генцѣ и Классенѣ. Изъ послѣднихъ, впрочемъ, для насъ важенъ только Ферстерманъ, такъ какъ *въ системѣ* одинъ онъ разобралъ этотъ вопросъ, всѣ же прочіе, сколько намъ извѣстно, разсуждали объ этомъ вопросѣ всегда только ad hoc, не уклоняясь при этомъ отъ рамки, выработанной другими грамматиками по вопросу о развитіи значенія слова ὁ, и только перенося отдѣльные случаи его употребленія изъ одной графы этой рамки въ другую, смотря потому какъ кто изъ

иногда и греческое οὗ (сравни Бругманъ. Probl. der homer. Textkr. стр. 11—37.) употребляется для *всѣхъ* грамматическихъ чиселъ безразлично (въ то время, какъ σφῶ для множ. числа представляетъ формы не только *съ особыми*, въ сравненіи съ ед. числомъ, *окончаніями*, но и съ совершенно *другою основою*), то это не безъ причины: *себя* употреблялось всегда о томъ, что въ разсказъ уже *внесено* и что, слѣдовательно, количествомъ уже *опредѣлено*, между тѣмъ, какъ σφῶ должно часто *вносить* въ разсказъ предметы и само *обозначать* ихъ количество; вслѣдствіе этого слово οὗ могло остаться *безъ* средствъ для обозначенія грамматическихъ чиселъ, а σφῶ должно было эти сродства отыскать.

нихъ былъ направленъ—приблизить гомерическое ὁ къ аттическому, или отдалить первое отъ послѣдняго.

Упомянутая нами рамка у всѣхъ вышепоименованныхъ грамматиковъ, по нашему взгляду, одинакова, и мы намѣрены указывать на нее при каждомъ удобномъ случаѣ въ этой части нашего сочиненія. У одного только Ферстермана отличается теорія нашего вопроса отъ всѣхъпрочихъ грамматиковъ, и съ отличіемъ этимъ мы познакомимъ читателя сейчасъ же. Ферстерманъ излагаетъ свою теорію въ сочиненіи: Bemerkungen über den Gebrauch des Artikels bei Homer. Programm des Gymnasium's zu Salzwedel. 1861. Сочиненіе Ферстермана, въ большей степени, чѣмъ работы другихъ вышеупомянутыхъ грамматиковъ, носитъ на себѣ характеръ симазіологическаго этюда, стоящаго на исторической почвѣ и стремящагося уяснить послѣдовательность въ развитіи отдѣльныхъ оттѣнковъ значенія слова ὁ. Въ отличіе отъ категорій, выставленныхъ значенію слова ὁ другими грамматиками, или, скорѣе, въ пополненіе ихъ, Ферстерманъ указываетъ на то, что процессъ противопоставленія въ умѣ говорящаго имѣетъ вліяніе на появленіе въ рѣчи слова ὁ ἡ τό (schon bei Homer dient der Artikel an zahlreichen Stellen wesentlich als Trager des Gegensatzes; стр. 5) Съ этимъ указаніемъ Ферстермана нельзя не согласиться (мы будемъ имѣть возможность убѣдиться въ справедливости его), хотя и можно пожалѣть, что авторъ, для разработки симазіологіи слова ὁ, слишкомъ неудачно избралъ исходную точку вслѣдствіе чего трудно ему было не только привести упомянутый мотивъ для появленія въ рѣчи слова ὁ въ тѣсную связь съ другими оттѣнками значенія его, а также опредѣлить точнѣе кругъ вліянія этого мотива на ὁ, но вообще удовлетворительно рѣшить задачу, возлагаемую на его сочиненіе, при упомянутомъ его характерѣ. Авторъ принимаетъ ὁ, ἡ, τό первоначально за мѣстоименіе 3 гр. лица (nach seiner ursprunglichen Bedeutung ist der Artikel, wie ich glaube, ein einfaches Pronomen, nicht ein demonstratives oder deictisches, wie die gewohnliche Ansicht ist; стр. 3). Такой взглядъ на слово ὁ мы считаемъ ошибочнымъ. По нашему мнѣнію ὁ есть общее всѣмъ грамматическимъ лицамъ, это нами было высказано уже на страницѣ 13, къ обороту τὸν ἐμέ,, указанному нами тамъ же, мы присоединяемъ еще въ оправданіе этого нашего взгляда примѣры изъ Гомера (Ферстерману они были извѣстны, сравни въ его сочиненіи стр. 5), въ которыхъ слово ὁ употреблено и о другихъ граммат. лицахъ, кромѣ 3-го лица. Сравни:

Од. 21. 353. „μῆτερ ἐμή, τόξον μὲν Ἀχαιῶν οὔτις ἐμεῖο
κρείσσων, ᾧ κ' ἐθέλω, δόμεναί τε καὶ ἀρνήσασθαι,
ἀλλ' εἰς οἶκον ἰοῦσα τὰ σ' αὐτῆς ἔργα κόμιζε,
ἰστόν τ' ἠλακάτην τε, καὶ ἀμφιπόλοισι κέλευε
ἔργον ἐποίχεσθαι· τόξον δ' ἄνδρεσσι μελήσει

πᾶσι, μάλιστα δ' ἐμοί· τοῦ γὰρ κράτος ἔστ' ἐνὶ οἴκῳ".

Ил. 19. 324. νῦν δὲ σὺ μὲν κεῖσαι δεδαιγμένος, αὐτὰρ ἐμὸν κῆρ
ἄκμηνον πόσιος καὶ ἐδητύος, ἔνδον ἐόντων,
σῇ ποθῇ. οὐ μὲν γάρ τι κακώτερον ἄλλο πάθοιμι,
οὐδ' εἴ κεν τοῦ πατρὸς ἀποφθιμένοιο πυθοίμην,
ὅς που νῦν Φθίηφι τέρεν κατὰ δάκρυον εἴβει
χήτεϊ τοιοῦδ' υἱος· ὁ δ' ὄλλο δαπῷ ἐνὶ δήμῳ
εἵνεκα ῥιγεδανῆς Ἑλένης Τρωσὶν πολεμίζω

Ил. 8. 211. οὐκ ἂν ἔγωγ' ἐθέλοιμι Διὶ Κρονίωνι μάχεσθαι
ἡμέας τοὺς ἄλλους, ἐπεὶ πολὺ φέρτερός ἐστιν.

Не безъ значенія для насъ долженъ быть и оборотъ ἐμὲ τὸν δύστηνον, встрѣчающійся въ Од. 7. 223 и 248. Всѣ эти явленія доказываютъ, что слово ὁ ἡ τό не принадлежитъ одному 3-му граммат. лицу, а скорѣе всѣмъ лицамъ. Если мы притомъ примемъ во вниманіе тѣсную этимологическую связь между словами ὁ и οὗτος (что первая составная часть слова οὗτος есть именно слово ὁ, въ этомъ нѣтъ, конечно, ни малѣйшаго сомнѣнія), а также и то, на что нами указано на стр. 19, то мы должны при разсматриваніи значенія слова ὁ непремѣнно исходить изъ той мысли, что ὁ есть или обоюдная антонимія (т. е. ἀναφορικόν и δεικτικόν) или исключительно анафорическое слово (и терминъ ἀναφορικόν и терминъ δεικτικόν нужно понимать въ смыслѣ, объясненномъ *нами* въ 1 ч. нашего сочиненія), а такъ какъ въ самомъ Гомерѣ нельзя указать ни на одинъ случай, гдѣ ὁ необходимо было бы признавать за δεικτικόν, и такъ какъ вообще можно предположить, что для диксиса скорѣе годятся *composita*, чѣмъ простыя слова, то мы не поступимъ не правильно, если ὁ ἡ τό примемъ in hypothesi только за (общее, конечно, всѣмъ лицамъ) ἀναφορικόν.

Грамматики указываютъ на нѣкоторыя мѣста у Гомера, въ которыхъ ὁ поставлено-де къ извѣстному слову потому, что на предметъ, обозначаемый этимъ словомъ, можно указать жестомъ. Такія мѣста суть:

Ил. 1. 20. ὑμῖν μὲν θεοὶ δοῖεν Ὀλύμπια δώματ' ἔχοντες
ἐκπέρσαι Πριάμοιο πόλιν, εὖ δ' ὅ' οἴκαδ' ἱκέσθαι·
παῖδα δ' ἐμοὶ λῦσαί τε φίλην τά τ' ἄποινα δέχεσθαι

(такъ говоритъ Хризесъ, желая выкупить свою дочь);

Ил. 3. 54. γνοίης χ' οἷου φωτὸς ἔχεις θαλερὴν παράκοιτιν.
οὐκ ἄν τοι χραίσμῃ κίθαρις τά τε δῶρ' Ἀφροδίτης,
ἥ τε κόμη τό τε εἶδος, ὅτ' ἐν κονίῃσι μιγείης.

Ил. 4. 399. τοῖος ἔην Τυδεὺς Αἰτώλιος· ἀλλὰ τὸν υἱὸν
γείνατο εἶο χέρηα μάχῃ, ἀγορῇ δέ τ' ἀμείνω

(эти слова говоритъ Агамемнонъ къ самому Тидиду);

Ил. 2. 275. νῦν δὲ τόδε μέγ' ἄριστον ἐν Ἀργείοισιν ἔρεξεν,

ὃς τὸν λωβητῆρα ἐπεσβόλον ἔσχ' ἀγοράων

(такъ говоритъ народъ въ похвалу Одиссея о присутствующемъ Терситѣ).

Намъ придется о каждомъ изъ этихъ иримѣровъ говорить ниже, а пока мы заявляемъ, что грамматики при этомъ своемъ пониманіи слова ὅ сдѣлали такую ошибку, какую сдѣлалъ Аполлоній, объявляя слова ἐγώ и σύ за δεικτικά. (Ср. стр. 14). Вчитываясь въ другія цитаты, отъ которыхъ всѣ наши грамматики отправляются при разсматриваніи значенія слова ὅ, мы находимъ возможнымъ выдѣлить нѣкоторыя изъ нихъ въ особыя группы. Эти группы мы намѣрены сообщить читателю въ нижеслѣдующихъ параграфахъ:

I. 1.

Посредствомъ ὁ ἡ τό говорящій возвращается къ лицу даже послѣ самыхъ короткихъ вставочныхъ разсказовъ о какомъ нибудь предметѣ, отвлекшихъ сію отъ этого лица. Сравни:

Од. 6. 20. τοῦ μὲν ἔβη πρὸς δῶμα θεὰ γλαυκῶπις Ἀθήνη,
νόστον Ὀδυσσῆι μεγαλήτορι μητιόωσα.
βῆ δ' ἴμεν ἐς θάλαμον πολυδαίδαλον, ᾧ ἔνι κούρη
κοιμᾶτ' ἀθανάτῃσι φυὴν καὶ εἶδος ὁμοίη,
Ναυσικάα, θυγάτηρ μεγαλήτορος Ἀλκινόοιο,
πὰρ δὲ δύ' ἀμφίπολοι, Χαρίτων ἄπο κάλλος ἔχουσαι,
σταθμοῖιν ἑκάτερθε· θύραι δ' ἐπέκειντο φαειναί.
ἡ δ' ἀνέμου ὡς πνοιὴ ἐπέσσυτο δέμνια κούρης,
στῆ δ' ἄρ' ὑπὲρ κεφαλῆς, καί μιν πρὸς μῦθον ἔειπεν.

Ил. 5. 620. τόν ῥα κατὰ ζωστῆρα βάλεν Τελαμώνιος Αἴας,
νειαίρῃ δ' ἐν γαστρὶ πάγη δολοχόσκιον ἔγχος,
δούπησεν δὲ πεσών. ὁ δ' ἐπέδραμε φαίδιμος Αἴας
τεύχεα συλήσων· Τρῶες δ' ἐπὶ δοῦρατ' ἔχευαν
ὀξέα, παμφανόωντα· σάκος δ' ἀνεδέξατο πολλά.
αὐτὰρ ὁ λὰξ προσβὰς ἐκ νεκροῦ χάλκεον ἔγχος
ἐσπάσατ'...

Ил. 6. 254. ...δεύτερος αὖτε
Αἴας διογενὴς προέει δολιχόσκιον ἔγχος,
καὶ βάλε Πριαμίδαο κατ' ἀσπίδα πάντοσ' ἐΐσην.
διὰ μὲν ἀσπίδος ἦλθε φαεινῆς ὄβριμον ἔγχος,
καὶ διὰ θώρηκος πολυδαιδάλου ἠρήρειστο·
ἀντικρὺ δὲ παραὶ λαπάρην διάμησε χιτῶνα
ἔγχος· ὁ δ' ἐκλίνθη καὶ ἀλεύατο κῆρα μέλαιναν.

Сюда же принадлежитъ приведенный на стр. 72 примѣръ Ил. 19. 324, въ которомъ ὁ анафоруетъ 1-е лицо. Особенно частою вставкою бываетъ

описаніе какой нибудь картины природы, представленной авторомъ съ цѣлью сравненія этой картины съ тѣмъ, что говорится о главномъ предметѣ разсказа. У Гомера окончаніе такого описанія совпадаетъ съ окончаніемъ гекзаметра, а новый гекзаметръ, въ большинствѣ случаевъ, начинается словами ὣς ὁ, ὡς ἡ, возвращаясь такимъ образомъ къ главному предмету разсказа. Сравни

Ил. 5. 163. Ἔνθ' υἱας Πριάμοιο δύω λάβε Δαρδανίδαο,
εἰν ἑνὶ δίφρῳ ἐόντας, Ἐχέμμονά τε Χρομίον τε.
ὡς δὲ λέων ἐν βουσὶ θορὼν ἐξ αὐχένα ἄξῃ
πόρτιος ἠὲ βοὸς, ξύλοχον κάτα βοσκομενάων,
ὣς τοὺς ἀπφυτέρους ἐξ ἵππων Τυδέος υἱὸς
βῆσε κακῶς ἀέκοντας, ἔπειτα δὲ τεύχε' ἐσύλα ...

Од. 5. 434. καὶ τὸ μὲν ὣς ὑπάλυξε, παλιρρόθιον δέ μιν αὖτις
πλῆξεν ἐπεσσύμενον, τηλοῦ δέ μιν ἔμβαλε πόντῳ.
ὡς δ' ὅτε πουλύποδος θαλάμης ἐξελκομένοιο
πρὸς κοτυληδονόφιν πυκιναὶ λάιγγες ἔχονται,
ὣς τοῦ πρὸς πέτρῃσι θρασειάων ἀπὸ χειρῶν
ῥινοὶ ἀπέδρυφθεν· τὸν δὲ μέγα κῦμα κάλυψεν.

Ил. 12. 135. τὼ μὲν ἄρα προπάροιθε πυλάων ὑψηλάων
ἔστασαν ὡς ὅτε τε δρύες οὔρεσιν ὑψικάρηνοι,
αἵ τ' ἄνεμον μίμνουσι καὶ ὑετὸν ὕματα πάντα,
ῥίζῃσιν μεγάλῃσι διηνεκέεσσ' ἀραρυῖαι·
ὣς ἄρα τὼ χείρεσσι πεποιθότες ἠδὲ βίῃφιν
μίμνον ἐπερχόμενον μέγαν Ἄσιον οὐδ' ἐφέβοντο.

Мѣста, встрѣчающіяся рядомъ съ приведенными, свидѣтельствуютъ о томъ, что поэтъ, возвращаясь послѣ такой вставки опять къ прежнему предмету разсказа, *не всегда* нуждался въ особомъ обозначеніи этого предмета черезъ анафорическое слово, а что достаточно было для его обозначенія словъ οὗ οἵ ἕ (съ отсутствіемъ имен. пад.), αὐτός и μίν. Смотри:

Ил. 16. 406. .. ὡς ὅτε τις φὼς
πέτρῃ ἔπι προβλῆτι καθήμενος ἱερὸν ἰχθὺν
ἐκ πόντοιο θύραζε λίνῳ καὶ ἤνοπι χαλκῷ·
ὣς ἑλκ' ἐκ δίφροιο κεχηνότα δουρὶ φαεινῷ,
κὰδ' δ' ἄρ' ἐπὶ στόμ' ἔωσε·

Ил. 17. 436. ἀλλ' ὥστε στήλη μένει ἔμπεδον, ἥτ' ἐπὶ τύμβῳ
ἀνέρος ἔστηκε τεθνηότος ἠέ γυναικός,
ὣς μένον ἀσφαλέως περικαλλέα δίφρον ἔχοντες,
οὐδει ἐνισκίμψαντε καρήατα·

Ил. 11. 23. Ἀτρεΐδης δ' ἐβόησεν ἰδὲ ζώννυσθαι ἄνωγεν
Ἀργείους· ἐν δ' αὐτὸς ἐδύσετο νωροπα χαλκόν.
κνημῖδας μὲν πρῶτα περὶ κνήμῃσιν ἐθηκεν

καλὰς, ἀργυρέροισιν ἐπισφυρίοις ἀραρυίας·
δεύτερον αὖ θώρηκα περὶ στήθεσσιν ἔδυνεν,
τόν ποτέ οἱ Κινύρης δῶκε ξεινήιον εἶναι.
πεύθετο γὰρ Κύπρονδε μέγα κλέος, οὕνεκ' Ἀχαιοὶ
ἐς Τροίην νήεσσιν ἀναπλεύσεσθαι ἔμελλον·
τοὔνεκά οἱ τὸν δῶκε, χαριζόμενος βασιλῆι.

Ил. 12. 402. ...ἀλλὰ Ζεὺς κῆρας ἄμυνεν
παιδὸς ἑοῦ, μὴ νηυσὶν ἔπι πρύμνῃσι δαμείη·
Αἴας δ' ἀσπίδα νύξεν ἐπάλμενος, οὐδὲ διαπρὸ
ἦλυθεν ἔγχείη, στυφέλιξε δέ μιν μεμαῶτα.
χώρησεν δ' ἄρα τυτθὸν ἐπάλξιος·...

Од. 4. 708. „Κῆρυξ, τίπτε δὲ μοι παῖς οἴχεται; οὐδέ τί μιν χρεὼ
νηῶν ὠκυπόρων ἐπιβαινέμεν, αἵ θ' ἁλὸς ἵπποι
ἀνδράσι γίγνονται, περόωσι δὲ πουλὺν ἐφ' ὑγρήν.
ἦ ἵνα μηδ' ὄνομ' αὐτοῦ ἐν ἀνθρώποισι λίπηται;"

Такіе примѣры даютъ намъ поводъ сопоставлять въ Гомерѣ слово ὁ съ еловами οὗ οἷ ἕ αὐτός и μίν. Говоря объ οὗ οἷ ἕ мы, конечно, здѣсь и вездѣ, гдѣ бы ни приходилось производить подобное сопоставленіе, имѣемъ въ виду только то οὗ οἷ ἕ, которое впослѣдствіи было замѣнено словомъ αὐτός, и которое не есть ни reflexivum 3-го лица, ни общевозвратное мѣстоименіе (ибо эти два значенія уже вовсе не соприкасаются съ словомъ ὁ). Точно также слова αὐτος и μίν могутъ быть сравниваемы съ словомъ ὁ на столько, на сколько они являются синонимами тому значенію слова οὗ, которое само входитъ въ область этого сопоставленія. Съ другой стороны, слово ὁ ἡ τό выходитъ изъ области нашего сопоставленія тогда, когда оно относится къ грамм. 1 и 2 лицамъ. Мы говоримъ, конечно, держась уже одного общаго направленія только о *сопоставленіи* въ нашихъ примѣрахъ словъ οὗ αὐτός и μιν съ словомъ ὁ, и вовсе не имѣемъ въ виду *отождествленія* въ нихъ этихъ словъ: согласно предположенію, высказанному нами объ ὁ на стр. 74, слово ὁ нужно здѣсь принимать за ἀναφορικόν, т. е. вызывающее возобновленіе представленія о предметѣ, затемненномъ на время въ сознаніи говорящаго другою картиною, οὗ, οἷ, ἕ остается прямымъ личнымъ показателемъ присутствующаго въ сознаніи говорящаго предмета, и также и другія слова, входящія въ наше сопоставленіе, удерживаютъ каждое свое значеніе. Въ такомъ взглядѣ на дѣло поддерживаетъ насъ между прочимъ и указанное нами не много выше обстоятельство, именно, что ὁ не имѣетъ никакихъ рѣшительно отношеній къ οὗ reflexivum, при появленіи котораго предметъ, обозначенный имъ, уже непремѣнно долженъ быть присутствующимъ въ нашемъ сознаніи. Что черту, разграничивающую употребленіе словъ οὗ и αὐτός отъ употребленія слова ὁ, на основаніи впѣшнихъ какихъ нибудь признаковъ въ нашихъ случаяхъ

провести нельзя, это для насъ понятно; отъ *выразительности и прочности самаго представленія у говорящаго* зависитъ затемненіе въ немъ предмета, или пребываніе его въ немъ на первомъ планѣ, во все то время, пока говорящій, уклонившись отъ предмета, не возвратится опять къ нему.

I. 2.

Ὁ ἡ τό *анафоруетъ предметъ, представленный авторомъ слушателю непосредственно передъ анафорою.* Изъ Гомера, изобилующаго, какъ извѣстно, такими мѣстами, мы приведемъ слѣдующіе примѣры:

Ил. 1. 12. Τίς τ' ἄρ σφωε θεῶν ἔριδι ξυνέηκε μάχεσθαι;
Λητοῦς καὶ Διὸς υἱός. ὁ γὰρ βασιλῆι χολωθεὶς
νοῦσον ἀνὰ στρατὸν ὦρσε κακὴν, ὀλέκοντο δὲ λαοί.

Од. 8 65. Κῆρυξ δ' ἐγγύθεν ἦλθεν ἄγων ἐρίηρον ἀοιδόν,
τὸν πέρι Μοῦσ' ἐφίλησε, δίδου δ' ἀγαθόν τε κακόν τε·
ὀφθαλμῶν μὲν ἄμερσε, δίδου δ' ἡδεῖαν ἀοιδήν.
τῷ δ' ἄρα Ποντόνοος θῆκε θρόνον ἀργυρόηλον
μέσσῳ δαιτυμόνων, πρὸς κίονα μακρὸν ἐρείσας·
κὰδ δ' ἐκ πασσαλόφι κρέμασσεν φόρμιγγα λίγειαν.

Од. 2. 348. ἐν δὲ γυνὴ ταμίη νύκτας τε καὶ ἦμαρ
ἔσχ', ἣ πάντ' ἐφύλασσε νόου πολυιδρείῃσιν,
Εὐρύκλει', Ὦπος θυγάτηρ Πεισηνορίδαο.
τὴν τότε Τηλέμαχος προσέφη θάλαμόνδε καλέσσας.

Ил. 2. 795. ἀγχοῦ δ' ἱσταμένη προσέφη πόδας ὠκέα Ἶρις·
εἶσατο δὲ φθογγὴν υἱῖ Πριάμοιο Πολίτῃ,
ὃς Τρώων σκοπὸς ἷζε, ποδωκείῃσι πεποιθώς,
τύμβῳ ἐπ' ἀκροτάτῳ Αἰσυήταο γέροντος,
δέγμενος ὁππότε ναῦφιν ἀφορμηθεῖεν Ἀχαιοί·
τῷ μιν ἐεισαμένη μετέφη πόδας ὠκέα Ἶρις.

Од. 1. 359. ...μῦθος δ' ἄνδρεσσι μελήσει
πᾶσι, μάλιστα δ' ἐμοί· τοῦ γὰρ κράτος ἔστ' ἐνὶ οἴκῳ.

(Сравни примѣръ Од. 21. 353, приведенный на стр. 73).

Од. 1. 152. αὐτὰρ ἐπεὶ πόσιος καὶ ἐδητύος ἐξ ἔρον ἔντο
μνηστῆρες, τοῖσιν μὲν ἐνὶ φρεσὶν ἄλλα μεμήλει,
μολπή τ' ὀρχηστύς τε· τὰ γάρ τ' ἀναθήματα δαιτός.

Од. 5. 49. εἵλετο δὲ ῥάβδον, τῇτ' ἀνδρῶν ὄμματα θέλγει,
ὧν ἐθέλει, τοὺς δ' αὖτε καὶ ὑπνώοντας ἐγείρει·
τὴν μετὰ χερσὶν ἔχων πέτετο κρατὺς Ἀργειφόντης.

Ил. 1. 325. „Ἔρχεσθον (повелит. накл.) κλισίην Πηληιάδεω Ἀχιλῆος·
χειρὸς ἑλόντ' ἀγέμεν Βρισηίδα καλλιπάρῃον·

εἰ δέ κε μὴ δώῃσιν, ἐγὼ δέ κεν αὐτός ἕλωμαι
ἐλθών σὺν πλεόνεσσι· τό οἱ καὶ ῥίγιον ἔσται.“

Ил. 3. 176. ὡς ὄφελεν θανατός μοι ἀδεῖν κακός, ὁππότε δεῦρο
υἱέι σῷ ἑπόμην, θάλαμον γνωτούς τε λιποῦσα
παῖδά τε τηλυγέτην καὶ ὁμηλικίην ἐρατεινήν.
ἀλλὰ τάγ' οὐκ ἐγένοντο· τό καί κλαίουσα τέτηκα.

Ил. 17. 404. ...οὐδ' ἄρα πώ τι
ᾔδεε Πάτροκλον τεθνηότα δῖος Ἀχιλλεύς.
πολλὸν γὰρ ὀπάνευθε νεῶν μάρναντο θοάων,
τείχει ὕπο Τρώων· τό μιν οὔποτε ἔλπετο θυμῷ
τεθνάμεν, ἀλλὰ ζωόν, ἐνιχριμφθέντα πύλῃσιν,
ἀψ ἀπονοστήσειν...

Од. 5. 311. ὡς δὴ ἔγωγ' ὄφελον θανέειν καὶ πότμον ἐπισπεῖν
ἤματι τῷ, ὅτε μοι πλεῖστοι χαλκήρεα δοῦρα
Τρῶες ἐπέρριψαν περὶ Πηλείωνι θανόντι.
τῷ κ' ἔλαχον κτερέων, καί μευ κλέος ἦγον Ἀχαιοί·
νῦν δέ με λευγαλέῳ θανάτῳ εἵμαρτο ἁλῶναι.“

Ил. 4. 290. αἴ γὰρ, Ζεῦ τε πάτερ καὶ Ἀθηναίη καὶ Ἄπολλον,
τοῖος πᾶσιν θυμὸς ἐνὶ στήθεσσι γένοιτο·
τῷ κε τάχ' ἠμύσειε πόλις Πριάμοιο ἄνακτος,
χερσὶν ὑφ' ἡμετέρῃσιν ἁλοῦσά τε περθομένη τε.

Мѣсто, занимаемое словомъ ὁ въ нашихъ и имъ подобныхъ примѣрахъ, бываетъ или начало предложенія, или сейчасъ же послѣ союзовъ, если таковые имѣются въ текстѣ. Переводить мы можемъ въ этихъ примѣрахъ слова ὁ ἡ τό словами *этотъ-то*, *вотъ этотъ*, *потому то*, *вотъ онъ*, въ нѣкоторыхъ даже случаяхъ словами *вотъ кто*, *вотъ что*, *вотъ почему*, а описывать его значеніе словами: „этотъ предметъ, съ которымъ я (говорящій) тебя (слушателя) познакомилъ“.

Въ аттической прозѣ встрѣчается въ подобныхъ случаяхъ, какъ извѣстно, вмѣсто ὁ исключительно обоюдная антонимія. У Гомера подобная замѣна нашего ὁ обоюдною антонимією, не можетъ быть, конечно, отрицаема, однако, должна быть названа явленіемъ болѣе рѣдкимъ уже потому, что одна и та же роль раздѣлена между *двумя* категоріями словъ. Обоюдную антонимію мы замѣчаемъ у Гомера напр.:

Ил. 9. 35. ἀλκὴν μέν μοι πρῶτον ὀνείδισας ἐν Δαναοῖσιν,
φὰς ἔμεν ἀπτόλεμον καὶ ἀνάλκιδα· ταῦτα δὲ πάντα
ἴσασ' Ἀργείων ἠμὲν νέοι ἠδὲ γέροντες.

Од. 7. 316. οἶκον δέ τ' ἐγὼ καὶ κτήματα δοίην,
εἴ κ' ἐθέλων γε μένοις· ἀέκοντα δέ σ' οὔτις ἐρύξει
Φαιήκων· μὴ τοῦτο φίλον Διὶ πατρὶ γένοιτο.

Какъ особенный случай появленія слова οὗτος, мы замѣтимъ тотъ, въ которомъ представленіе предмета совершается однимъ изъ бесѣдующихъ, а анафорированіе другимъ. Сравни:

Од. 17. 163. Θеоклименъ божится Пенелопѣ, что Одиссей возвратится и что онъ замышляетъ отомстить женихамъ ея, на что она отвѣчаетъ:

,,αἰ γὰρ τοῦτο, ξεῖνε, ἔπος τετελεσμένον εἴη·
τῷ κε τάχα γνοίης φιλότητά τε πολλά τε δῶρα
ἐξ ἐμεῦ, ὡς ἄν τίς τε συναντόμενος μακαρίζοι.“

Од. 18. 170. παιδὶ δὲ κεν, говоритъ Пенелопа, εἴποιμι ἔπος, τό κε κέρδιον εἴη,
μὴ πάντα μνηστῆρσιν ὑπερφιάλοισιν ὁμιλεῖν,
οἵτ' εὖ μὲν βάζουσι, κακῶς δ' ὄπιθεν φρονέουσιν.
Τὴν δ' αὖτ' Εὐρυνόμη ταμίη πρὸς μῦθον ἔειπεν·
,,ναὶ δὴ ταῦτά γε πάντα, τέκος, κατὰ μοῖραν ἔειπες.
ἀλλ' ἴθι καὶ σῷ παιδὶ ἔπος φάο μηδ' ἐπίκευθε“.

Конечно, мы не хотимъ сказать, что здѣсь встрѣчается исключительно только οὗτος. Есть примѣры у Гомера и съ ὁ. Сравни напр.

Од. 17. 193. ἀλλ' ἄγε νῦν ἴομεν· δὴ γὰρ μέμβλωκε μάλιστα
ἦμαρ, ἀτάρ τάχα τοι ποτὶ ἕσπερα ῥίγιον ἔσται.
Τὸν δ' ἀπαμειβόμενος προσέφη πολύμητις Ὀδυσσεύς
,,γιγνώσκω, φρονέω· τάγε δὴ νοέοντι κελεύεις.
ἀλλ' ἴομεν. σὺ δ' ἔπειτα διαμπερὲς ἡγεμόνευε.
δὸς δέ μοι, εἴ πυθί τοι ῥόπαλον τετμημένον ἐστίν,
σκηρίπτεσθ'. ἐπεὶ φατ' ἀρισφαλὲ' ἔμμεναι οὐδόν.“

Изъ представленныхъ нами въ этомъ пунктѣ примѣровъ на употребленіе слова ὁ видна способность этого слова анафоровать все, что только можетъ составлять предметъ рѣчи: оно анафоруетъ и одушевленные и неодушевленные предметы, и отвлеченныя понятія и цѣлыя мысли. Экстенсивная сила анафоры [49]) здѣсь до того слаба, что мы не чувствуемъ особенной разницы между этимъ ὁ и пролептическимъ его употребленіемъ. Одинаковымъ чувствуется первое съ послѣднимъ по отношенію къ экстенсивной силѣ анафоры особенно тогда, когда предметомъ анафоры изъ вышеупомянутыхъ предметовъ рѣчи оказывается цѣлая мысль. Разница между пролептическимъ и эпаналептическимъ ὁ въ такихъ случаяхъ опредѣляется такъ, какъ опредѣляется разница между тою разстановкою періода,

[49]) Говоря объ экстенсивной силѣ анафоры мы имѣемъ въ виду разстояніе двухъ точекъ разсказа, изъ которыхъ на одной происходитъ представленіе предмета, а на другой анафоруется этотъ предметъ; чѣмъ больше это разстояніе, тѣмъ больше экстенсивная сила анафоры.

въ которой синтаксически подчиняющая часть періода *предшествуетъ* синтаксически подчиненной части, и между обратною разстановкою. Пролептическое ὁ ἡ τό можетъ быть, конечно, употреблено не только о цѣлой мысли, но и о другихъ вышеупомянутыхъ предметахъ рѣчи, если только *представленіе* этихъ предметовъ совершается не посредствомъ ихъ поименованія *однимъ* именемъ существительнымъ, а посредствомъ описанія, или перечисленія. Ни то ни другое средство представленія не ушло далеко отъ роли придаточныхъ предложеній. Все сказанное здѣсь видно изъ сравненія вышеприведенныхъ примѣровъ съ слѣдующими:

Од. 20. 84. ἀλλὰ τὸ μὲν καὶ ἀνεκτὸν ἔχει κακὸν, ὁππότε κέν τις
ἤματα μὲν κλαίῃ, τυκινῶς ἀκαχήμενος ἦτορ,
νύκτας δ' ὕπνος ἔχῃσιν...

Од. 20. 381. ἀλλ' εἴ μοί τι πίθοιο, τό κεν πολὺ κέρδιον εἴη·
τοὺς ξείνους ἐν νηῒ πολυκλήϊδι βαλόντες
ἐς Σικελοὺς πέμψωμεν, ὅθεν κέ τοι ἄξιον ἅλφοι.

Од. 6. 182. οὐ μὲν γὰρ τοῦγε κρεῖσσον καὶ ἄρειον,
ἢ ὅθ' ὁμοφρονέοντε νοήμασιν οἶκον ἔχητον
ἀνὴρ ἠδὲ γυνή.

Ил. 17. 406. ἐπεὶ οὐδὲ τὸ ἔλπετο πάμπαν,
ἐκπέρσειν πτολίεθρον ἄνευ ἑθεν.

Ил. 5. 665 τὸ μὲν οὔτις ἐπεφράσατ' οὐδ' ἐνόησεν,
μηροῦ ἐξερύσαι δόρυ μείλινον, ὄφρ' ἐπιβαίη,
σπευδόντων [50])

Од. 13. 331. τῷ σε καὶ οὐ δύναμαι προλιπεῖν δύστηνον ἐόντα,
οὕνεκ' ἐπητής ἐσσι καὶ ἀγχίνοος καὶ ἐχέφρων.

Ил. 11 186. „Βάσκ' ἴθι, Ἶρι ταχεῖα, τὸν Ἕκτορι μῦθον ἐνίσπες.
ὄφρ' ἂν μέν κεν ὁρᾷ Ἀγαμέμνονα, ποιμένα λαῶν,
θύνοντ' ἐν προμάχοισιν, ἐναίροντα στίχας ἀνδρῶν,
τόφρ' ἀναχωρείτω, τὸν δ' ἄλλον λαὸν ἀνώχθω
μάρνασθαι δηίοισι κατὰ κρατερὴν ὑσμίνην.

Од. 19. 535. ἀλλ' ἄγε μοι τὸν ὄνειρον ὑπόκριναι καὶ ἄκουσον.
χῆνές μοι κατὰ οἶκον ἐείκοσι πυρὸν ἔδουσιν
ἐξ ὕδατος, καί τέ σφιν ἰαίνομαι εἰσορόωσα·
ἐλθὼν δ' ἐξ ὄρεος μέγας αἰετὸς ἀγκυλοχείλης и т. д.

---

[50]) На сколько этотъ и предшествующій (Ил. 17. 406.) примѣры близки къ примѣрамъ, въ которыхъ указывается нашими грамматиками на конструкцію члена съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ, это не нуждается съ нашей стороны ни въ какихъ особыхъ разъясненіяхъ. Конечно, конструкція, какую представляетъ напр. предложеніе ἐπὶ τῷ μὴ λυπεῖν τε τοὺς ἄλλους

Нѣтъ нужды указывать, какое изъ сообщенныхъ нами положеній оправдывается на каждомъ изъ этихъ примѣровъ въ отдѣльности. — Что и здѣсь слово ὁ бываетъ замѣняемо обоюдною антонимією, это доказываютъ слѣдующіе примѣры:

Ил. 9. 244. ταῦτ' αἰνῶς δείδοικα κατὰ φρένα, μή οἱ ἀπειλὰς
ἐκτελέσωσι θεοί, ἡμῖν δὲ δὴ αἴσιμον εἶη
φθίσθαι ἐνὶ Τροίῃ ἑκὰς Ἄργεος ἱπποβότοιο.

Ил. 2. 119. αἰσχρὸν γὰρ τόδε γ' ἐστὶ καὶ ἐσσομένοισι πυθέσθαι,
μὰψ οὕτω τοιόνδε τοσόνδε τε λαὸν Ἀχαιῶν
ἄπρηκτον πόλεμον πολεμίζειν ἠδὲ μάχεσθαι
ἀνδράσι παυροτέροισι τέλος δ' οὔπω τι πέφανται.

Мы указали на всѣ явленія пролептическаго и эпапалептическаго

καὶ αὐτοὶ ἀμυνόμενοι μὴ βλάπτεσθαι τὸ ἴσον νέμετε (Θук. 1. 71), не требуетъ для пониманія ея смысла такого напряженнаго вниманія, какого требуютъ тѣ случаи, въ которыхъ слово τό поставлено слишкомъ далеко отъ своего неопредѣленнаго наклоненія; но тѣмъ не менѣе слово τό, которое' какъ самостоятельное по своему значенію, можетъ войти *одинокимъ* въ синтаксическій составъ предложенія, остается здѣсь, равно какъ и въ предложеніяхъ, приведенныхъ въ текстѣ, *представителемъ* того предмета рѣчи, познакомиться съ которымъ, въ предѣлахъ синтаксическаго состава этого же предложенія, оказывается труднымъ по причинѣ сложности и несклоняемости выраженій, представляющихъ намъ этотъ предметъ (мы говоримъ труднымъ, но не хотимъ назвать это невозможнымъ; вѣдь *встрѣчаемъ* же въ нашихъ случаяхъ рядомъ съ словомъ τὸ и *отсутствіе* его. Сравни напр. Герод. 1. 210: ὃς ἀντὶ μὲν δούλων ἐποίησας ἐλευθέρους Πέρσας εἶναι, ἀντὶ δὲ ἄρχεσθαι ὑπ' ἄλλων ἄρχειν ἁπάντων). Если въ гомеровскихъ цитатахъ, которыхъ касается наша замѣтка, неопредѣленное накл. съ своими грамматическими дополненіями могло быть сравниваемо съ придаточными предложеніями, помѣщенными въ рѣчи *послѣ* своихъ главныхъ предложеній, то въ цитатѣ изъ Θукидида и ей подобныхъ можно такое же неопр. накл. сравнивать съ придаточными предложеніями, *вставленными* въ главное; въ послѣднихъ случаяхъ употребленіе слова τό, въ отличіе отъ первыхъ случаевъ, будетъ нами называться, на основаніи, извѣстномъ уже читателю изъ нашей замѣтки, *синтаксическимъ его употребленіемъ*.

Подъ синтаксическое τό подходятъ адвербіальные обороты, какъ то: τὸ κατὰ τοῦτον (=насколько его касается), τὸ καθ' ἡμέραν (смотри Платона: Περὶ κολ. 567 A), τὸ νῦν (= теперь) и др. (больше такихъ примѣровъ приводитъ Бернгарди Wissensch. Syntax der gr. Spr. стран. 328. 3 и 4). Болѣе близкими къ вышепоказаннымъ эти обороты будутъ именно тогда, когда они распространены неопредѣленнымъ накл. εἶναι, какъ это встрѣчается у Ксен. Ἀνάβασις I. 6. 9 (ἀλλὰ σχολὴ ἦ ἡμῖν τὸ κατὰ τοῦτον εἶναι τοὺς ἐθελοντὰς φίλους εὖ ποιεῖν), тамъ же 3. 2. 37 (ὀπισθοφυλακῶμεν ἡμεῖς οἱ νεώτεροι τὸ νῦν εἶναι) и другихъ мѣстахъ (смотри: Кюнеръ Ausfuhrl. Gramm. der gr. Spr. § 479. 4); встрѣчающееся въ нихъ слово τό входитъ въ синтаксическій составъ своего предложенія, какъ accusativus relationis. Сюда также принадлежатъ выраженія: τοῦ ἅλφα τὸ ἐκφώνησις μεγίστη ἐστί,—τὸ ἐὰν ἔλθοις καταλληλότητα οὐκ ἔχει (=выраженіе ἐὰν ἔλθοις неправильно). На сколько эти примѣры отличаются отъ предыдущихъ, на это читатель, надѣемся, не потребуетъ отъ насъ отвѣта.

ὁ, имѣющія отношеніе къ этому параграфу; объ одномъ только рядѣ явленій мы здѣсь умолчали, потому что для него уже предназначено нами другое мѣсто.

Если въ первомъ параграфѣ ὁ сталкивалось съ словами οὗ, οἵ, ἕ, μίν и αὐτός, то это тѣмъ болѣе замѣчается здѣсь въ самомъ дѣлѣ;

въ Ил. 3. 231 (Τὸν δ' Ἑλένη τανύπεπλος ἀμείβετο, δῖα γυναικῶν,
,,οὗτος δ' Αἴας ἐστὶ πελώριος, ἕρκος Ἀχαιῶν·
Ἰδομενεὺς δ' ἐτέρωθεν ἐνὶ Κρήτεσσι θεὸς ὣς
ἕστηχ' ἀμφὶ δέ μιν Κρητῶν ἀγοὶ ἡγερέθονται)
и въ Од. 10. 312 (ὣς ἄρα φωνήσας πόρε φάρμακον ἀργειφόντης
ἐκ γαίης ἐρύσας καί μοι φύσιν αὐτοῦ ἔδειξε)

самое *представленіе* предметовъ, къ которымъ относится μιν и αὐτός, такъ же предшествуетъ непосредственно употребленію словъ μίν и αὐτός, какъ и въ приведенныхъ на стр. 78-й примѣрахъ употребленію слова ὁ.

Мы видимъ, однако, что сопоставленіе перечисленныхъ выше словъ съ словомъ ὁ получаетъ совсѣмъ другой характеръ, чѣмъ въ предыдущемъ параграфѣ. Здѣсь намъ придется рѣшить вопросъ: что̀ достигается черезъ постановку слова ὁ по отношенію къ тѣмъ предметамъ, которые мы уже, кажется, не имѣемъ право считать *удаленными* или *затемненными* въ нашемъ представленіи, какъ это замѣчалось при постановкѣ слова ὁ въ примѣрахъ перваго параграфа, а которые появленіе слова ὁ застаетъ всегда *присутствующими* въ нашемъ представленіи?

Постараемся рѣшить этотъ вопросъ. Сопоставленіе слова ὁ съ словами οὗ, οἵ, ἕ, μίν можетъ касаться только тѣхъ изъ нашихъ примѣровъ, въ которыхъ ὁ анафоруетъ *одушевленный* предметъ, потому что само οὗ οἵ ἕ для обозначенія неодушевленныхъ предметовъ, или цѣлой мысли, какъ мы уже высказались въ статьѣ объ αὐτός (см стр. 60 и 61), *не* употребляется. (На подобное условіе сопоставленія не нужно было особо указывать въ первомъ параграфѣ: оно не исключало бы тамъ ни одного примѣра изъ сопоставленія, такъ какъ во всѣхъ приведенныхъ тамъ примѣрахъ шла рѣчь исключительно объ *одушевленныхъ* предметахъ). Намъ приходится здѣсь имѣть дѣло изъ вышеприведенныхъ примѣровъ только съ Од. 8. 65, Од. 2. 348 и Ил. 2. 795. Принимая во вниманіе, при сопоставленіи слова ὁ съ словомъ οὗ οἵ ἕ, чередованіе формъ οὗ οἵ ἕ съ отсутствіемъ именительнаго падежа, мы должны рѣшать нашъ вопросъ въ предѣлахъ слѣдующихъ четырехъ возможностей:

1) Предметъ былъ въ первый разъ представленъ въ именительномъ падежѣ и остается въ томъ же падежѣ и въ слѣдующемъ за тѣмъ предложеніи. Въ этомъ случаѣ приходится сопоставлять напр.

Ил. 1. 44. (Ὣς ἔφατ' εὐχόμενος, τοῦ δ' ἔκλυε Φοῖβος Ἀπόλλων,
βῆ δὲ κατ' Οὐλύμποιο καρήνων χωόμενος κῆρ,
τόξ' ὤμοισιν ἔχων ἀμφηρεφέα τε φαρέτρην).

съ Ил. 1. 73. (.. τοῖσι δ' ἀνέστη
Κάλχας Θεστορίδης οἰωνοπόλων ὄχ' ἄριστος,
ὃς ἤδη τά τ' ἐόντα τά τ' ἐσσόμενα πρό τ' ἐόντα,
καὶ νήεσσ' ἡγήσατ' Ἀχαιῶν Ἴλιον εἴσω
ἣν διὰ μαντοσύνην, τήν οἱ πόρε Φοῖβος Ἀπόλλων·
ὅ σφιν ἐυφρονέων ἀγορήσατο καὶ μετέειπεν).

2) Предметъ былъ представленъ въ первый разъ въ именительномъ падежѣ, а въ слѣдующемъ предложеніи приходится обозначать его однимъ изъ косвенныхъ падежей. Сопоставимъ напр.

Ил. 4. 2. (Οἱ δὲ θεοὶ πὰρ Ζηνὶ καθήμενοι ἠγορόωντο
χρυσέῳ ἐν δαπέδῳ, μετὰ δέ σφισι πότνια Ἥβη
νέκταρ ἐφνοχόει·)

съ Ил. 1. 55. (Ἐννῆμαρ μὲν ἀνὰ στρατὸν ᾤχετο κῆλα θεοῖο,
τῇ δεκάτῃ δ' ἀγορήνδε καλέσσατο λαὸν Ἀχιλλεύς·
τῷ γὰρ ἐπὶ φρεσὶ θῆκε θεὰ λευκώλενος Ἥρη·

κήδετο γὰρ Δαναῶν, ὅτι ῥα θνήσκοντας ὁρᾶτο).

3) Предметъ былъ представленъ первый разъ въ косвенномъ падежѣ и остается въ косвенномъ падежѣ и въ слѣдующемъ предложеніи. Ὅ ἡ τό встрѣчается здѣсь напр. въ Ил. 5. 603.

(„Ὦ φίλοι, οἷον δὴ θαυμάζομεν Ἕκτορα δῖον
αἰχμητήν τ' ἔμεναι καὶ θαρσαλέον πολεμιστήν·
τῷ δ' αἰεὶ πάρα εἷς γε θεῶν, ὅς λοιγὸν ἀμύνει·
καὶ νῦν οἱ πάρα κεῖνος Ἄρης βροτῷ ἀνδρὶ ἐοικώς),

а οὗ οἵ ἕ напр. въ Ил. 2. 11.

(„Βάσκ' ἴθι, οὖλε Ὄνειρε, θοὰς ἐπὶ νῆας Ἀχαιῶν·
ἐλθὼν ἐς κλισίην Ἀγαμέμνονος Ἀτρείδαο
πάντα μάλ' ἀτρεκέως ἀγορευέμεν ὡς ἐπιτέλλω·
θωρῆξαί ε κέλευε καρηκομόωντας Ἀχαιοὺς
πανσυδίῃ).

4) Предметъ былъ предс.авленъ первоначально въ косвенномъ падежѣ, а въ слѣдующихъ предложеніяхъ переходитъ въ именительный падежъ. Сопоставимъ здѣсь напр.

Од. 12. 17. Ἡμεῖς μὲν τὰ ἕκαστα διείπομιν· οὐδ' ἄρα Κίρκην
ἐξ Ἀίδεω ἐλθόντες ἐλήθομεν, ἀλλὰ μάλ' ὦκα
ἦλθ' ἐντυναμένη.

съ Ил. 1. 12. νοῦσον ἀνὰ στρατὸν ὦρσε κακὴν, ὀλέκοντο δὲ λαοί,
οὕνεκα τὸν Χρύσην ἠτίμησ' ἀρητῆρα
Ἀτρεΐδης· ὁ γὰρ ἦλθε θοὰς ἐπὶ νῆας Ἀχαιῶν,
λυσόμενος τε θύγατρα φέρων τ' ἀπερείσι' ἄποινα.

Мы видимъ, что во всѣхъ четырехъ случаяхъ рядомъ съ примѣрами на οὗ οἵ ἕ и отсутствіемъ именительнаго падежа появляются и примѣры на ὁ ἡ τό; но стоитъ только немного вдуматься въ обѣ эти группы примѣровъ, чтобы понять различіе въ характерѣ первой группы отъ послѣдней: тамъ идетъ дѣло только о *присоединеніи* новаго заявленія о лицѣ къ заявленію, *уже прежде* сдѣланному говорящимъ, и оба эти заявленія соединяются въ нашемъ представленіи *въ одно цѣлое;* здѣсь же характеръ предложеній, начинающихся съ ὁ, *есть общій со всѣми остальными примѣрами, упомянутыми въ этомъ параграфѣ, однако не имѣющими никакого отношенія къ слову* οὗ οἵ ἕ, съ примѣрами, въ которыхъ ὁ анафоруетъ цѣлую мысль, съ примѣрами, въ которыхъ оно анафоруетъ и другія лица кромѣ 3-го, и съ примѣрами, въ которыхъ ὁ употреблено пролептически. Во всѣхъ этихъ примѣрахъ, а слѣдовательно и въ предложеніяхъ, въ которыхъ ὁ сталкивается съ οὗ οἵ ἕ, слово ὁ *заставляетъ насъ, конечно, пополнять содержаніе предложенія, вмѣщающаго въ себѣ это* ὁ, *внесеніемъ въ него предмета, съ которомъ* само ὁ согласовано грамматически, но вмѣстѣ съ тѣмъ—а это есть самое существенное въ нашемъ сопоставленіи—въ однихъ случаяхъ *имъ* только т. е. словомъ ὁ, а не тѣмъ предложеніемъ, въ которомъ предметъ *представленъ, выставляется этотъ предметъ особымъ началомъ, особою точкою, на которую долженъ опираться новый рядъ сужденій, новый разсказъ*, въ другихъ же случаяхъ *имъ* только, а не предложеніемъ, въ которомъ предметъ *представленъ, захватывается этотъ предметъ въ область прекращеннаго передъ его представленіемъ и теперь опять имѣющаго продолжаться разсказа* (послѣднее замѣчается въ Од. 2. 348. Ил. 2. 795. Од. 1. 182). Во всякомъ случаѣ слово ὁ, въ нашихъ примѣрахъ, переноситъ насъ въ новую область мыслей, въ сравненіи съ тою, въ которой мы находились во время *представленія* предмета; время представленія предмета, будучи измѣряемо ходомъ разсказа, представляется совершенно инымъ, чѣмъ время, въ которомъ произносится предложеніе, начинающееся съ слова ὁ. Мы видимъ, что въ этихъ случаяхъ вполнѣ сохраняется анафорическое значеніе слова ὁ: анафора относится здѣсь къ предмету, удаленному по времени, измѣряемому ходомъ разсказа; переводъ чрезъ распространенныя указ. мѣстоименія (*этотъ то* и т. д; см. стр. 79) оказываетсяпоэтому возможнымъ, описаніе его значенія выраженіемъ: „тотъ предметъ, который я вамъ сейчасъ сообщилъ“ (perfectum; время *представленія*, значитъ, уже прошло)—правильнымъ и разстановка его, на которую мы указали на той же 79 стр., соотвѣтствующею его значенію. Намъ кажется, что „*начинательное*“, какъ мы выра-

зились бы, значеніе слова ὁ въ примѣрахъ, подходящихъ подъ этотъ параграфъ, *доказано*, а потому особое сопоставленіе его съ слабымъ αὐτός identitatis и μίν, какъ не ведущее насъ къ особымъ разультатамъ, считаемъ лишнимъ.

Но начинательное значеніе слова ὁ не ограничивается этими случаями: коль скоро лице, опредѣливъ въ извѣстномъ направленіи свое отношеніе къ дѣйствію (или какъ *главный дѣятель*, или какъ лице, служащее *предметомъ* дѣйствія для другихъ дѣятелей), перемѣняетъ это свое отношеніе, то его гомерическій языкъ, въ предложеніи, заявляющемъ о такой перемѣнѣ отношенія, тоже обозначаетъ черезъ ὁ. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ двумя подраздѣленіями.

Первое подраздѣленіе составляютъ тѣ случаи, въ которыхъ предметъ, обозначаемый чрезъ ὁ, перемѣняетъ свое активное отношеніе къ разсказываемому дѣйствію въ пассивное и активное его положеніе перенимаетъ какое нибудь другое лице. Сравни напр.

Од. 4. 525. ἦτοι ὁ μὲν (Ἀγαμέμνων) χαίρων ἐπεβήσετο πατρίδος αἴης,
καὶ κύνει ἁπτόμενος ἣν πατρίδα· πολλὰ δ' ἀπ' αὐτοῦ
δάκρυα θερμὰ χέοντ', ἐπεὶ ἀσπασίως ἴδε γαῖαν.
τὸν δ' ἄρ' ἀπὸ σκοπιῆς εἶδε σκοπός, ὅν ῥα καθεῖσεν
Αἴγισθος δολόμητις ἄγων, ὑπὸ δ' ἔσχετο μισθόν
χρυσοῦ δοιὰ τάλαντα.

Ил. 3. 21. αὐτὰρ ὁ (Ἀλέξανδρος) δοῦρε δύω κεκορυθμένα χαλκῷ
πάλλων Ἀργείων προκαλίζετο πάντας ἀρίστους
ἀντίβιον μαχέσασθαι ἐν αἰνῇ δηιοτῆτι.
Τὸν δ' ὡς οὖν ἐνόησεν ἀρηΐφιλος Μενέλαος
ἐρχόμενον προπάροιθεν ὁμίλου, μακρὰ βιβάντα,
ὥστε λέων ἐχάρη μεγάλῳ ἐπὶ σώματι κύρσας,
ὡς ἐχάρη Μενέλαος...
...φάτο γὰρ τίσεσθαι ἀλείτην·
αὐτίκα δ' ἐξ ὀχέων σὺν τεύχεσιν ἆλτο χαμᾶζε.
Τὸν δ' ὡς οὖν ἐνόησεν Ἀλέξανδρος θεοειδής
ἐν προμάχοισι φανέντα, κατεπλήγη φίλον ἦτορ·
ἂψ δ' ἑτάρων εἰς ἔθνος ἐχάζετο κῆρ' ἀλεείνων....
τὸν δ' Ἕκτωρ νείκεσσεν ἰδὼν αἰσχροῖς ἐπέεσσιν...

Сюда же принадлежатъ столь часто встрѣчающіяся выраженія: τὸν δ' ἀπαμειβόμενος προσέφη... ὡς φάτο, τὸν δ' ὁ γέρων ἠγήσατο φώνησέν τε... ὡς ἔφατ' εὐχόμενος, τοῦ δ' ἔκλυε... Во всѣхъ этихъ предложеніяхъ *смѣняемый* дѣятель со всѣми своими дѣйствіями представляется такою же точкою отправленія для *новыхъ* дѣйствій и для *новаго* разсказа, какою былъ въ предыдущихъ примѣрахъ *представленный* предметъ. Все, что мы сказали объ ὁ въ первомъ пунктѣ этого параграфа, сохраняетъ свою силу и здѣсь. Что, впрочемъ, и смѣна дѣятеля могла не повлечь за собою появленія слова ὁ, это доказываетъ

намъ выраженіе ὡς ἔφατ', αὐτὰρ ἐγὼ μιν ἀμειβόμενος προσέειπον, встрѣчающееся чуть-ли не такъ же часто, какъ и соотвѣтствующія ему выраженія съ ὁ.

Во второе подраздѣленіе входятъ тѣ случаи, въ которыхъ слово ὁ обозначаетъ лице, переходящее изъ пассивнаго отношенія къ дѣйствію въ активное; сюда принадлежитъ аттическое ὁ δὲ, указанное нами на стр. 19. Объ этихъ случаяхъ, однако, уже трудно утверждать то, что было сказано о случаяхъ перваго пункта; они подаютъ скорѣе матеріалъ для того ὁ, къ которому мы теперь переходимъ.

к. 3.

Коль скоро Гомеръ, заговоривъ о какомъ нибудь предметѣ, начнетъ, среди разсказа о немъ, сопоставлять его съ другимъ какимъ нибудь предметомъ, то онъ обозначаетъ его уже не черезъ οὗ οἱ μὶν αὐτός, *а черезъ* ὁ.

Мы здѣсь различаемъ два случая. Одинъ изъ нихъ можетъ насъ и не удалять отъ пониманія слова ὁ въ томъ значеніи, какое мы ему отвели въ предыдущемъ параграфѣ. Въ пополненіе того, что мы сказали на стр. 6-й о начертаніяхъ, рисующихся въ нашемъ сознаніи во время разсказа объ удаленномъ отъ насъ предметѣ, мы замѣтимъ слѣдующее: Наша сила представленія заставляетъ насъ отводить въ самомъ представленіи опредѣленное мѣсто всѣмъ предметамъ, которые входятъ въ это послѣднее. При этомъ опредѣленіи мѣста мы руководимся или дѣйствительностью, если намъ эта дѣйствительность извѣстна (а въ такомъ случаѣ въ нашемъ представленіи во время рѣчи говорящаго рисуется картина вполнѣ соотвѣтствующая пространственнымъ отношеніямъ *дѣйствительности*), или же разсказомъ говорящаго, (а въ этихъ случаяхъ вѣрность нашего представленія зависитъ вполнѣ отъ степени точности и отчетливости самаго разсказа), а за тѣмъ (въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы не располагаемъ ни своими свѣдѣніями, ни указаніями разказчика), предметъ занимаетъ въ нашемъ представленіи положеніе *случайное*. При томъ сопоставленіи предметовъ, какое мы имѣемъ въ виду въ этомъ параграфѣ, въ вопросѣ объ отведеніи мѣста въ нашемъ представленіи сопоставляемымъ предметамъ, насъ не поддерживаетъ ни дѣйствительность, ни разсказъ, и однако въ нашемъ представленіи рисуются двѣ горизонтально противуположныхъ точки, на которыхъ мы и размѣщаемъ сопоставляемые нами предметы. Употребляя слово ὁ о томъ изъ двухъ сопоставляемыхъ предметовъ, который уже считается присутствующимъ въ нашемъ представленіи, говорящій дѣлаетъ то же самое, что сдѣлалъ бы онъ, если бы пришлось ему сопоставлять съ какимъ нибудь предметомъ предметъ, *находящійся на лицѣ*, хотя бы даже *освѣдомленіе* объ этомъ послѣднемъ предметѣ (πρώτη γνῶσις; см. стр. 7). у него происходило заранѣе (передъ сопоставленіемъ). Обратимъ вниманіе на слѣдующаго рода разговоръ:

A. Ты видишь вотъ *это* дерево?

B. Вижу.

A. Какъ ты находишь, не слѣдуетъ ли *его* пересадить ближе къ зданію, чтобы лѣтомъ, даже въ самый полдень, была тѣнь отъ него въ комнатѣ?

B. Отъ *этого*-то дерева будетъ тѣнь въ твоей комнатѣ и при теперешнемъ его положеніи, но то дерево, которое по ту сторону твоей комнаты и которое ты мнѣ вчера показывалъ, нужно уже во всякомъ случаѣ пересадить.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ діалогѣ повторяющееся два раза слово «это» имѣетъ каждый разъ другой характеръ: первое есть чистое δειχτικόν; второе не можетъ быть δειχτικόν, потому что при немъ не освѣдомляемся о предметѣ, а должно быть ἀναφορικόν. Спрашивается: почему лицу, обозначенному въ этомъ діалогѣ буквою B, удобнѣе было анафоровать предметъ „дерево“ черезъ слово „это“, чѣмъ обозначать его тѣмъ словомъ, которымъ оно было обозначаемо непосредственно передъ словомъ *это* (именно словомъ *его*, *имъ*)? На основаніи дознаннаго нами выше психологическаго явленія, именно способности фиктивно размѣщать въ нашемъ представленіи сопоставляемые предметы, и въ виду представленнаго нами примѣра, мы на этотъ вопросъ отвѣтимъ слѣдующимъ образомъ: принимаясь сопоставлять присутствующій въ нашемъ представленіи предметъ съ другимъ какимъ нибудь однороднымъ предметомъ, мы вносимъ его въ извѣстное локальное отношеніе къ сопоставляемому съ нимъ предмету; это отношеніе придаетъ ему совсѣмъ другое положеніе въ разсказѣ, чѣмъ какое онъ имѣлъ, когда былъ единственнымъ предметомъ разсказа; оно заставляетъ насъ положить преграду между тѣмъ временемъ, когда мы исключительно о немъ разсказывали, и между тѣмъ, когда мы начали его *сопоставлять*; вотъ почему мы и сказали, что эти случаи не удаляютъ насъ отъ случаевъ предыдущаго параграфа. Сравни.

Ил. 18. 146. Οὔλυμπόνδε θεὰ Θέτις ἀργυρόπεζα
ἦιεν, ὄφρα φίλῳ παιδὶ κλυτὰ τεύχε' ἐνείκαι.
Τὴν μὲν ἄρ' Οὔλυμπόνδε πόδες φέρον· αὐτάρ Ἀχαιοὶ
θεσπεσίῳ ἀλαλητῷ ὑφ' Ἕκτορος ἀνδροφόνοιο
φεύγοντες νῆάς τε καὶ Ἑλλήσποντον ἵκοντο·

Ил. 5. 47. Ἰδομενεὺς δ' ἄρα Φαῖστον ἐνήρατο, Μήονος υἱὸν
Βώρου, ὃς ἐκ Τάρνης ἐριβώλακος εἰληλούθει.
τὸν μὲν ἄρ' Ἰδομενεύς δουρικλυτὸς ἔγχει μακρῷ
νύξ' ἵππων ἐπιβησόμενον, κατὰ δεξιὸν ὦμον·
ἤριπε δ' ἐξ ὀχέων, στυγερὸς δ' ἄρα μιν σκότος εἷλεν.
Τὸν μὲν ἄρ' Ἰδομενῆος ἐσύλευον θεράποντες·
υἱὸν δὲ Στροφίοιο Σκαμάνδριον, αἵμονα θήρης,
Ἀτρεΐδης Μενέλαος ἕλ' ἔγχει ὀξυόεντι,
ἐσθλὸν θηρητῆρα·

Од. 24. 412. Гомеръ переходитъ отъ разсказа сцены въ домѣ Лаерта къ разсказу о Молвѣ (Ὄσσα) слѣд. словами:

Ὣς οἱ μὲν (разумѣй: всѣ тѣ, о которыхъ кончается рѣчь)
περὶ δεῖπνον ἐνὶ μεγάροισι πένοντο·
Ὄσσα δ' ἄρ' ἄγγελος ὦκα κατὰ πτόλιν ᾤχετο πάντῃ...

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ случаями, гдѣ изъ сопоставляемыхъ предметовъ только *одинъ* былъ слушателю извѣстенъ изъ непосредственно предшествующаго разсказа. Немного иначе представляются намъ случаи, въ которыхъ *оба* предмета были представлены слушателю раньше самаго сопоставленія. Мы разумѣемъ здѣсь мѣста, какъ то:

Од. 3. 269. ὁ δ' εὔκηλος μυχῷ Ἄργεος ἱπποβότοιο
πόλλ' Ἀγαμεμνονέην ὄλοχον θέλγεσκ' ἐπέεσσιν.
ἡ δ' ἤτοι τὸ πρὶν μὲν ἀναίνετο ἔργον ἀεικές,
ὅῖα Κλυταιμνήστρη· φρεσὶ γὰρ νέχρης' ἀγαθῇσιν.
πὰρ δ' ἄρ' ἔην καὶ ἀοιδὸς ἀνήρ, ᾧ πόλλ' ἐπέτελλεν
Ἀτρεΐδης Τροίηνδε κιὼν εἴρυσθαι ἀκοιτιν.
ἀλλ' ὅτε δή μιν μοῖρα θεῶν ἐπέδησε δαμῆναι,
δὴ τότε τὸν μὲν ἀοιδὸν ἄγων ἐς νῆσον ἐρήμην
κάλλιπεν οἰωνοῖσιν ἕλωρ καὶ κύρμα γενέσθαι,
τὴν δ' ἐθέλων ἐθέλουσαν ἀνήγαγεν ὅνδε δόμονδε.

Ил. 11. 472. τρὶς δ' ἄιεν ἰάχοντος (Ὀδυσῆος) ἀρηΐφιλος Μενέλαος.
αἶψα δ' ἄρ' Αἴαντα προσεφώνεεν ἐγγὺς ἐόντα....
Ὣς εἰπὼν ὁ μὲν ἦρχ', ὁ δ' ἅμ' ἕσπετο ἰσόθεος φώς.

Особенный разрядъ составляютъ здѣсь тѣ мѣста, гдѣ два предмета, одинаково извѣстные изъ непосредственно предшествующаго разсказа, сходятся въ *одномъ* предложеніи, служа при этомъ разнородными распространеніями одного и того же сказуемаго. Примѣры представляютъ слѣдующія мѣста:

Ил. 15. 417. Ἕκτωρ δ' ἄντ' Αἴαντος ἐείσατο κυδαλίμοιο.
τὼ δὲ μιῆς περὶ νηὸς ἔχον πόνον, οὐδ' ἐδύναντο
οὔθ' ὁ τὸν ἐξελάσαι καὶ ἐνιπρῆσαι πυρὶ νῆας,
οὔθ' ὁ τὸν ἄψ ὤσασθαι, ἐπεί ῥ' ἐπέλασσέ γε δαίμων.

Ил. 21. 601. αὐτῷ γὰρ ἐκάεργος Ἀγήνορι πάντα ἐοικὼς
ἔστη πρόσθε ποδῶν· ὁ δ' ἐπέσσυτο ποσσὶ διώκειν.
εἶος ὁ τὸν πεδίοιο διώκετο πυροφόροιο....

Мы видимъ, что и въ этомъ, и въ предшествующемъ разрядахъ слово ὁ употребляется объ *обоихъ* предметахъ сопоставленія. Къ какому изъ сопоставляемыхъ предметовъ каждое ὁ относится, это можно узнать иногда (см. напр. Ил. 15. 417) только изъ контекста. Это ὁ очень близко къ δεικτικά, такъ какъ цѣль его появленія имѣетъ *распознавательный* характеръ и рас-

познаваніе не ушло далеко отъ *осѣдомленія* (πρώτη γνῶσις) [31]). Воспользуемся существованіемъ у Аполлонія двухъ терминовъ о значеніи анафорическихъ словъ, именно δεῖξις τοῦ νοῦ и ἀναφορά, и назовемъ значеніе, замѣченное нами въ примѣрахъ этого пункта, δεῖξις τοῦ νοῦ;—въ какомъ отношеніи такая δεῖξις τοῦ νοῦ находится къ другимъ оттѣнкамъ слова ὁ, на это мы укажемъ въ концѣ 3-ей части.

Сюда же слѣдуетъ отнести случаи, упомянутые на стр. 86. На сколько они отличаются отъ вышеприведенныхъ примѣровъ, на это указывать не станемъ; въ Гомерѣ замѣчаемъ соотвѣтствіе аттическому ὁ δὲ въ слѣдующихъ напр. мѣстахъ:

Ил. 24. 470 Πρίαμος δ' ἐξ ἵππων ἆλτο χαμᾶζε,
Ἰδαῖον δὲ κατ' αὖθι λίπεν· ὁ δὲ μίμνεν ἐρύκων
ἵππους ἡμιόνους τε·

Ил. 5. 17. Φηγεύς ῥα πρότερος προΐει δολιχόσκιον ἔγχος·
Τυδείδεω δ' ὑπὲρ ὦμον ἀριστερὸν ἤλυθ' ἀκωκὴ
ἔγχεος, οὐδ' ἔβαλ' αὐτόν· ὁ δ' ὕστερος ὦρνυτο χαλκῷ
Τυδείδης·

Приведемъ еще нѣкоторыя замѣчанія по поводу нашихъ трехъ параграфовъ. Исходя изъ послѣднихъ указаній третьяго параграфа, мы вполнѣ понимаемъ, что появленію слова ὁ вмѣсто οὗ могло содѣйствовать желаніе *отличить* предметъ, какъ особенный, въ противоположность другому какому нибудь предмету, хотя бы даже и не упомянутому въ текстѣ. Такъ мы понимаемъ слово τοῦ, встрѣчающееся въ Ил. 9. 378, гдѣ Ахиллесъ говоритъ Одиссею объ Агамемнонѣ:

οὐδέ τί οἱ βουλὰς συμφράσσομαι, οὐδὲ μὲν ἔργον·
ἐκ γὰρ δή μ' ἀπάτησε καὶ ἤλιτεν· οὐδ' ἂν ἔτ' αὖτις
ἐξαπάφοιτ' ἐπέεσσιν· ἅλις δέ οἱ. ἀλλὰ ἔκηλος
ἐρρέτω· ἐκ γάρ εὐ φρένας εἵλετο μητίετα Ζεύς.
ἐχθρὰ δέ μοι τοῦ δῶρα, τίω δέ μιν ἐν καρὸς ἅϊσῃ.
οὐδ' εἴ μοι δεκάκις τε καὶ εἰκοσάκις τόσα δοίη
ὅσσα τέ οἱ νῦν ἔστι, καὶ εἴ ποθεν ἄλλα γένοιτο...

Смыслъ слова τοῦ, встрѣчающагося здѣсь среди нѣсколькихъ οὗ, можно опи-

---

31) Δεικτικά мы всегда понимали какъ слова, указывающія на предметы, находящіеся на лицо въ *дѣйствительности*; здѣсь эти предметы присутствуютъ въ *нашемъ представленіи*.—При томъ распознаваніи, которое лежитъ въ основаніи появленія этого ὁ, мы не располагаемъ, разумѣется, такимъ вѣрнымъ руководительнымъ средствомъ, какимъ мы располагаемъ при δεῖξις τῆς ὄψεως (см. стр. 3), но всѣ остальныя средства, указанныя нами тамъ же, какъ содѣйствующія освѣдомленію о находящихся на лицо предметахъ, могутъупотребляться и здѣсь о предметахъ присутствующихъ въ представленіи

сать словами „этого, о которомъ я говорю, въ различіе отъ другихъ“. Несомнѣннымъ становится такое сопоставленіе предмета съ предметомъ

въ Од. 17. 155: αὐτὰρ ὁ βῆ διὰ δῶμα φίλον τετιημένος ἦτορ,
νευστάζων κεφαλῇ· δὴ γὰρ κακὸν ὄσσετο θυμός.
ἀλλ' οὐδ' ὣς φύγε Κῆρα· πέδησε δὲ καὶ τὸν Ἀθήνη
Τηλεμάχου ὑπὸ χερσὶ καὶ ἔγχει ἶφι δαμῆναι.

Часто разсказчикъ не заботится слишкомъ о томъ, чтобы вызывать слушателя на распознаваніе присутствующихъ въ представленіи предметовъ, а у него самаго (т. е. у разсказчика) представляющая сила очень свободно совершаетъ постоянную перемѣну въ группировкѣ этихъ предметовъ, выдвигая при этомъ, еще передъ упоминаніемъ о каждомъ изъ нихъ въ разсказѣ, на первый планъ всегда тотъ предметъ, о которомъ придется вслѣдъ за тѣмъ говорить. Вслѣдствіе всего этого говорящій самъ не чувствуетъ особенной надобности вносить въ рѣчь вышеупомянутый распознавательный характеръ, а обозначаетъ всѣ присутствующіе въ его представленіи предметы одинаково черезъ οὗ (при такихъ же условіяхъ появляются и въ русскомъ языкѣ формы *его, ему* и т. д. вмѣсто словъ „распознавательныхъ“), а для слушателя такой разсказъ часто дѣлается непонятнымъ, такъ что послѣдній долженъ не рѣдко останавливать разсказывающаго и спрашивать его, когда онъ подразумѣваетъ подъ словомъ *его*, употребляемымъ имъ въ рѣчи. Вотъ какъ мы объясняемъ себѣ появленіе слова οὗ, упомянутое нами на стр. 17 и засвидѣтельствованное тамъ же примѣромъ Ил. 3. 383 . Сравни еще:

Ил. 5. 8 и слѣд. ὦρσε δέ μιν (Διομήδη) κατὰ μέσσον, ὅθι πλεῖστοι κλονέοντο.
Ἦν δέ τις ἐν Τρώεσσι Δάρης ἀφνειὸς ἀμύμων,
ἱρεὺς Ἡφαίστοιο· δύω δέ οἱ υἱέες ἦστην,
Φηγεὺς Ἰδαῖός τε, μάχης εὖ εἰδότε πάσης.
τὼ οἱ ἀποκρινθέντε ἐναντίω ὁρμηθήτην·

Ил. 7. 433 и сл. Ἦμος δ' οὔτ' ἄρ πω ἠώς, ἔτι δ' ἀμφιλύκη νύξ,
τῇμος ἄρ' ἀμφὶ πυρὴν κριτὸς ἔγρετο λαὸς Ἀχαιῶν,
τύμβον δ' ἀμφ' αὐτὴν ἕνα ποίεον ἐξαγαγόντες
ἄκριτον ἐκ πεδίου, ποτὶ δ' αὐτὸν τεῖχος ἔδειμαν
πύργους θ' ὑψηλούς, εἶλαρ νηῶν τε καὶ αὐτῶν.
ἐν δ' αὐτοῖσι πύλας ἐνεποίεον εὖ ἀραρυίας,
ὄφρα δι' αὐτάων ἱππηλασίη ὁδὸς εἴη·
ἔκτοσθεν δὲ βαθεῖαν ἐπ' αὐτῷ τάφρον ὄρυξαν,
εὐρεῖαν μεγάλην, ἐν δὲ σκόλοπας κατέπηξαν.

Од. 7. 171. υἱὸν ἀναστήσας ἀγαπήνορα Λαοδάμαντα,
ὃς οἱ πλησίον ἷζε, μάλιστα δέ μιν φιλέεσκεν.

Съ другой же стороны желаніе быть понятымъ слушателемъ уничтожаетъ возможность постановки слова οὗ не только въ такихъ примѣрахъ, какими представляются Ил. 5. 8 и другіе, поставленные съ нимъ въ одинъ разрядъ, но и въ примѣрахъ, не предусмотрѣнныхъ нашими 3-мя параграфами. Оно ведетъ разсказчика, при произношеніи выраженія цѣлой мысли, очень часто къ *разбивкѣ* этого выраженія на возможно бо̀льшее число частей, опредѣляющихся на основаніи синтаксическихъ законовъ предложенія; эта разбивка на части получаетъ свое выраженіе въ интонаціи, каждая изъ этихъ частей должна быть особо выслушиваема слушателемъ и вызывать въ его сознаніи особое представленіе, какъ частное, имѣющее дать въ соединеніи съ другими представленіями, соотвѣтствующими другимъ частямъ предложенія, точное цѣлое. Если въ такихъ случаяхъ приходится въ какой нибудь изъ этихъ частей упоминать о предметѣ, упомянутомъ въ другой части, то уже разсказчикъ не обозначаетъ его, какъ присутствующій, черезъ οὗ, μίν, αὐτός, а анафоруетъ его, какъ переходящій изъ одного синтаксическаго цѣлаго въ другое, черезъ ὁ. Сравни:

Ил. 4. 28. Ἥρῃ δ' οὐκ ἔχαδε στῆθος χόλον, ἀλλὰ προσηύδα
„Αἰνότατε Κρονίδη, ποῖον τὸν μῦθον ἔειπες.
πῶς ἐθέλεις ἄλιον θεῖναι πόνον ἠδ' ἀτέλεστον,
ἰδρῶ θ' ὃν ἵδρωσα μόγῳ, καμέτην δέ μοι ἵπποι
λαὸν ἀγειρούσῃ, Πριάμῳ κακὰ τοῖό τε παισίν.

Од. 10. 68. Ὣς φάσαν. αὐτὰρ ἐγὼ μετεφώνεον ἀχνύμενος κῆρ
„Ἄασάν μ' ἔταροί τε κακοὶ πρὸς τοῖσί τε ὕπνος
σχέτλιος.

Въ этихъ двухъ примѣрахъ слова τοῖο τε παισίν и τοῖσί τε ὕπνος представляются намъ совершенно другимъ синтаксическимъ цѣлымъ, чѣмъ слова, предшествующія имъ, не смотря на то, что они не составляютъ даже полнаго предложенія. Принимание *полнаго* предложенія за одно синтаксическое цѣлое влечетъ за собою появленіе слова ὁ въ слѣдующихъ напр. мѣстахъ:

Ил. 4. 293. Ὣς εἰπὼν τοὺς μὲν λίπεν αὐτοῦ, βῆ δὲ μετ' ἄλλους·
ἔνθ' ὅγε Νέστορ' ἔτετμε, λιγὺν Πυλίων ἀγορητήν.

Ил. 5. 434. Αἰνεία δ' ἐπόρουσε βοὴν ἀγαθὸς Διομήδης,
γιγνώσκων ὅ οἱ αὐτὸς ὑπείρεχε χεῖρας Ἀπόλλων·
ἀλλ' ὅγ' ἄρ' οὐδὲ θεὸν μέγαν ἄζετο, ἵετο δ' αἰεὶ
Αἰνείαν κτεῖναι καὶ ἀπὸ κλυτὰ τεύχεα δῦσαι.

Ил. 5. 849. Ὣς δὲ ἴδε βροτολοιγὸς Ἄρης Διομήδεα δῖον,
ἤτοι ὁ μὲν Περίφαντα πελώριον αὐτόθ' ἔασεν
κεῖσθαι, ὅθι πρῶτον κτείνων ἐξαίνυτο θυμόν,
αὐτὰρ ὁ βῆ ῥ' ἰθὺς Διομήδεος ἱπποδάμοιο.

I. 4.

Перейдемъ къ новымъ фактамъ. *Если группа извѣстныхъ намъ однородныхъ предметовъ, входя въ матеріалъ логическаго сужденія, должна быть раздѣлена на двѣ, или нѣсколько частей, то эти части обозначаются черезъ* ὁ ἡ τό. См. слѣд. мѣста:

Од. 20. 149. ἡ δ' αὖτε δμωῇσιν ἐκέκλετο δῖα γυναικῶν,
Εὐρύκλει', Ὦπος θυγάτηρ Πεισηνορίδαο·
„Ἄγρεῖθ', αἱ μέν δῶμα κορήσατε ποιπνύσασαι,
ῥάσσατέ τ' ἔν τε θρόνοις εὐποιήτοισι τάπητας
βάλλετε πορφυρέους· αἱ δὲ σπόγγοισι τραπέζας
πάσας ἀμφιμάσασθε, καθήρατε δὲ κρητῆρας
καὶ δέπα ἀμφικύπελλα τετυγμένα· ταὶ δὲ μεθ' ὕδωρ
ἔρχεσθε κρήνηνδε, καὶ οἴσετε θᾶσσον ἰοῦσαι.

Ил. 2. 90. ἠΰτε ἔθνεα εἶσι μελισσάων ἀδινάνων,
πέτρης ἐκ γλαφυρῆς αἰεὶ νέον ἐρχομενάων·
βοτρυδὸν δὲ πέτονται ἐπ' ἄνθεσσιν εἰαρινοῖσιν·
αἱ μέν τ' ἔνθα ἅλις πεποτήαται, αἱ δέ τε ἔνθα·
ὣς τῶν ἔθνεα πολλὰ νεῶν ἄπο καί κλισιάων... ἐστιχόωντο.

Од. 14. 444. „ἔσθιε, δαιμόνιε ξείνων, καὶ τέρπεο τοῖσδε,
οἷα πάρεστι· θεὸς δὲ τὸ μὲν δώσει, τὸ δ' ἐάσει,
ὅττι κεν ᾧ θυμῷ ἐθέλῃ· δύναται γὰρ ἅπαντα.

Эти мѣста во многомъ напоминаютъ намъ примѣры, приведенные на стр. 89. Особенность, замѣчаемая въ примѣрахъ этого параграфа и побуждающая насъ отдѣлить ихъ отъ тѣхъ примѣровъ, съ которыми мы ихъ сравниваемъ, заключается въ неопредѣленности индивидуальности сторонъ сопоставленія въ случаяхъ, съ которыми мы сравниваемъ эти примѣры, всякій разъ подъ словомъ ὁ нужно было подразумѣвать только одинъ *извѣстный предметъ* изъ тѣхъ, которые были сопоставляемы, здѣсь же подъ нимъ подразумѣвается одна *какая бы то ни была* часть изъ раздѣленной на двѣ стороны группы. Такою же неопредѣленностію значенія относительно индивидуальности предмета отличается ὁ, встрѣчающееся въ аттическомъ оборотѣ τὸν καὶ τόν; сравни напримѣръ Лизія ὑπὲρ τοῦ Ἐρατοσθένους φόνου 23: ὁ δ' Ἐρατοσθένης, ὦ ἄνδρες, εἰσέρχεται, καὶ ἡ θεράπαινα ἐπεγείρασά με εὐθὺς φράζει ὅτι ἔνδον ἐστί. κἀγὼ εἰπὼν ἐκείνῃ ἐπιμελεῖσθαι τῆς θύρας, καταβὰς σιωπῇ ἐξέρχομαι καὶ ἀφικνοῦμαι ὡς τὸν καὶ τόν (къ тому, другому) καὶ τοὺς μὲν ἔνδον κατέλαβον, τοὺς δὲ οὐκ ἐπιδημοῦντας εὗρον.

У Гомера нѣтъ мѣстъ, въ которыхъ встрѣчался бы оборотъ τὸν καὶ τόν, но что гомерическое ἔνθα καὶ ἔνθα (тамъ и сямъ) есть явленіе совершенно тождественное съ указаннымъ нами аттическимъ оборотомъ, это не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Особенность своего рода представляетъ 11-я рапсодія Одиссеи, гдѣ Одис-

сей, перечисляя лицъ, съ которыми ему пришлось видѣться въ аду, разсказываетъ такъ:

Од. 11. 260. Τὴν δὲ μετ' Ἀντιόπην ἶδον, Ἀσωποῖο θύγατρα,
ἣ δὴ καὶ Διὸς εὔχετ' ἐν ἀγκοίνῃσιν ἰαῦσαι,
καί ῥ' ἔτεκεν δύο παῖδ', Ἀμφίονά τε Ζῆθόν τε,
οἵ πρῶτοι Θήβης ἕδος ἔκτισαν ἐπταπύλοιο,
πύργωσαν τ', ἐπεὶ οὐ μὲν ἀπύργωτόν γ' ἐδύναντο
ναιέμεν εὐρύχορον Θήβην, κρατερώ περ ἐόντε.
Τὴν δὲ μέτ' Ἀλκμήνην ἶδον, Ἀμφιτρύωνος ἄκοιτιν,...
271: Μητέρα τ' Οἰδιπόδαο ἶδον, καλὴν Ἐπικάστην,...
281. Καὶ Χλῶριν εἶδον περικαλλέα...
298. Καὶ Λήδην εἶδον...
305. Τὴν δὲ μετ' Ἰφιμέδειαν, Ἀλωῆος παράκοιτιν
εἶσιδον, ἣ δὴ φάσκε Ποσειδάωνι μιγῆναι...
321 Φαίδρην τε Πρόκριν τε ἶδον καλήν τ' Ἀριάδνην,
κούρην Μίνωος ὀλοόφρονος,...
326. Μαῖράν τε Κλυμένην τε ἶδον στυγερήν τ' Ἐριφύλην,
ἣ χρυσὸν φίλου ἀνδρὸς ἐδέξατο τιμήεντα...
601. τὸν δὲ μέτ' εἰσενόησα βίην Ἡρακλείην и т. д.

И въ этомъ примѣрѣ слово ὁ, во всѣхъ предложеніяхъ, въ которыхъ оно появляется, есть слово *неопредѣленное* по отношенію къ индивидуальности обозначаемаго имъ предмета: оно только переноситъ вниманіе слушателя на другой изъ перечисляемыхъ предметовъ, не давая вовсе знать, что̀ это будетъ за предметъ (мы могли бы переводить его словомъ *затѣмъ*). Конечно, неопредѣленность индивидуальности обозначаемаго имъ предмета уничтожается сейчасъ же послѣ произнесенія слова ὁ; однако мы видимъ, что слова, уничтожающія эту неопредѣленность, составляютъ совершенно другую часть предложенія, чѣмъ слово ὁ, и что, слѣдовательно, само ὁ вовсе не причастно въ ея уничтоженіи.

* * *

Остановимся пока на этихъ 4-хъ параграфахъ. Изъ всѣхъ нашихъ примѣровъ вышеупомянутые нѣмецкіе грамматики ни въ одномъ не находятъ того, что дало бы по ихъ пониманію право слову ὁ ἡ τό называться „членомъ“ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Одинъ только Тиршъ расширилъ предѣлы „собственнаго члена“ (съузивъ при этомъ предѣлы «не-члена») до того, что нѣкоторые изъ нашихъ примѣровъ входятъ въ область перваго. Тиршъ вноситъ въ область „собственнаго члена“ всѣ тѣ случаи, въ которыхъ слово ὁ поставлено для обозначенія какого нибудь предмета *не одинокимъ*, а влечетъ за собою названіе самого предмета. По его

пониманію будетъ напр. въ Ил. 5. 17. (примѣръ этотъ приведенъ нами на стр. 90) слово ὁ уже „членомъ“, а не тѣмъ, чѣмъ онъ его признавалъ напр. въ Ил. 24. 470 (см. тамъ же). Странно выражается Тиршъ о подобномъ появленіи „члена“: „Ὅ ставится“, говоритъ онъ въ § 207. 16 своей грамматики (Gramm. der griech. Sprache г. 1855), „будучи лишенъ ударенія и дѣлаясь черезъ это членомъ, для предварительнаго обозначенія лица, поименованіе котораго имѣетъ послѣдовать въ дальнѣйшемъ разсказѣ [32])“. Мы называемъ такое выраженіе Тирша страннымъ потому, что въ примѣрахъ, подведенныхъ имъ сюда и имѣющихъ именно такой характеръ, какой представляетъ собою только что упомянутое нами мѣсто Ил. 5. 17, Тиршъ не можетъ указать, на сколько такое ὁ имѣетъ меньше права на удареніе, чѣмъ то ὁ, которое не влечетъ за собою вовсе никакого имени существительнаго. Если Тиршъ подразумѣваетъ подъ словомъ „удареніе“ одинъ орѳографическій знакъ, то право на такой орѳографическій знакъ у перваго ὁ и у втораго—одинаковое. Это право есть авторитетъ древнихъ рукописей, которыя, какъ свидѣтельствуетъ Ла Рошъ въ извѣстномъ читателю изданіи Гомера, почти всѣ сохраняютъ удареніе и на первомъ ὁ и на второмъ. Если же Тиршъ подъ словомъ „удареніе“ понималъ интонацію чтенія, основанную на значеніи слова ὁ (служившую, впрочемъ, надобно полагать, руководительницею и при постановкѣ самаго орѳографическаго знака), то чѣмъ же отличается ὁ въ Ил. 5. 17. отъ Ил. 9. 19, или чѣмъ отличается напр. ὁ въ гексаметрѣ ἡ μὲν ὣς εἰποῦσ' ἀπέβη πόδας ὠκέα Ἶρις отъ ὁ, встрѣчающагося въ гексаметрѣ ἦτοι ὃ γ' ὣς εἰπὼν κατ' ἄρ' ἕζετο, τοῖσι δ' ἀνέστη? Могъ ли читатель во всѣхъ этихъ четырехъ примѣрахъ во время чтенія слова ὁ знать, послѣдуетъ ли за нимъ существительное или нѣтъ? Конечно нѣтъ; во всѣхъ четырехъ примѣрахъ слово ὁ—одинаковое, равно какъ и значеніе его въ нихъ—одинаковое (значеніе это мы можемъ во всѣхъ ихъ назвать—самоопредѣляющимъ), а если въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, послѣ двухъ или нѣсколькихъ словъ, присоединилось къ тексту существительное, то оно имѣетъ чисто аппозиціональный характеръ.

У остальныхъ пяти грамматиковъ, какъ нами уже высказано выше, ни одинъ изъ нашихъ четырехъ параграфовъ не доходитъ до предѣловъ „собственнаго члена“. Въ различіе отъ этого собственнаго члена, они называютъ ὁ, употребленное въ этихъ случаяхъ, pronomen demonstrativum. Основаніе такого выдѣленія болѣе опредѣленно высказалъ Кюнеръ, и о его ученіи поговоримъ ниже; всѣ же остальные четыре грамматика, при выдѣленіи нашихъ случаевъ изъ собственнаго члена и названіи слова ὁ демонстративнымъ мѣ-

---

[32]) Es steht das bezeichnende (sic) ὁ, dann des Accentes ermangelnd und dadurch zum Artikel geworden, als vorläufige Angabe der Person, die im Verlaufe der Rede genannt wird.

стоимсніемъ, ссылаются лишь только на то, что въ нихъ вмѣсто ὁ можно де поставить οὗτος или ἐκεῖνος, или же, какъ Бернгарди выражается, могли-быть въ живомъ разговорѣ (?—im Leben) достаточно замѣнены диктическимъ знакомъ, или интонаціей (Wissensch. Synt. стр. 305). Сообщенное нами замѣчаніе Бернгарди—ложное; о назначеніи диктическихъ знаковъ, упомянутыхъ въ этомъ замѣчаніи, мы уже говорили на страницѣ 3-й; въ словѣ ὁ они не имѣютъ никакого прямаго назначенія, если только послѣднее не есть диктическое, а чисто анафорическое (сравни стр. 72). Точно также и то, что другіе грамматики говорятъ о замѣнѣ слова ὁ словами οὗτος и ἐκεῖνος, не даетъ имъ никакого права называть это ὁ демонстративнымъ въ отличіе отъ „собственнаго члена“ потому, что мы съ одной стороны и въ примѣрахъ, внесенныхъ ими же въ предѣлы «собственнаго члена», находимъ подобное замѣненіе возможнымъ [33]), а съ другой стороны въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ примѣровъ (сравни нашъ 4-й параграфъ), принятыхъ всѣми ими въ область не члена, такое замѣненіе слова ὁ словомъ οὗτος вовсе нельзя допустить. Такимъ образомъ слово demonstrativum остается у этихъ грамматиковъ по отношенію къ опредѣленію значенія слова ὁ непонятымъ и непонятнымъ терминомъ, и мы должны требовать отъ нихъ, при ихъ отдѣленіи члена отъ pronom. demonstr., указаніе на другія болѣе опредѣленныя положенія. Такихъ болѣе опредѣленныхъ положеній, какъ мы уже выше намекнули, трудно у нихъ доискаться. Всѣ они начинаютъ свои статьи о значеніи слова ὁ одинаково. Слово ὁ, говорятъ они, есть такое-то pronomen; оно удержалось въ значеніи этого pronomen въ слѣдующихъ случаяхъ, затѣмъ слѣдуетъ перечисленіе самихъ случаевъ, группируемыхъ каждымъ иначе, или по внѣшнему виду появленія слова ὁ, или совсѣмъ безъ всякаго мѣрила. Одна только группа выдѣляется всѣми грамматиками одинаково—это

---

[33]) Коль скоро вносятся въ предѣлы „собственнаго члена“ случаи, въ которыхъ ὁ намекаетъ на предметъ, сообщенный уже говорящимъ, или общеизвѣстный и говорящему и слушателю, то уже изъ примѣровъ, приведенныхъ нами на первыхъ страницахъ нашего сочиненія, дѣлается понятнымъ, что мы никогда не можемъ ручаться за то, что вмѣсто ὁ, употребленнаго въ этихъ ими указанныхъ случаяхъ, могла появиться и обоюдная антонимія. Такіе случаи вносятся, однако, въ предѣлы собств. члена и у Бернгарди (на стр. 315 приводитъ имъ какъ примѣръ на его „риторическій *собственный* членъ“ мѣсто изъ Аристофана Πλοῦτος 302· ἀλλά με τοιχωρύχος τις διέβαλε. εἰσοὺς γάρ ποτε εἰς τὴν οἰκίαν οὐκ εἶχεν οὐδὲν λαβεῖν; слова εἰς τὴν οἰκίαν самъ Бернгарди переводитъ in das *aus der Geschichte bekannte* Haus), и Матіе (стр. 711 § 267 выставляетъ прямо правило: Besnders steht der Artikel,—разумѣй собственный членъ,—auch wo er sonst nicht steht, wenn angezeigt werden soll, dass das Substantiv, zu dem es gehört, schon vorher genannt worden, oder etwas allgemein bekanntes, etwas bestimmtes ist), и Бутманъ (стр. 358 § 124 читаемъ у Бутмана правило, имѣющее такой же смыслъ, какъ и правило Матіэ), и Крюгеръ (§ 50. 2. 1 выражается о собственномъ членѣ тоже такъ).

оборотъ οἱ μέν—οἱ δέ· замѣчено также по поводу этого оборота, что ὁ указываетъ на предметы то неопредѣленные, то опредѣленные (*eigentlich nur* von bestimmten, *dann aber auch* von unbestimmten;—такъ говоритъ Бутманъ въ своей Griechische Grammatik 1858 г. стр. 346; въ послѣднихъ словахъ Бутмана заключены случаи, разобранные нами подъ пунктомъ I. 4. въ началѣ); кромѣ же этого пункта трудно найти другой, который сближалъ бы этихъ грамматиковъ другъ съ другомъ. Отсутствіемъ всякой группировки отличается книга Матіэ. — Бернгарди прежде всего старается увѣрить насъ, ссылаясь при этомъ на Аристарха (ссылка эта очень не вѣрная) [54]), что Гомеръ не зналъ „собственнаго члена“; потомъ онъ приводитъ изъ Гомера нѣкоторые примѣры «адвербіально-демонстративнаго» (sic) ὁ [55]), указываетъ на обороты: καὶ ὅς (оборотъ этотъ употребляется, какъ извѣстно, вмѣсто аттическаго ὁ δέ, указаннаго нами на стр. 87), адвербіальное τῷ=*посему* (см. мѣсто Од. 5. 311, приведенное нами на стр. 79), τῇ καὶ τῇ (=*туда и сюда*; оборотъ этотъ принадлежитъ къ 4-му нашему парагр.), τὸν καὶ τόν, ὁ μὲν—ὁ δέ, переходитъ затѣмъ къ случаямъ, подходящимъ у насъ подъ 2-й парагр., распространяется объ оборотѣ ἐν τοῖς при превосходной степени и, наконецъ, упоминаетъ объ ὁ, предупреждающемъ собою относительныя предложенія (напр. τῆς, οἷα παρ' ὑμῖν ἐστι, πολιτείας).

[54]) Бернгарди стр. 305 говоритъ собственно такъ: Homer selbst war noch unbekannt mit dem Artikel, oder einer Form, welche sich ausschliesslich als eine logische Auszeichnung und Charakteristik des Substantivbegriffs mit dem Namen verbinden sollte, wie auch die genaueren Grammatiker des Alterthums nach Aristarch's Vorgang mit geringen Abweichungen vom Dichter urtheilten. Насъ удивляютъ эти слова Бернгарди: такого значенія „собственнаго члена“, какое представляетъ Бернгарди, древніе грамматики вовсе не знали, не исключая даже самого Аполлонія, котораго Бернгарди по справедливости считаетъ самымъ глубокомысленнымъ и счастливѣйшимъ изъ древнихъ изслѣдователей нашего вопроса (unter jenen alteren Forschungen aber durfen uns als die tiefsinnigsten und glucklichsten die des Apollonius erscheinen;—стр. 314), какже они его въ самомъ дѣлѣ могли отрицать у Гомера? — Мало того, они даже не отдѣляли никакого „собственнаго члена“ отъ не-члена, а всякое ὁ называли ἄρθρον; они указывали только какъ на особенность значенія слова ὁ на ἀντωνυμικὴν σύνταξιν τοῦ ἄρθρου, о которой мы говорили въ 19 выноскѣ и которая разобрана почти (ср. стр. 83, 1 строчку) вся въ нашихъ 4-хъ параграфахъ, но это не имѣетъ, какъ видно, ничего общаго съ вопросомъ, рѣшаемымъ Бернгардимъ. Аполлоній дѣйствительно, по примѣру Аристарха, часто повторяетъ о языкѣ Гомера, что въ немъ ἐλλείπει ὁ λόγος συνήθως τοῖς ἄρθροις; въ этихъ словахъ, однако, заключается только такой смыслъ, что у Гомера ставится не вездѣ членъ, гдѣ его поставила бы аттическая проза, а отъ такого взгляда до отрицанія „собственнаго члена“ у Гомера очень далеко; можно даже сказать, что Аполлоній почти вездѣ свою ἀρθρικὴ σύνταξις τοῦ ἄρθρου (терминъ этотъ употребляется въ различіе отъ ἀντωνυμικὴ σύνταξις) только и объясняетъ мѣстами изъ Гомера.

[55]) Таковы: Ил. 18. 485 (τὰ τείρεα πάντα, τά τ' οὐρανὸς ἐστεφάνωται), Ил. 18. 486. (τό τε σθένος Ὠρίωνος), Ил 20. 257. (χεύαντες δὲ τὸ σῆμα) и Ил. 10. 11 (ἐς πεδίον τὸ Τρωικόν). Матіэ считаетъ въ этихъ примѣрахъ, во всѣхъ безъ исключенія, слово ὁ за приближающееся къ «собственному члену» (см. его грамматики § 264. 4).

Бутманъ, въ вышеуказанной книгѣ, приводитъ сначала случаи употребленія оборота οἱ μὲν—οἱ δέ, говоритъ потомъ о замѣнѣ этого оборота оборотомъ ὃς μέν—ὃς δέ, указываетъ на обороты: καὶ ὅς, ἥ δ' ὅς, τὸν καὶ τόν, адвербіальное τῷ, а заканчиваетъ статью о демонстративномъ ὁ утвержденіемъ, что *у Гомера* почти вездѣ ὁ ἡ τό есть demonstrativum; на три гомерическихъ мѣста, впрочемъ, показано имъ какъ на приближающіяся къ собственному члену, это именно: Ил. 1. 167 (σοὶ τὸ γέρας πολὺ μεῖζον· Матіэ въ этомъ примѣрѣ видитъ чистое demonstrativum;—см. его грамматики стр. 700), Ил. 7. 412 (τὸ σκῆπτρον ἀνέσχεθε πᾶσι θεοῖσι) и Ил. 12. 289 (τὸ δὲ τεῖχος ὑπὲρ πᾶν δοῦπος ὀρώρει).

Въ такомъ приблизительно тонѣ, какъ у Бернгарди и Бутмана, составлены замѣтки объ ὁ demonstrativum и у Крюгера. Всѣ эти грамматики, въ особенности же Крюгеръ, очень тщательно собирали все, что могло бы относиться къ опредѣленію значенія того ὁ, въ которомъ они видѣли не-членъ, но за ближайшее опредѣленіе этого не-члена они не брались.

Изъ нашихъ замѣтокъ видно, что у Бернгарди, Матіэ и Бутмана демонстративное ὁ идетъ далеко за предѣлы нашихъ 4-хъ пунктовъ. Бернгарди во всемъ Гомерѣ видитъ только ὁ demonstrativum, а Бутманъ и Матіэ не ушли далеко отъ него. Ближе становятся къ нашимъ 4-мъ пунктамъ предѣлы демонстративнаго ὁ у Крюгера, но на сколько они ближе и въ какомъ именно отношеніи наши 4 пункта находятся къ его ὁ demonstrativum, на это трудно отвѣтить, такъ какъ и онъ не объясняетъ намъ, что̀ онъ подразумѣваетъ подъ этимъ своимъ терминомъ. Бо̀льшею опредѣленностію въ ученіи объ ὁ «demonstrativum“ отличается, какъ мы уже сказали, Кюнеръ; его ученія, однако, мы коснемся только въ слѣдующей главѣ.

II. 1.

Изъ словъ Кюнера, высказанныхъ о демонстративномъ ὁ и помѣщенныхъ въ § 457. a. 1, мы выводимъ такой смыслъ: ὁ ἡ τό является демонстративнымъ тогда, когда говорящій посредствомъ его одного (субстантивное demonstrativum;— этотъ терминъ соотвѣтствуетъ Аполлоніевой ἀντωνυμικὴ σύνταξις), или въ соединеніи съ какимъ нибудь именемъ (адъективное demonstrativum) *анафоруетъ* (см. стр. 6 нашего сочиненія) предметъ, поелику этотъ послѣдній авторомъ или *предполагается* извѣстнымъ, или *сдѣланъ* извѣстнымъ *имъ самимъ* въ его разсказѣ [56]).

---

[56]) Кюнеръ выражается собственно такъ: In den homerischen Gedichten hat das Pronomen ὁ ἡ τό noch fast durchweg die Bedeutung eines so wohl substantivischen, als auch adjectivischen Demonstrativ's, das auf einen Gegenstand hinweist, ihn als einen bekannten oder besprochenen darstellt oder ihn vor die Seele des Hörenden rückt und vergegenwartigt.

Подводя подъ это правило всѣ значенія слова ὁ, разобранныя нами въ предыдущей главѣ, именно *синтаксическое* (см. 50-ю выноску), *пролептическое* (см. I. 2), *начинательное* (см. тамъ же), *вызывательное* (такимъ терминомъ обозначаемъ ὁ, разобранное въ I. 1), *распознавательное* (см. I. 3), *неопредѣленно-раздѣлительное* и *неопредѣленно-присоединительное* (см I. 4), мы видимъ, что два первыхъ значенія и два послѣднихъ остаются невходящими въ это правило; съ другой же стороны оно вмѣщаетъ въ себѣ многіе случаи, не вошедшіе у насъ вовсе въ предыдущую главу, такъ какъ мы имѣли дѣло почти [57]) исключительно только съ субстантивнымъ, по выраженію Кюнера, ὁ. Въ числѣ послѣднихъ (то есть неразъясненныхъ нами) случаевъ находятся какъ разъ тѣ, которые Кюнеръ въ своемъ правилѣ ставитъ на *первый* планъ, это именно случаи, въ которыхъ говорящій, какъ думаетъ Кюнеръ, черезъ употребленіе слова ὁ въ соединеніи съ какимъ нибудь именемъ (nomen, какъ склоняемой части рѣчи), *указываетъ на предметъ какъ на достаточно извѣстный слушателю.*

Не будемъ пока разсматривать въ этомъ правилѣ *основаніе отдѣленія* объясняемаго въ немъ ὁ отъ „собственнаго члена“ и отведенія ему термина pronomen demonstrativum; назвавъ такое ὁ, въ свою очередь, *историческимъ*, мы обсудимъ здѣсь *самый смыслъ* этого правила.

Приведенное правило Кюнера мы считаемъ недостаточнымъ. Дѣло въ томъ, что Кюнеръ подъ словомъ *предметъ* только и разумѣетъ, видно, то, что въ каждомъ данномъ синтаксическомъ цѣломъ выражено черезъ nomen, будетъ ли это синтаксическое цѣлое только какая нибудь часть предложенія (сравни: τοῦ Κύρου βασιλεύοντος πολλά τε καὶ καλὰ ἔργα ὑπὸ τῶν Περσῶν ἐπράχθη· выраженіе τοῦ Κύρου βασιλεύοντος—а оно есть только *часть* предложенія—представляется намъ самостоятельнымъ синтаксическимъ цѣлымъ), или полное предложеніе, или цѣлый рядъ предложеній. Кюнеръ не принялъ во вниманіе, что извѣстнымъ слушателю можетъ предполагаться не только *предметъ* въ принятомъ имъ смыслѣ этого слова, но и *все* содержаніе упомянутаго нами синтаксическаго цѣлаго.

Вотъ мѣста, отъ которыхъ мы считаемъ удобнымъ отправиться при разъясненіи историческаго ὁ.

Ил. 20. 147. Ὣς ἄρα φωνήσας ἡγήσατο κυανοχαίτης
τεῖχος ἐς ἀμφίχυτον Ἡρακλῆος θείοιο,
ὑψηλόν, τό ῥά οἱ Τρῶες καὶ Παλλὰς Ἀθήνη

---

57) Исключеніе составляютъ: Ил. 11. 186 и Од. 19. 535 на стр. 81, а затѣмъ Ил. 11. 48 на стр. 89, на сколько мы имѣли право смѣшивать такую ἀρθρικὴ συντάξις съ ἀντωνυμική, это разъяснится ниже.

ποίεον, ὄφρα τὸ κῆτος ὑπεκπροφυγὼν ἀλέαιτο,
ὁππότε μιν σεύαιτο ἀπ' ἠιόνος πεδίονδε.

Ил. 5. 559. οἵω τώγε λέοντε δύω ὄρεος κορυφῆσιν
ἐτραφέτην ὑπὸ μητρὶ βαθείης τάρφεσιν ὕλης·
τὼ μέν ἄρ' ἁρπάζοντε βόας καὶ ἴφια μῆλα
σταθμοὺς ἀνθρώπων κεραίζετον, ὄφρα καὶ αὐτὼ
ἀνδρῶν ἐν παλάμῃσι κατέκταθεν ὀξέι χαλκῷ.
τοίω τὼ χείρεσσιν ὑπ' Αἰνείαο δαμέντε
καππεσέτην, ἐλάτῃσιν ἐοικότες ὑψηλῇσιν.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ Ил. 20. 147 помѣченныя нами два предложенія суть цѣликомъ *историческій намекъ;* они намекаютъ на слѣдующій миѳъ (въ схоліяхъ Иліады, изданныхъ Беккеромъ, смотри стр. 556; миѳъ этотъ заимствовалъ схоліастъ у Гелланика):

Ποσειδῶν καὶ Ἀπόλλων, προστάξαντος Διὸς Λαομέδοντι θητεῦσαι, ἐπὶ μισθῷ τεταγμένῳ τὸ τεῖχος κατασκευάζουσιν· Λαομέδων δὲ παραβὰς τοὺς ὅρκους καὶ τὰς συνθήκας, μὴ δοὺς τὸν μισθὸν, ἀπήλασεν αὐτούς· ἀγανακτήσας δὲ Ποσειδῶν ἔπεμψε τῇ χώρᾳ κῆτος, ὃ τούς τε παρατυγχάνοντας ἀνθρώπους καὶ τοὺς γιγνομένους καρποὺς διέφθειρεν: μαντευομένῳ δὲ Λαομέδοντι χρησμὸς ἐδόθη Ἡσιόνην τὴν θυγατέρα αὐτοῦ βορὰν ἐκθεῖναι τῷ κήτει καὶ οὕτως ἀπαλλαγήσεσθαι τοῦ δεινοῦ· προθεὶς δὲ ἐκεῖνος τὴν θυγατέρα, μισθὸν ἐκήρυξε τῷ τὸ κῆτος ἀνελόντι τοὺς ἀθανάτους ἵππους δώσειν, οὓς Τρωὶ Ζεὺς ἀντὶ Γανυμήδους ἔδωκεν. Ἡρακλῆς δὲ παραγενόμενος ὑπέσχετο τὸν ἆθλον κατορθώσειν καὶ Ἀθηνᾶς αὐτῷ πρόβλημα ποιησάσης τὸ καλούμενον ἀμφίχυτον τεῖχος εἰσδὺς διὰ τοῦ στόματος εἰς τὴν κοιλίαν τοῦ κήτους αὐτοῦ τὰς λαγόνας δέφθειρεν.

Сравнивая этотъ миѳъ съ данными двумя предложеніями Иліады, мы видимъ, какъ много пришлось слушателю дѣлать дополненій къ послѣднимъ, если они не должны были остаться непонятыми. Гомеръ сдѣлалъ только самый *короткій намекъ* на этотъ миѳъ, и это дало ему поводъ употребить *одно* историческое ὁ; онъ могъ сдѣлать болѣе широкій намекъ на него, и это дало бы ему возможность *чаще* употреблять историческое ὁ; *припоминательная сила каждаго такого* ὁ *была бы, конечно, слабже, чѣмъ сила одного* ὁ *при теперешней редакціи нашего мѣста.* Въ предложеніи, читаемомъ у Θукидида 1. 9. 1. (Ἀγαμέμνων τέ μοι δοκεῖ τῶν τότε δυνάμει προύχων καὶ οὐ τοσοῦτον τοῖς Τυνδάρεω ὅρκοις κατειλημμένους τοὺς Ἕλένης μνηστῆρας ἄγων τὸν στόλον ἀγεῖραι) мы находимъ три историческихъ ὁ (синтаксическое цѣлое, служащее здѣсь историческимъ намекомъ, опять отмѣчено нами особо); ту же самую мысль можно было проще выразить такъ: Τότε Τρωικὸν στόλον, ὡς ἐμοὶ δοκεῖ, Ἀγαμέμνονος δύναμις, καὶ οὐ τοσοῦτον οἱ Τυνδάρεω ὅρκοι ἤγειραν. При послѣдней редакціи понадобились только два историческихъ ὁ и при выслушиваніи выраженія οἱ Τυνδάρεω ὅρκοι пришлось слуша-

теля припоминать себѣ гораздо больше, чѣмъ отъ него требовало выраженіе Θукидида. Бываютъ здѣсь еще и другія явленія: въ томъ мѣстѣ Платоновой Апологіи, гдѣ Сократъ объясняетъ судьямъ, какое было бы для него пріятное чувство быть въ аду καὶ ἐξετάσαι τὸν ἐπὶ Τροίαν ἀγαγόντα τὴν πολλὴν στρατιάν, употребленіе выраженія τὴν πολλὴν στρατιάν, гдѣ встрѣчается историческое ὁ, едва-ли было расчитано Сократомъ на то, чтобы его слушатели припоминали себѣ, кого именно Агамемнонъ повелъ подъ Трою; намъ кажется, что эти слова не намекали ни на что больше, чѣмъ сколько содержится въ самихъ словахъ πολλὴν στρατιάν; авторъ такимъ образомъ доходитъ часто при употребленіи историческаго ὁ до простаго *пересказыванія* [58]), не требующаго себѣ никакого пополненія со стороны слушателя, и *припоминательная сила* выраженій, имѣющихъ при себѣ ὁ, бываетъ очень слаба.

Въ русскомъ языкѣ роль такого историческаго ὁ исполняетъ слово *то*, приставляемое къ имени (потеп); кромѣ того появляется въ началѣ всего предложенія, выражающаго собою что нибудь, предполагаемое слушателю извѣстнымъ, слово *это*. (Говорятъ напр такъ когда *это* французы вторгнулись въ Москву—*то*, то и т. д ; съ послѣдняго слова *то* начинается разсказъ, имѣющій уже характеръ не *намека*а, а *заявленія*). Слово *это* принадлежитъ къ сказуемому, или скорѣе къ цѣлому предложенію, что очень на своемъ мѣстѣ, такъ какъ намекъ относится здѣсь не къ имени, а къ цѣлому предложенію. Такимъ образомъ русскій языкъ проводитъ свое слово, соотвѣтствующее греческому историческому ὁ, съ большею послѣдовательностью, чѣмъ греческій свое ὁ. Съ другой стороны нужно замѣтить, что къ самому *потеп*, въ разбираемыхъ нами случаяхъ, русскій языкъ *не всегда* прибавляетъ слово *то*; по большей части онъ для него выбираетъ такія слова, которыя больше нуждался въ дополненіи своего собственно содержанія или, другими словами, при которыхъ припоминательной силы больше. Такъ же бываетъ и въ греческомъ языкѣ; естественно, что въ подобныхъ случаяхъ безъ ὁ будутъ преимущественно собственныя имена и сказуемыя, какъ заключающія въ своемъ логи-

---

[58]) Мы должны, конечно, отличать пересказываніе, предполагающее содержаніе его *извѣстнымъ* слушателю, отъ такого пересказыванія, которое имѣетъ цѣлью *познакомить* слушателя съ своимъ содержаніемъ. Весь, сообщенный нами миѳъ Гелланика о чудовищѣ мы сами могли бы начать разсказывать словами Ἑλλανικὸς λέγει ὅτι и такимъ образомъ дали бы знать, что только *пересказываемъ* то, о чемъ другіе передъ нами говорили, на это еще не даетъ намъ право вносить *свое* историческое ὁ въ текстъ, если только не расчитываемъ на знаніе этого разсказа слушателемъ, а хотимъ только его сообщить ему, какъ новость для него.

ческомъ содержаніи *все*, что ими говорящій хочетъ представить, а съ ὁ будутъ прежде всего нарицательныя слова, употребляемыя (вопреки тому, что они есть собственно названія цѣлаго рода предметовъ) для обозначенія отдѣльныхъ индивидуумовъ, вошедшихъ случайно въ историческій фактъ, на который намекается.

Конечно, отъ такого эпическаго поэта, какимъ представляется намъ Гомеръ, мы менѣе всего ожидаемъ, что онъ въ своихъ поэмахъ будетъ ссылаться—не скажемъ на знаніе *предметовъ вообще*, а скажемъ только—на знаніе *фактовъ* (дѣло эпика есть *развить* передъ нами фактъ, *а не ссылаться* на него). Есть основаніе одобрять древнихъ комментаторовъ Иліады, если они возбуждаютъ сомнѣніе противъ поэтической подлинности приведеннаго нами мѣста: въ схоліяхъ Беккера мы читаемъ по поводу этого мѣста слѣдующее: ἡ διπλῆ, ὅτι οὕτως εἴρηκε σὺν τῷ ἄρθρῳ τὸ κῆτος, ὡς παραδεδομένης τῆς ἱστορίας τῆς περὶ τοῦ κήτους.

Перейдемъ ко второй изъ вышеприведенныхъ цитатъ. И здѣсь мы видимъ только намекъ на то, что предполагается извѣстнымъ слушателю. Ὁ употреблено здѣсь только при *одномъ* изъ существительныхъ(а именно при первомъ), что мы находимъ совершенно естественнымъ, потому что вообще не приходилось здѣсь слушателю ничего пополнять къ логическому содержанію каждаго изъ словъ, употребленныхъ въ этомъ намекѣ, а для того, чтобы только какъ нибудь *внести* характеръ намека въ это описаніе, достаточно было *одного* ὁ, особенно когда это ὁ приставлено къ слову, обозначающему *главный* предметъ описываемой въ этомъ намекѣ сцены. Въ такомъ взглядѣ на дѣло поддерживаетъ насъ аналогія прочувствованныхъ нами явленій чешскаго языка. Говорятъ напр. въ чешскомъ языкѣ такъ. on skáče, jako *ta* kočka, když si hrá s myší =онъ бѣгаетъ, какъ кошка, когда играется съ мышью; что этотъ примѣръ имѣетъ совершенно такой характеръ, какъ приведенный нами изъ Гомера, въ этомъ никто изъ насъ сомнѣваться не будетъ. Правда, и въ чешскомъ, и въ гомеровскомъ примѣрѣ встрѣчаются здѣсь одни имена *нарицательныя*, на которыя мы въ первой гомеровской цитатѣ указывали какъ на болѣе всего нуждающіеся въ ὁ при внесеніи ихъ въ намекъ; читатель, однако, видитъ, что нарицательныя имена нашихъ примѣровъ имѣютъ совершенно другой характеръ, чѣмъ нарицательныя имена въ намекахъ перваго разряда: здѣсь они остаются тѣмъ, чѣмъ они были и внѣ контекста, т. е. названіями *цѣлаго рода предметовъ* (generis, противоположнаго индивидууму), равно какъ и самая сцена, описываемая здѣсь, есть ничто другое, какъ что-то, принадлежащее *къ характеристикѣ этого рода предметовъ*.

Конечно, мы не найдемъ въ разбираемой нами цитатѣ того несоотвѣт-

ствія характеру эпической поэзіи, какое можно искать въ Ил. 20. 147; скорѣе удивляемся, почему Гомеръ не употреблялъ чаще въ подобныхъ случаяхъ историческаго ὁ. Все, что намъ здѣсь разсказывается, есть явленіе, съ которымъ, нужно предполагать, сжился и пѣвецъ, и его слушатель (а можетъ быть пѣвецъ и его слушатель сжились и съ миѳомъ, разсказаннымъ выше, такъ что замѣтка схоліаста о неподлинности оказалась бы потомъ неосновательною), и въ добавокъ самое отношеніе, въ которомъ находится этотъ разсказъ къ главному предмету разсказа (онъ представляетъ собою, какъ comparans, что то такое, на чемъ, какъ на извѣстномъ, должно быть выяснено разсказываемое comparatum), даетъ поэту право, безъ нарушенія эпическаго характера поэзіи, употребить историческое ὁ.

Употребленію историческаго ὁ *въ синтаксическомъ цѣломъ*, какъ указанію на извѣстность слушателю *содержанія этого синтаксическаго цѣлаго*, мы противополагаемъ употребленіе этого же ὁ при *одномъ томъ*, какъ указаніе на извѣстность слушателю *предмета*, обозначеннаго этимъ томъ. Такое ὁ съ томъ должно достигать того же самаго, чего достигло ὁ въ синтаксическомъ цѣломъ. оно должно вызвать въ сознаніи слушателя представленіе полное, непаходящееся въ зависимости отъ его контекста (отъ того синтаксическаго цѣлаго, въ которое оно входитъ), а контекстъ его долженъ имѣть уже характеръ не *намека*, а *заявленія*, или же, объясняясь въ примѣрахъ, оно должно относиться къ своему контексту, какъ въ приведенномъ нами примѣрѣ изъ 20-й книги Иліады вторая половина относится къ первой (сравни стр. 101 строка 19). Вопросъ возникаетъ такой: можно-ли дѣйствительно *однимъ* словомъ выразить все то, на что нами указываемо было выше, какъ на историческій намекъ: можно ли, напр., черезъ *одно* слово выразить такой историческій. фактъ, на какой намекаетъ Ил. 20. 147, или историческое какое нибудь учрежденіе, — можно ли дальше *однимъ* словомъ представить слушателю такой индивидуумъ, на какой намекаетъ приведенное мѣсто изъ Ѳукидида, или татакое дѣйствіе, на какое намекаегся въ Ил. 5. 559? На этотъ вопросъ мы отвѣтимъ *положительно*; имена, обозначающіл такіе предметы, бываютъ разные техническіе термины (сравни напримѣръ термины: τειχοσκοπία, βοιώταρχοι, θεωρός и другіе), собственныя имена (вмѣсто синтаксическаго цѣлаго, встрѣчающагося въ приведенномъ нами мѣстѣ изъ Ѳукидида, можно было поставить слово Ἀγαμέμνων), а затѣмъ, въ случаяхъ, какіе представляетъ Ил. 5. 559, обыкновенное нарицательное слово, какъ слово, указывающее на цѣлый родъ предметовъ, или на качества и дѣйствія, свойственныя этому роду предметовъ. Историческое ὁ, замѣченное нами въ синтаксическомъ цѣломъ, остается по большей части и при этихъ словахъ; хотя характеръ пересказыванія, замѣченный нами въ историческомъ цѣломъ, въ нихъ исчезъ, но за то являются многія изъ нихъ съ такимъ логическимъ содержаніемъ, которое

заключаетъ въ себѣ кромѣ предмета, выраженнаго ими въ данномъ случаѣ, и др предметы, такъ что ихъ для даннаго случая приходится *специализировать* [58]) (сравни слово θεωρός; оно обозначаетъ прежде всего каждаго *зрителя вообще*); въ другихъ же случаяхъ, хотя и содержаніе словъ вполнѣ соотвѣтсвуетъ тому, что при посредствѣ ихъ авторъ хочетъ представить (сравни слово βοιώταρχοι; это слово выработала исторія и оно имѣетъ уже опредѣленное значеніе, такое, приблизительно, какое имѣютъ собственныя слова), все же лучше, если говорящій употребитъ особенное средство для *вызова* въ сознаніи слушателя представленія, затемненнаго, можетъ быть, въ минуту внесенія самаго предмета въ контекстъ, такъ какъ это представленіе не составлялось у него исподволь (такъ бываетъ при техническихъ терминахъ), менѣе произвольнымъ и менѣе сознательнымъ *путемъ*, а опредѣлилось у него *разъ, путемъ изученія*. Такой же смыслъ, какой имѣетъ ὁ при техническихъ терминахъ, нужно придавать ему и при *собственныхъ именахъ*, а къ общимъ *нарицательнымъ словамъ*, упомянутымъ на предыдущей страницѣ (въ 6 строкѣ снизу), хорошо прибавлять ὁ для того, чтобы вызвать какъ можно полное, опять таки какъ то научно пріобрѣтенное представленіе *всѣхъ* качествъ обозначаемаго ими рода предметовъ. О послѣднихъ случаяхъ говоритъ Аполлоній (см. περὶ συντ. стр. 26), что въ нихъ ὁ есть ἀναφορικὸν κατ' ἐξοχήν (ὁ φιλόσοφος равняется выраженію *истинный философъ*).

II. 1.

Отъ историческаго ὁ мы должны отличать ὁ *адъективно-субституціональное*. Послѣднее употребляется разсказчикомъ при поименованіи такихъ предметовъ, о которыхъ онъ самъ уже говорилъ, или на которые, *въ томъ случаѣ если они находились на лицо*, самъ указалъ. При существованіи въ языкѣ адъективно-субституціональнаго ὁ лучше вяжутся отдѣльныя части разсказа, чѣмъ безъ него. Вызывая предметъ при посредствѣ указанія на него словомъ ὁ изъ той части разсказа, въ которой было уже объ немъ упомянуто, говорящій заставляетъ насъ припоминать всю часть разсказа, изъ которой предметъ анафоруется, и такимъ образомъ, продолжая объ немъ повѣствовать, больше обезпечиваетъ себя въ содѣйствіи слушателя лучшему пониманію его разсказа. И здѣсь русское *то* замѣняетъ греческое ὁ. Примѣрами пусть служатъ слѣдующія группы мѣстъ:

Первая группа:

Од. 10. 517. Ἀλλ' ὅτε δή ῥ' ἐπὶ νῆα θοὴν καὶ θῖνα θαλάσσης

[58]) Вообще же спеціализація словъ здѣсь крайне рѣдка; вмѣсто словъ τὸν ἐπὶ Τροίαν ἀγαγόντα τὴν πολλὴν στρατιάν, приведенныхъ выше изъ Апологіи, не достаточно поставить напр. τὸν ἥρωα, а нужно непремѣнно соединить такое слово, если уже настаиваешь на его употребленіи, съ какимъ нибудь другимъ словомъ, или оборотомъ, чтобы была достигнута искомая цѣль.

ἤομεν ἀχνύμενοι, θαλερὸν κατὰ δάκρυ χέοντες,
τόφρα δ' ἄρ' οἰχομένη Κίρκη παρὰ νηῒ μελαίνῃ
ἀρνειὸν κατέδησεν ὄιν θῆλύν τε μέλαιναν,
ῥεῖα παρεξελθοῦσα·

Од. 11. 4. Αὐτὰρ ἐπεί ῥ' ἐπὶ νῆα κατήλθομεν ἠδὲ θάλασσαν...
ἐν δὲ τὰ μῆλα λαβόντες ἐβήσαμεν, ἂν δὲ καὶ αὐτοὶ
βαίνομεν ἀχνύμενοι, θαλερὸν κατὰ δάκρυ χέοντες.

Од. 11. 20. νῆα μὲν ἔνθ' (разумѣй: εἰς Κιμμερίων χώραν) ἐλθόντες
ἐκέλσαμεν, ἐκ δὲ τὰ μῆλα
εἰλόμεθα.

Од. 11. 35. τοὺς δ' ἐπεὶ εὐχωλῇσι λιτῇσί τε, ἔθνεα νεκρῶν,
ἐλλισάμην, τὰ δὲ μῆλα λαβὼν ἀπεδειροτόμησα
ἐς βόθρον.

Вторая группа:

Од. 9. 332. αὐτὰρ τοὺς ἄλλους κλήρῳ πεπαλάσθαι ἄνωγον,
ὅστις τολμήσειεν ἐμοὶ σὺν μοχλὸν ἀείρας
τρῖψαι ἐν ὀφθαλμῷ, ὅτε τὸν γλυκὺς ὕπνος ἱκάνοι.

Од. 9. 375. ἦ καὶ ἀνακλινθεὶς πέσεν ὕπτιος...
... κὰδ δέ μιν ὕπνος
ἧρει πανδαμάτωρ...
καὶ τότ' ἐγὼ τὸν μοχλὸν ὑπὸ σποδοῦ ἤλασα πολλῆς,
εἵως θερμαίνοιτο· ἔπεσσί τε πάντας ἑταίρους
θάρσυνον, μή τίς μοι ὑποδδείσας ἀναδύῃ.
ἀλλ' ὅτε δὴ τάχ' ὁ μοχλὸς ἐλάϊνος ἐν πυρὶ μέλλεν
ἄψεσθαι...

Третья группа:

Од. 17. 371. τοῖσι δὲ καὶ μετέειπε Μελάνθιος αἰπόλος αἰγῶν
»κέκλυτέ μευ μνηστῆρες ἀγακλειτῆς βασιλείης
τοῦδε περὶ ξείνου (указываетъ на лице). ἦ γὰρ μὶν πρόσθεν
ὄπωπα

Од. 17. 398. ἦ ρα καὶ Ἀντίνοον ἔπεα πτερόεντα προσηύδα
»Ἀντίνο' ἦ μευ καλὰ πατὴρ ὣς κήδεαι υἷος,
ὃς τὸν ξεῖνον (анафорически) ἄνωγας ἀπὸ μεγάροιο δίεσθαι. [60])

На сколько отличается историческое ὁ отъ адъективно-субстиціональнаго, это для насъ ясно: что при первомъ ὁ говорящій апафоровалъ изъ свѣдѣній слушателя, то онъ теперь анафоруетъ изъ собственнаго разсказа. Ана-

[60]) Такъ же мы смотримъ и на мѣсто Ил 2. 275, приведенное нами на стр. 74: слово τὸν λωβητῆρα относится къ Θерситу, и все это мѣсто есть только *продолженіе* разсказа объ этомъ лицѣ.

форированіе это можетъ совершаться опять или при посредствѣ *синтаксическаго цѣлаго* (указывать на примѣры считаемъ лишнимъ), или при посредствѣ *одного потеп.* (При выборѣ этого потеп не требуется здѣсь такая осторожность, какая требовалась при историческомъ ὁ. Спеціализація словъ получаетъ здѣсь больше простора: словомъ ὁ ἥρως, на которое мы указывали въ 59 выноскѣ какъ на недостаточное при историческомъ ὁ, можетъ оказаться здѣсь достаточнымъ, потому что самъ *контекстъ* способствуетъ уразумѣнію его). И въ томъ и въ другомъ случаѣ говорящій требуетъ, чтобы слушатель подставлялъ или субституировалъ—отсюда происходитъ названіе нашего ὁ—все то, что было прежде имъ сказано о томъ же предметѣ, такъ какъ оно пополняетъ *смыслъ* анафорующаго *синтаксическаго цѣлаго*, или охарактеризовало *предметъ*, обозначенный черезъ анафорующее *потеп.*

Мы, конечно, не будемъ поднимать вопроса о томъ, до какихъ размѣровъ можетъ доходить разстояніе, на которомъ стоятъ другъ отъ друга первый разсказъ отъ ссылки на него, или какой степени можетъ достигнуть *экстенсивная сила* адъективно-субституціональнаго ὁ; самое меньшее разстояніе мы находимъ въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ адъективно-субституціональное ὁ замѣняетъ собою *субстантивное* ὁ въ вызывательномъ, начинательномъ и распознавательномъ его значеніяхъ (во всѣхъ этихъ значеніяхъ ὁ является субстантивно-субституціональнымъ). Сказанное нами доказываютъ слѣдующія мѣста.

Ил. 10. 77. Ὣς εἰπὼν ἀπέπεμπεν ἀδελφεόν, εὖ ἐπιτείλας.
αὐτὰρ ὁ βῆ ῥ' ἰέναι μετὰ Νέστορα, ποιμένα λαῶν·
τὸν δ' εὗρεν παρά τε κλισίῃ καὶ νηὶ μελαίνῃ
εὐνῇ ἔνι μαλακῇ· παρὰ δ' ἔντεα ποικίλ' ἔκειτο,
ἀσπὶς καὶ δύο δοῦρε φαεινή τε τρυφάλεια.
πὰρ δὲ ζωστὴρ κεῖτο παναίολος, ᾧ ῥ' ὁ γεραιὸς
ζώννυθ', ὅτ' ἐς πόλεμον φθισήνορα θωρήσσοιτο.

Ил. 5. 794. Ὣς εἰποῦσ' ὤτρυνε μένος καὶ θυμὸν ἑκάστου.
Τυδείδῃ δ' ἐπόρουσε θεὰ γλαυκῶπις Ἀθήνη·
εὗρε δὲ τόνγε ἄνακτα παρ' ἵπποισιν καὶ ὄχεσφιν
ἕλκος ἀναψύχοντα, τό μιν βάλε Πάνδαρος ἰῷ.

Ил. 24. 252. ἦ καὶ σκεπανίῳ δίεπ' ἀνέρας· οἱ δ' ἴσαν ἔξω
σπερχομένοιο γέροντος· ὁ δ' υἱάσιν οἷσιν ὁμόκλα
νεικειών Ἕλενόν τε Πάριν τ' Ἀγάθωνά τε δῖον
Πάμμονα τ' Ἀντίφονόν τε βοὴν ἀγαθόν τε Πολίτην
Δηίφοβόν τε καὶ Ἱππόθοον καὶ Δῖον ἀγαυόν.
Ἐννέα τοῖς ὁ γεραιὸς ὁμοκλήσας ἐκέλευσεν.

Ил. 1. 35. Ὣς ἔφατ', ἔδδεισεν δ' ὁ γέρων (Χρύσης) καὶ ἐπείθετο μύθῳ.
βῆ δ' ἀκέων παρὰ θῖνα πολυφλοίσβοιο θαλάσσης,
πολλὰ δ' ἔπειτ' ἀπάνευθε κιὼν ἠρᾶθ' ὁ γεραιὸς

Ἀπόλλωνι ἄνακτι, τὸν ἠύκομος τέκε Λητώ.

Сюда же принадлежатъ примѣры, о которыхъ мы говорили въ 57 выноскѣ (ὁ съ поmеп вмѣсто простаго ὁ возможно, видно, и при пролептическомъ употребленіи слова ὁ). Отъ *произвола* поэта (столько мы можемъ сказать въ отвѣтъ на вопросъ, поставленный нами въ той же выноскѣ) зависитъ — дать анафоруемому предмету любое [61]) названіе или анафоровать его, при такой слабой экстенсивной силѣ анафоры, черезъ одно ὁ.

Сопоставимъ теперь эти примѣры съ слѣдующими:

Од. 18. 223. οἷον δὴ τόδε ἔργον ἐνὶ μεγάροισιν ἐτύχθη,
ὃς τὸν ξεῖνον ἔασας ἀεικισθήμεναι οὕτως.
πῶς νῦν, εἴ τι ξεῖνος ἐν ἡμετέροισι δόμοισιν
ἧμενος ὧδε πάθοι ῥυσταχτύος ἐξ ἀλεγεινῆς;
σοί κ᾽ αἶσχος λώβη τε μετ᾽ ἀνθρώποισι πέλοιτο.

Ил. 24. 248. ὁ δὲ (Πρίαμος) Τρῶας μὲν ἅπαντας
αἰθούσης ἀπέεργεν ἔπεσσ᾽ αἰσχροῖσιν ἐνίσσων·

слѣдуетъ прямая рѣчь, послѣ которой читаемъ

Ἦ καὶ σκηπανίῳ δίεπ᾽ ὀνέρας· οἱ δ᾽ ἴσαν ἔξω
σπερχομένοιο γέροντος.

Од. 8. 544. ἀλλ᾽ ἄγ᾽ ὁ μέν σχεθέτω, ἵν᾽ ὁμῶς τερπώμεθα πάντες
ξεινοδόκοι καὶ ξεῖνος, ἐπεὶ πολὺ κάλλιον οὕτως·
εἵνεκα γὰρ ξείνοιο τάδ᾽ αἰδοίοιο τέτυκται,
πομπὴ καὶ φίλα δῶρα, τά οἱ δίδομεν φιλέοντες.

Ил. 3. 249. Послѣ того, какъ Елена познакомила Пріама съ Аяксомъ и Идоменеемъ...

...κήρυκες δ᾽ ἀνὰ ἄστυ θεῶν φέρον ὅρκια πιστά,
ἄρνε δύω καὶ οἶνον ἐύφρονα, καρπὸν ἀρούρης,
ἀσκῷ ἐν αἰγείῳ· φέρε δὲ κρητῆρα φαεινὸν
κῆρυξ Ἰδαῖος ἠδὲ χρύσεια κύπελλα·
ὤτρυνεν δὲ γέροντα παριστάμενος ἐπέεσσιν.

Изъ этого сопоставленія мы видимъ, что въ Гомерѣ при вторичномъ упоминаніи объ одномъ и томъ же предметѣ не всегда приходится употреблять слово ὁ [62]) и что совершенно достаточно для анафоры простое поmеп,

[61]) Выборъ этихъ названій бываетъ самый разнообразный (ср. стр. 106, 4 строку) Различія между существительнымъ и прилагательнымъ или причастіемъ тутъ не чувствуемъ; слова τῷ μὲν ἄρα δεῖλῳ (Ил 5. 574), αὐτὰρ ὁ διογενής (Ил. 21, 17), τὸν δίστηνον (Од. 20. 224) достигаютъ такой же цѣли, какой и существительныя.

[62]) То обстоятельство, что въ Гомерѣ, какъ видно изъ приведенныхъ нами послѣднихъ двухъ группъ примѣровъ, а также изъ сравниваемыхъ съ ними группъ, указываемыхъ на стр. 106 (строка 18), одна и таже цѣль достигается и постановкою оборота напр. ὁ γέρων, и постановкою простаго γέρων, или даже простаго ὁ, дало, вѣроятно, поводъ нѣкоторымъ грамматикамъ принимать въ оборотѣ ὁ γέρων и слово ὁ и слово γέρων за два само-

хотя бы даже нарицательное и принадлежащее не исключительно анафоруемому имъ предмету. Послѣднее можно было допустить особенно потому, что само мѣсто, изъ котораго предметъ анафоруется, очень близко къ мѣсту, гдѣ происходитъ анафора; простымъ потеп замѣняется здѣсь не только простое ὁ но и (какъ читателю остановится яснымъ послѣ сказаннаго въ I главѣ этой части) слово οὗ, οἵ, ἕ ἀυτός, и потеп это не могло остаться, конечно, непонятымъ слушателемъ (если слушатель могъ понимать οὗ, οἵ, ἕ, не имѣющее никакого *знаменательнаго* значенія, то тѣмъ больше могъ понять какое нибудь γέρων, употребленное вмѣсто οὗ).

Что ὁ могло быть также пропущено при вторичномъ появленіи собственныхъ именъ, какъ словъ, принадлежащихъ исключительно тѣмъ предметамъ, которые въ извѣстномъ случаѣ анафоруются изъ предшествующаго, и что его отсутствіе вовсе не препятствуетъ той дѣятельности слушателя, вызывать которую способно само ὁ, объ этомъ нѣтъ нужды распространяться.

Дальше мы понимаемъ пропущеніе адъективно субституціональнаго ὁ и въ нарицательныхъ словахъ, когда они предназначены разскащикомъ для обозначенія такихъ предметовъ, которые, если даже объ нихъ разъ уже была рѣчь и если была бы возможность анафоровать ихъ изъ предъидущаго контекста, ничуть не оопредѣлились бы больше при посредствѣ анафоры, чѣмъ безъ нея.

стоятельныхъ, совершенно независящихъ другъ отъ друга (по вопросу объ обозначеніи ими предмета) слова; слово γέρων они толкуютъ въ смыслѣ аппозиціональнаго прибавленія къ слову ὁ (переводя оборотъ ὁ γέρων словами: *онъ, старикъ*), и расширяютъ такимъ образомъ въ Гомерѣ предѣлы „демонстративнаго“ ὁ. Мы, съ своей стороны, должны указать на большую разницу между нашимъ ὁ γέρων и между тѣми явленіями, которыми мы опровергали ученіе Тирша о рубежѣ между „собственнымъ членомъ“ и „демонстративнымъ“ ὁ (и въ которыхъ дѣйствительно можно толковать ὁ за самостоятельное слово; см. отр. 95). Разница эта заключается не столько въ разстановкѣ (здѣсь существительное слѣдуетъ непосредственно за словомъ ὁ, тамъ между ὁ и существительнымъ вставлены другія слова), сколько въ томъ, что въ нашемъ ὁ γέρων слово, употребленное для *поименованія* предмета, есть существительное *нарицательное* (тамъ мы встрѣчали имя *собственное*), принадлежащее, по своему логическому содержанію, еще другимъ предметамъ кромѣ того, который имъ здѣсь обозначается. Какъ, спрашиваемъ, посмотрѣли бы тѣ, которыхъ касается эта выноска, на нашъ оборотъ, если бы грамматическій родъ такого нарицательнаго слова не согласовался бы *съ природнымъ родомъ* (можно даже сказать съ родомъ *собственнаго имени*) анафоруемаго имъ предмета если бы напр. какой нибудь Θерситъ анафоруемъ былъ у Гомера, при одинаковой съ нашими примѣрами экстенсивной силѣ анафоры, оборотомъ τὸ ἀνθρώπιον)? Трудно было бы, должно быть, держаться имъ такого взгляда. Мы въ чередованіи простаго ὁ съ оборотомъ ὁ γέρων и съ простымъ γέρων видимъ такое же явленіе, какое замѣчается въ мѣстахъ, въ которыхъ слово τὸ (средній родъ) чередуется съ выраженіемъ ὁ μῦθος (муж. родъ; тутъ уже ни кто не можетъ принимать ὁ за самостоятельное слово; примѣры сравни на стр. 81 и съ простымъ μῦθος. О возможности послѣдняго свидѣтельствуетъ Ил. 1. 33 и др. Въ Ил. 1. 33 читаемъ такъ:

„ἀλλ᾽ ἴθι, μή μ᾽ ἐθέριξε, σαώτερος ὥς κε νέηαι“
ὣς ἔφατ᾽, ἔδδεισεν δ᾽ ὁ γέρων καί ἐπείθετο μύθῳ.

При такихъ условіяхъ пропускается ὁ иногда *и въ аттическомъ языкѣ;* сравни Memor. II. 1. 12: Ἀλλ' εἰ μέν, ἔφη ὁ Σωκράτης, ὥσπερ οὔτε δι' ἀρχῆς οὔτε διὰ δουλείας ἡ ὁδὸς αὕτη φέρει, οὕτω μηδὲ δι' ἀνθρώπων, ἴσως ἄν τι λέγοις· εἰ μέντοι ἐν ἀνθρώποις ὧν μήτε ἄρχειν ἀξιώσεις μήτε ἄρχεσθαι μήτε τοὺς ἄρχοντας ἑκὼν θεραπεύσεις, οἶμαί σε ὁρᾶν, ὡς ἐπίστανται οἱ κρείττονες τοὺς ἥττονας καὶ κοινῇ καὶ ἰδίᾳ κλίνοντας καθιστάντες δούλοις χρῆσθαι.

Ὁ можетъ быть пропущено также, если авторъ вовсе не хочетъ связывать мѣста, въ которомъ онъ упоминаетъ вторично о предметѣ, съ мѣстомъ, въ которомъ предметъ въ первый разъ былъ представленъ. Если въ Од. 10. 528 разсказывается, какъ Кирка совѣтовала Одиссею при входѣ въ адъ... ὄιν ἀρνειὸν ῥέζειν θῆλύν τε μέλαιναν εἰς Ἔρεβος στρέψαντι, и затѣмъ (въ Од. 572) слѣдуетъ разсказъ, какъ та же Кирка ему, собравшемуся отплыть изъ острова... οἰχομένῃ νηὶ μελαίνῃ ἀρνειὸν κατέδησεν ὄιν θῆλύν τε μέλαιναν, то вторая сцена, разсказываемая Одиссеемъ, могла быть представлена совсѣмъ внѣ связи съ предъидущимъ мѣстомъ (слова ἀρνειὸν ὄιν θῆλύν τε μέλαιναν не нужно было пополнять мыслію: которые Одиссей долженъ былъ по совѣту Кирки принести въ жертву) и могла обойтись безъ субституціональнаго ὁ. Другое дѣло Од. 9 550. Въ этомъ мѣстѣ разсказываетъ Одиссей, какъ онъ и дружина его, освободившись отъ преслѣдованія Киклопа... μῆλα Κύκλωπος γλαφυρῆς ἐκ νηὸς ἐλόντες δάσσαντο, ἀρνειὸν δ' αὐτῷ (Одиссею) εὐκνήμιδες ἑταῖροι μήλων δαιομένων δόσαν ἔξοχα,— и дѣйствительно, нельзя не только неприводить это мѣсто въ связь съ тѣмъ мѣстомъ, въ которомъ Одиссей разсказываетъ о спасительномъ для него выпущеніи изъ пещеры овецъ и барана (Од 9. 425—432), но—а это самое важное въ нашемъ вопросѣ— слово ἀρνειός должно получить оттуда свое болѣе точное опредѣленіе (тотъ самый баранъ, который вынесъ Одиссея изъ пещеры), такъ что въ самомъ дѣлѣ, какъ Аполлоній выражается (περὶ συντ. 5. 23),... ὁ λόγος ἐπιζητεῖ τὴν ἀναφορὰν τοῦ ἀρνός, отсутствіе же слова ὁ здѣсь, особенно при такой значительной экстензивной силѣ анафоры, доказываетъ, что языкъ Гомера во всякомъ случаѣ не успѣлъ развить въ себѣ въ такой степени адъективно-субституціональное ὁ, въ какой развилъ его аттическій языкъ.

II. 3.

Въ тѣсной связи съ историческомъ и анафорическомъ ὁ находится ὁ *контекстивное.*

Внесши извѣстный предметъ въ представленіе, говорящій можетъ вслѣдъ затѣмъ наткнуться на такое потеп, которое обозначаетъ или принадлежность внесеннаго въ представленіе предмета, или вообще что нибудь, находящееся въ связи съ нимъ. Мы найдемъ естественнымъ, если то, что имѣетъ быть обозначено этимъ потеп, войдетъ въ представленіе самаго говорящаго и *сообра-*

жающаго слушателя раньше его поименованія, именно вмѣстѣ со внесеніемъ въ представленіе вышеупомянутаго предмета; поэтому говорящему, въ то время, когда онъ намѣревается поименовать такую принадлежность предмета, или то, что находится въ связи съ нимъ, приходится *вызывать* все это уже изъ *предетавленія*, что, конечно, повлечетъ за собою постановку слова ὁ къ вышеупомянутому поше.

Примѣровъ у Гомера встрѣчается очень много. Сравни:

1) Ил. 18. 486 Гефэстъ, па щиту, который готовился для Ахилеса...

... γαῖαν ἔτευξεν, ἐν δ' οὐρανόν, ἐν δε θάλασσαν
ἠέλιόν τ' ἀκαμάντα σελήνην τε πλήθουσαν,
ἐν δὲ τὰ τείρεα πάντα, τά τ' οὐρανὸς ἐστεφάνωται
Πληιάδας θ' Ὑάδας τε τό τε σθένος Ὠριώνος
ἄρκτον θ' ἣν καὶ ἅμαξαν ἐπίκλησιν καλέουσιν

Сложное выраженіе τὸ σθένος Ὠρίωνος (оно поставлено здѣсь вмѣсто простаго Ὠρίων: σθένος Ὠρίωνος περιφραστικῶς τὸν Ὠρίωνα — схоліастъ) привлечено здѣсь первыми частями происходящаго здѣсь перечисленія извѣстныхъ древнимъ грекамъ-мореплавателямъ созвѣздій, при которомъ нельзя уже было обойти молчаніемъ Оріона.

2) Ил. 7. 412. разсказывается объ Агамемнонѣ, что онъ поклявшись Зевесомъ ...ὣς εἰπὼν τὸ σκῆπτρον ἀνέσχεθε πᾶσι θεοῖσιν.

О предметѣ σκῆπτρον не было передъ тѣмъ и помину; однако самого Агамемнона, уже при выведеніи его поэтомъ на сцену, трудно было и поэту и его слушателю иначе представить себѣ, какъ съ скипетромъ въ рукѣ, а потому поэтъ, разсказывая объ этомъ скипетрѣ, могъ его *анафоровать*.

3) Также мы понимаемъ слово τὸ σκῆπτρον, встрѣчающееся въ Ил. 10. 321. Долонъ здѣсь говоритъ Гектору:

Ἕκτορ, ἐμ' ὀτρύνει κραδίη καὶ θυμὸς ἀγήνωρ
νηῶν ὠκυπόρων σχεδὸν ἐλθέμεν ἔκ τε πυθέσθαι
ἀλλ' ἄγε μοι τὸ σκῆπτρον ἀνάσχεο, καί μοι ὄμοσσον.

Грамматики любятъ приводитъ и этотъ примѣръ (ср. стр. 74) для доказательства первоначальной демонстративной силы слова ὁ и объясняютъ, что оно здѣсь употреблено для сопровожденія жеста, указывающаго на скипетръ. Мы видимъ только *случайность* въ томъ, что здѣсь можно Долону *жестомъ* указать на σκῆπτρον; указаніе это, однако, вовсе не имѣло цѣлью ближайшее ознакомленіе съ предметомъ,—и если бы Долонъ въ *отсутствіи Гектора* сообщалъ туже рѣчь другому лицу, или самъ Гомеръ передавалъ бы эту рѣчь своему слушателю какъ oratio obliqua, то оба они могли бы слово σκῆπτρον также опять соединить съ ὁ; примѣръ этотъ былъ бы потомъ совершенно одинаковъ, по отношенію къ выраженію τὸ σκῆπτρον, съ приведеннымъ нами выше Ил. 7. 412. Такой характеръ, какъ Ил. 10. 821, имѣетъ и

Ил. 23. 75. (καί μοι δὸς τὴν χεῖρ' ὀλοφόρομαι [63]) и другіе

Нѣтъ сомнѣнія, что Гомеръ гораздо чаще пользовался бы контекстивнымъ ὁ, если бы это не было въ ущербъ эпической вѣскости словъ, въ силу которой каждое знаменательное слово должно *только вносить* въ представленіе матеріалъ для картины рисующейся въ немъ, но никакъ не *предполагать* въ немъ этотъ матеріалъ. Если мы судимъ правильно о значеніи слова ὁ, то совсѣмъ другой характеръ имѣетъ мѣсто напр. въ

Ил. 10. 110. (σπερχόμενος δ' ἀπὸ τοῖν ἐσύλα τεύχεα καλὰ),

чѣмъ оно имѣло бы, если слова τεύχεα καλὰ были бы соединены съ ὁ Въ послѣдней конструкціи (τὰ τεύχεα) будетъ ὁ контекстивное, такъ какъ *соображающему* слушателю трудно было при этомъ контекстѣ другое ожидать, кромѣ именно этихъ словъ; но эпика не расчитываетъ на *сообразительность* слушателя—она имѣетъ дѣло только съ *впечатлительностью его.*

***

Единственные изъ нашихъ шести грамматиковъ, упомянувшіе объ этомъ ὁ, оказываются Крюгеръ и Кюнеръ [64]). Въ различіе отъ предъидущихъ оттѣнковъ его, на сколько, разумѣется, эти послѣдніе ими затронуты, они оба называютъ наше ὁ „собственнымъ членомъ". Мы видимъ, однако, какъ слаба та опора, какую можно здѣсь найти для положенія преграды между этимъ ὁ и предшествующими его оттѣнками и для принятія его началомъ для новой какой нибудь половины въ симазіологіи слова ὁ. Какъ историческое, адъективно субституціональное и субстантивно-субституціональное ὁ, такъ и контекстивное ὁ опираются своимъ появленіемъ на матеріалъ, *заранье* опредѣлившійся и у слушателя, и у говорящаго. У говорящаго возстановленіе этого матеріала въ самый моментъ произношенія извѣстнаго синтаксическаго

---

[63]) Сюда принадлежатъ и мѣста Ил. 1. 20, 3. 54 и 4. 399, упомянутыя нами на на стр. 74 (срани 60 выноску).

[64]) Крюгеръ 50. 2. 3 выражается о немъ такъ: Gleichfalls deiktisch steht der Artikel, in so fern der Begriff als einem vorschwebenden Gegenstande naturlich, notorisch oder ublicher Weise zukommend gedacht wird. У Кюнера § 461. E. 2 читаемъ такъ: Der Artikel tritt sehr haufig zu Gattungsnamen, um denselben als den einem Gegenstande zugehorigen, eigenen, zukommenden, mit ihm in einer nothwendigen Beziehung oder Verbindung stehenden zu bezeichnen.

Въ примѣрахъ, приведенныхъ въ предыдущей выноскѣ а также въ приведенныхъ въ текстѣ легко найти мѣста, напоминающія намъ правило Кюнера (продолженіе правила, приведеннаго нами въ этой выноскѣ), которое гласитъ, что ὁ замѣняетъ собою очень часто притяжательное мѣстоименіе (der Artikel vertritt sehr haufig die Stelle der Posessivpronomen). Да, его можно оправдать не только при употребленіи его *вмѣсто* мѣстоименія притяжательнаго (замѣтка Кюнера о такой замѣнѣ вытекаетъ непосредственно изъ значенія контекстивнаго ὁ, смотри въ *нашемъ* правилѣ контекстивнаго ὁ первый случай), но и *вмѣстѣ* съ нимъ; Гомеръ употребляетъ слово ὁ *вмѣстѣ* съ притяж. мѣст. довольно часто (см. Ил. 15. 58, 18. 451; Од. 14. 153, 19. 487; Ил. 68. 457 и т. д.).

цѣлаго и пріуроченіе его къ этому цѣлому вызываетъ постановку слова ὁ, а у слушателя, наоборотъ, послѣдняя (т. е постановка слова ὁ) вызываетъ первое. Такой смыслъ имѣетъ слово ὁ во всѣхъ сопоставленныхъ здѣсь оттѣнкахъ его не исключая даже — столько мы можемъ сказать въ отвѣтъ на вопросъ, поставленный нами на стр 90 (строка 6) — распознавательное ὁ.

Если уже раздѣлять всю симазіологію слова ὁ на двѣ половины, то болѣе *рѣзкое* различіе замѣчается между всѣми упомянутыми здѣсь оттѣнками слова ὁ съ одной стороны и между субстантивно-раздѣлительнымъ, субстантивно-присоединительнымъ, пролептическимъ и синтаксическимъ ὁ съ другой стороны Въ послѣднемъ разрядѣ ὁ *не вноситъ*, какъ это бываетъ въ первомъ, въ извѣстное синтаксическое цѣлое картину *полную*, заранѣе приготовленную, а только набрасываетъ въ представленіи слушателя контуръ, который въ однихъ случаяхъ такъ и остается контуромъ (при τὸν καὶ τόν, ἔνθα καὶ ἔνθα), въ другихъ же—получаетъ болѣе полное содержаніе или въ самомъ томъ синтаксическомъ цѣломъ, въ которомъ появляется ὁ, или въ слѣдующемъ.

1, 4,

Отправимся теперь отъ Ил. 7. 442. Мѣсто это слѣдующее:

Ὣς οἱ μὲν πονέοντο καρηκομόωντες Ἀχαιοί·
οἱ δὲ θεοὶ πὰρ Ζηνὶ καθήμενοι ἀστεροπητῇ
θηεῦντο μέγα ἔργον Ἀχαιῶν χαλκοχιτώνων.

Употребленное въ этомъ примѣрѣ слово οἱ въ соединеніи съ словомъ θεοί никто изъ насъ не назоветъ ни историческимъ, ни адъективно-субституціональнымъ. Причина перваго нашему читателю ясна, а для убѣжденія его во второмъ достаточно сообщить, что о богахъ во всей 7-й книгѣ Иліады не было рѣчи, за исключеніемъ стиховъ 17 — 60 (значитъ 384 мя стихами раньше нашего мѣста), не имѣющими притомъ къ мѣсту Ил. 7. 442 никакого отношенія: они описываютъ дѣйствіе Аѳины и Аполлона въ рядахъ воюющихъ сторонъ и кончаются словами:

κὰδ δ' ἄρ' Ἀθηναίη τε καὶ ἀργυρότοξος Ἀπόλλων
ἑζέσθην, ὄρνισιν ἐοικότες αἰγιοχοιο,
φηγῷ ἐφ' ὑψηλῇ πατρὸς Διὸς αἰγιόχοιο,
ἀνδράσι τερπόμενοι·

Читатель скажетъ, что разбираемое нами οἱ есть οἱ контекстивное, что оно указываетъ на лица, дѣйствія которыхъ тѣсно связаны съ тѣмъ, что разсказывалось въ предшествующихъ стихахъ (именно съ тѣмъ, что въ нашей цитатѣ суммировано словами: ὣς οἱ μὲν πονέοντο καρηκομόωντες Ἀχαιοί) Конечно, въ данномъ мѣстѣ, мы не можемъ отказаться отъ возможности принимать слова ὁ контекстивнымъ, однако рядомъ съ ней выставляемъ и другую возможность его пониманія. Мы видимъ нѣкоторую разницу между нимъ и примѣрами, помѣ-

щенными въ продыдущемъ параграфѣ: мы замѣчаемъ, что въ немъ скорѣе, чѣмъ въ предшествующихъ примѣрахъ, слово ὁ чувствуется указывающимъ на совершенно другую сторону, на новую какъ бы сцену хотя бы одного и того же дѣйствія; если мы будемъ сравнивать адъективное ὁ съ субстантивнымъ, то встрѣчающееся въ Ил. 7. 442 ὁ будетъ соотвѣтствовать субстантивному присоединительному ὁ, а такого сопоставленія мы въ предыдущемъ параграфѣ сдѣлать не могли.

Да; ὁ можетъ быть принято здѣсь за *адъективно-присоединительное*. Субстантивно-присоединительное ὁ указывало только на *точку*, образовавшуюся въ представленіи разсказчика на сторонѣ, противоположной той, на которой помѣщалось разсказанное прежде, а адъективно-присоединительное ὁ указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и на предметъ, который на этой точкѣ помѣщенъ (ср. стр. 112, строку 15).

Какъ субстантивно-присоединительное ὁ тѣсно связано съ субстантивно-раздѣлительнымъ, точно также и адъективно-присоединительное ὁ нельзя не группировать съ адъективно-раздѣлительнымъ. Послѣднее мы видимъ въ примѣрѣ:

Ил. 13. 640. Ὣς εἰπὼν τὰ μὲν ἔντε' ἀπὸ χροὸς αἱματόεντα
συλήσας ἑτάροισι δίδου Μενέλαος ἀμύμων,
αὐτὸς δ' αὖτ' ἐξαῦτις ἰὼν προμάχοισιν ἐμίχθη.

(объ ἔντεα не было передъ этимъ рѣчи. [65])

Съ примѣрами Ил. 7. 442 и Ил. 13. 640 нужно сопоставить слѣдующіе:

Од. 21. 128. τρὶς μέν μιν πελέμιξεν ἐρύσσεσθαι μενεαίνων,

---

[65]) Сравни эти примѣры съ нижеслѣдующими:

Од. 5. 391. ἀλλ' ὅτε δὲ τρίτον ἦμαρ ἐυπλόκαμος τέλεσ' ἠώς
καὶ τότ' ἔπειτ' ἄνεμος μὲν ἐπαύσατο, ἡ δὲ γαλήνη
ἔπλετο νηνεμίη, ὃ δ' ἄρα σχεδὸν εἴσιδε γαῖαν.

Ил. 11. 702. χρεῖος μέγ' ὀφείλετ' ἐν Ἤλιδι δίῃ (Νηλῆι)
τέσσαρες ἀθλοφόροι ἵπποι αὐτοῖσιν ὄχεσφιν
ἐλθόντες μετ' ἄεθλα· περὶ τρίποδος γὰρ ἔμελλον
θεύσεσθαι· τοὺς δ' αὖθι ἄναξ ἀνδρῶν Αὐγείας
κάσχεθε, τὸν δ' ἐλατῆρ' ἐφίει ἀκαχήμενον ἵππων.

Ил. 11. 69. Гомеръ сравниваетъ сразившихся Ахеянъ иТроянцевъ съ косарями, которые...

...ἐναντίοι ἀλλήλοισιν
ὄγμον ἐλαύνουσι ἀνδρὸς μάκαρος κατ' ἄρουραν
πυρῶν ἠ κριθέων· τὰ δὲ δράγματα ταρφέα πίπτει.

Въ Ил. 18. 359 разсказываетъ намъ поэтъ, какой щитъ Гефестъ готовилъ для Ахеянъ, и говоритъ, между прочимъ, что онъ изобразилъ на немъ...

...τέμενος βαθυλήϊον· ἔνθα δ' ἔριθοι

τρὶς δὲ μεθῆκε βίης, ἐπιελπόμενος τόγε θυμῷ,
νευρὴν ἐντανύσειν διοϊστεύσειν τε σιδήρου.
καὶ νύ κε δή ῥ' ἐτάνυσσε βίῃ τὸ τέταρτον ἀνέλκων,
ἀλλ' Ὀδυσεὺς ἀνένευε καὶ ἔσχεθεν ἱέμενόν περ.

Ил. 1. 54. Ἐννῆμαρ μὲν ἀνὰ στρατὸν ᾤχετο κῆλα θεοῖο,
τῇ δεκάτῃ δ' ἀγορήνδε καλέσσατο λαὸν Ἀχιλλεύς·

Ил. 12. 88. Οἱ μὲν ἄρ' Ἕκτορ' ἴσαν καὶ ἀμύμονι Πουλυδάμαντι,
οἳ πλεῖστοι καὶ ἄριστοι ἔσαν, μέμασαν δὲ μάλιστα
τεῖχος ῥηξάμενοι κοίλης ἐπὶ νηυσὶ μάχεσθαι.
καί σφιν Κεβριόνης τρίτος εἵπετο· πὰρ δ' ἄρ' ὄχεσφιν
ἄλλον Κεβριόναο χερείονα κάλλιπεν Ἕκτωρ,
τῶν δ' ἑτέρων Πάρις ἦρχε καὶ Ἀλκάθοος καὶ Ἀγήνωρ,
τῶν δὲ τρίτων Ἕλενος καὶ Δηίφοβος θεοειδής,
οἷε δύω Πριάμοιο·

Ил. 20. 270....ἐπεὶ πέντε πτύχας ἤλασε κυλλοποδίων,

ἤμων ὀξείας δρεπάνας ἐν χερσὶν ἔχοντες,
δράγματα δ' ἄλλα μετ' ὄγμον ἐπήτριμα πῖπτον ἔραζε,
ἄλλα δ' ἀμαλλοδετῆρες ἐν ἑλλεδανοῖσιν δέοντο.
τρεῖς δ' ἄρ' ἀμαλλοδετῆρες ἐφέστασαν· αὐτὰρ ὄπισθεν
παῖδες δραγμεύοντες ἐν ἀγκαλίδεσσι φέροντες
ἀσπερχὲς πάρεχον· βασιλεὺς δ' ἐν τοῖσι σιωπῇ
σκῆπτρον ἔχων ἑστήκει ἐπ' ὄγμου γηθόσυνος κῆρ,
κήρυκες δ' ἀπάνευθεν ὑπὸ δρυὶ δαῖτα πένοντο,
βοῦν δ' ἱερεύσαντες μέγαν ἄμφεπον· αἱ δὲ γυναῖκες
δεῖπνον ἐρίθοισιν λεύκ' ἄλφιτα πάλυνον.

Аѳина, удостовѣрившись Одиссеѣ въ томъ, что онъ находится на берегу Ѳеакійскомъ, приказываетъ ему (Од. 13. 404 и слѣд.)...

...πρώτιστα συβώτην εἰσαφικέσθαι,
ὃς τοι (Ὀδυσσῆι) ὑῶν ἐπίουρος
...αἱ δὲ νέμονται
παρ' Κόρακος πέτρῃ ἐπί τε κρήνῃ Ἀρεθούσῃ
ἔσθουσαι βάλανον μενοεικέα καὶ μέλαν ὕδωρ
πίνουσαι....,

затѣмъ она, сдѣлавъ еще нѣкоторыя распоряженія, уходитъ, Одиссей же послѣ приказанію отправляется къ Евмеюи видитъ, между прочимъ, въ его дворѣ (см. Од. 14. 16)...

...συφεοὺς δυοκαίδεκα
πλησίον ἀλλήλων εὐνὰς συσίν· ἐν δὲ ἑκάστῳ
πεντήκοντα σύες χαμαὶ εὐνάδες ἐρχατόωντο,
θήλειαι τοκάδες· τ ο ὶ δ' ἄρσενες ἔκτος ἴαυνον
πολλὸν παυρότεροι.

τὰς δύο χαλκείας, δύο δ' ἔνδοθι κασσιτέροιο,
τὴν δὲ μίαν χρυσέην·

Од. 6. 63. πέντε δέ τοι φίλοι υἷες ἐνι μεγάροις γεγάασιν,
οἱ δὺ' ὀπυίοντες, τρεῖς δ' ἠίθεοι θαλέθοντες·

И въ этихъ примѣрахъ еловомъ ὁ обозначена точка, образующаяся въ нашемъ представленіи какъ показатель или раздѣленія группы предметовъ на двѣ или нѣсколько частей, или продолженія вычисленія ряда предметовъ; но слова, присоединенныя къ этому ὁ, не расчитаны вовсе, какъ въ Ил. 7. 442 и Ил. 13. 640, на ближайшее опредѣленіе раздѣляемыхъ или присоединяемыхъ предметовъ (сравни стр. 112, 15 строку), развѣ только въ *количественномъ* отношеніи. Присутствіе такихъ количественныхъ словъ, какъ δύο—δεκάτῃ—τὸ τέταρτον, отдѣляетъ наши примѣры отъ субстантивно-раздѣлительнаго и присоединительнаго ὁ, отсутствіе же другихъ словъ, указывающихъ на *вещественность* предметовъ (какъ было въ примѣрѣ Ил. 7. 442 слово θεοί, и въ Ил. 13. 640 слово ἔντεα), отдѣляетъ ихъ и отъ *этихъ* примѣровъ.

Мы понимаемъ, что въ послѣднихъ примѣрахъ слова δύο, τέταρτον, δεκάτῃ *сами* уже вносятъ въ контекстъ пониманіе раздѣленія и присоединенія и что слово ὁ, какъ способное развить у слушателя такое же пониманіе, поставлено только по закону тавтологіи [66]) и могло быть пропущено. Чередованіе въ нашихъ примѣрахъ оборотовъ съ ὁ съ словами, поставленными безъ такого ὁ, осуществляетъ на себѣ возможность этого пропуска [67]) (конечно, ὁ не будетъ лишнимъ, если какое нибудь δύο имѣетъ указывать на два предмета, опредѣленные передъ тѣмъ какъ индивидуумы въ текстѣ, или исторически извѣстные; въ такихъ случаяхъ будетъ ὁ уже или субституціональное, или историческое).

Сюда же принадлежитъ ὁ, употребляющееся въ соединеніи съ словомъ ἄλλος. Возможность уравненія слова ἄλλος съ количественными словами предшествующихъ примѣровъ, по отношенію къ употребленію при немъ слова ὁ —на сколько оно опять, какъ вышеупомянутое οἱ δύο, не есть субституціональное или историческое—видна особенно изъ слѣдующаго примѣра:

Од. 13. 66. Ἀρήτῃ δ' ἄρα οἱ δμωὰς ἅμ' ἔπεμπε γυναῖκας,
τὴν μὲν φᾶρος ἔχουσαν ἐυπλυνὲς ἠδὲ χιτῶνα,

---

66) Подъ закономъ тавтологіи разумѣемъ законъ, въ силу котораго одно и то же понятіе выражается нѣсколькими средствами. Сравни русскую фразу: *въ добавокъ* къ этому онъ *еще приставилъ* (одно и то же понятіе выражено 3-мя средствами: *въ добавокъ*, *еще* и *при*).

67) О такихъ примѣрахъ Негельсбахъ (Anmerkungen zur Ilias стр. 186) замѣтилъ слѣдующее: Die Setzung oder Weglassung des Artikels scheinen bloss metrische *Rücksichten* zu bestimmen. Подобные пропуски возможны и въ аттической прозѣ; сравни примѣръ изъ Апологіи Сократа 31. Д., приведенный нами на стр. 46.

τὴν δ' ἑτέρην χηλὸν πυκινὴν ἄμ' ὄπασσε κομίζειν·
ἡ δ' ἄλλη σῖτόν τ' ἔφερεν καὶ οἶνον ἐρυθρόν. [68])

И здѣсь слово ὁ есть, собственно говоря, лишнее и напрасно, кажется намъ, Зенодотъ перемѣнялъ гомерическое ἄλλοι, при томъ смыслѣ, при которомъ аттическій языкъ развилъ употребленіе оборота οἱ ἄλλοι [69]), въ несвойственное гомерическому языку слово ὦλλοι [70]). Также и съ другой стороны неправильно поступаютъ тѣ, которые, опираясь на чередованіе у Гомера формы ἄλλοι съ оборотомъ οἱ ἄλλοι, принимаютъ у него въ послѣднемъ оборотѣ слово οἱ за слово, болѣе самостоятельное въ сравненіи съ ὁ аттическаго оборота [71]).

---

[68]) Намъ скажутъ, что здѣсь оборотъ ἡ ἄλλη, опять какъ и выраженіе τὰ ἕντεα въ Ил. 13. 640 (ср. стр. 113), вмѣщаетъ въ себѣ ὁ контекстивное, такъ какъ послѣ того, какъ уже началось перечисленіе, нужно было *ожидать* и его продолженіе, но ἡ ἄλλη должно заключить въ себѣ такое ὁ, какое заключало въ себѣ въ предпослѣднемъ стихѣ выраженіе ἡ μέν, а это послѣднее есть непремѣнно раздѣлительное.

[69]) Аттикъ отнесся дѣйствительно къ оборотамъ ἄλλοι и οἱ ἄλλοι экономически. Ἄλλοι онъ употребляетъ только тогда, когда предметы, имѣющіе быть слушателю показаны, представляются ему *не* принадлежащими въ опредѣлившійся въ его умѣ *заранѣе* кругъ другихъ, съ ними сопоставленныхъ въ рѣчи, предметовъ (примѣръ приводитъ Аполлоній περὶ συντ. стр. 34 слѣдующій: ἄλλοις ἀνθρώποις ὁμίλει μὴ τοῖς περὶ Τρύφωνα). Крюгеръ: Griech. Sprachlehre § 50. 4. 9. выражается объ употребленіи оборота οἱ ἄλλοι такъ. Ἄλλος, alius, mit der Idee der Absonderung, wird mit dem Artikel meist (!) nur *dann verbunden, wenn das ein ganzes Erganzende* zu bezeichnen ist; онъ опирается при этомъ „на слѣдующее правило, встрѣчающееся у Аполлонія (περὶ συντ. стр. 38): Παντότε οὖν τὸ ἄλλοι συνέρει τὸ ἄρθρον, ἡνίκα τοῦ κατηγορουμένου πλήθους ὅλου ἐστὶν ἐμπεριληπτικὸν τήν τε διαίρεσιν πάλιν μερικὴν ποιεῖται.

[70]) Конъектура Зенодота относится именно къ слѣдующимъ мѣстамъ:

Ил. 10. 1. ἄλλοι μὲν παρὰ νηυσὶν ἀριστῆες Παναχαιῶν
εὗδον παννύχιοι, μαλακῷ δεδμημένοι ὕπνῳ·
ἄλλ' οὐκ Ἀτρεΐδην Ἀγαμέμνονα, ποιμένα λαῶν
ὕπνος ἔσχε γλυκερός·

Ил. 2. 1. ἄλλοι μέν ῥα θεοί τε καὶ ἀνέρες ἱπποκορυσταὶ
εὗδον παννύχιοι, Δία δ' οὐκ ἔσχε νήδυμος ὕπνος.

Насъ поддерживаетъ въ нашемъ мнѣніи относительно этой конъектуры Etym. mag., въ которомъ прямо сказано на стр 821: ὦλλοι ἀντὶ τοῦ οἱ ἄλλοι· αἱ τοιαῦται δὲ συναλοιφαὶ τῆι δευτέρας εἰσὶν Ἰάδος, ἣ Ὅμηρος οὐκ ἐχρήσατο· διόπερ Ζηνοδότῳ μέμφονται εἰπόντι δεῖν ἀναγιγνώσκειν ὦλλοι μὲν ῥα θεοί τε καὶ ἀνέρες.

[71]) Амейсъ по поводу мѣста Од. 1. 26 говоритъ такъ: οἱ δὲ δὴ ἄλλοι... übersetze ich: sie aber nun, die anderen Gotter, die sich täglich im Palast des Zeus versammeln. Въ своемъ Anhang zu Homers Odyssee (стр. 6) онъ указываетъ на другіе подобнаго рода примѣры, а именно на: Од. 1. 24, Ил. 11. 504, 16. 763, 19. 345, 20. 23. Но если присмотрѣться ближе къ этому аппозиціональному разбору нашихъ грамматиковъ, то мы убѣдимся, что онъ не ведетъ ни къ чему особенному, отличающему гомерическій оборотъ отъ аттическаго. Гомерическое οἱ δὲ ἄλλοι можно разлагать на столько, на сколько и у аттиковъ-

Многіе обороты формируются въ нашемъ мышленіи на почвѣ, если не *высказаннаго* то, по крайней мѣрѣ, *предполагаемаго* и происходящаго въ дѣйствительности въ нашемъ умѣ раздѣленія на нѣсколько частей извѣстнаго ряда предметовъ (какъ бы извѣстной линіи, какъ совокупности точекъ) и получаютъ раздѣлительное ὁ. Такъ мы смотримъ на ὁ, являющееся у Гомера въ оборотѣ ἐπεὶ τὸ πρῶτον (лат. ut primum), въ аттическомъ оборотѣ οἱ πλείους (оборотомъ οἱ πλείους аттикъ хочетъ передать слушателю слѣдующую мысль: раздѣливъ извѣстную группу на двѣ не одинаковыхъ половины, ты отнеси къ контексту большую половину), даже въ оборотѣ οἱ πάντες (предполагая существованіе нѣсколькихъ сторонъ въ цѣлой группѣ предметовъ, говорящій хочетъ оборотомъ οἱ πάντες съ выразительностью уничтожить

каждый такой оборотъ долженъ быть разложенъ, чтобы сдѣлалось наглядно понятнымъ появленіе въ немъ слова ὁ. Примѣры, приведенные Амейсомъ, больше поддавались такому разложенію, чѣмъ какія нибудь другія, совершенно однородныя съ ними гомерическія цитаты. Послѣдній изъ приведенныхъ Амейсомъ примѣровъ принадлежитъ къ той группѣ гомерическихъ мѣстъ, которую замѣтилъ уже Крюгеръ и о которой послѣдній въ своей Griechische Sprachlehre II Th. 2 H. § 50. 5. 5. выражается такъ: οἱ ἄλλοι verbindet auch schon Homer appositiv mit einem personlichen Pronomen, besonders öfters mit einem bloss im Verbum enthaltenen. Крюгеръ разумѣетъ здѣсь примѣры, гдѣ οἱ ἄλλοι присоединено къ 1-му или 2-му лицу сказуемаго. Особенно послѣдніе примѣры указываютъ, какъ трудно бываетъ иногда разложить оборотъ οἱ ἄλλοι хотя бы и у того же Гомера; смотри напр. слѣдующія мѣста:

1) Парисъ, передъ поединкомъ, предстоящимъ ему съ Менелаемъ, говоритъ къ Гектору и окружающимъ его (Ил. 3, 73) слѣдующее:

ὁππότερος δέ κε νικήσῃ κρείσσων τε γένηται
κτήμαθ' ἑλὼν εὖ πάντα γυναῖκα τε (Елену) οἶκαδ' ἀγέσθω,
οἱ δ' ἄλλοι φιλότητα καὶ ὅρκια πιστὰ τάμοντες
ναίοιτε Τροίην ἐριβώλακα, τοὶ δὲ νεέσθων,
Ἄργος ἐς ἱππόβοτον καὶ Ἀχαΐδα καλλιγύναικα.

Здѣсь Амейсъ разложилъ бы оборотъ οἱ δ' ἄλλοι такъ: ihr aber, die anderen (слово ὁ онъ будетъ переводить словомъ *ihr* на такомъ основаніи, на какомъ онъ Од. 1. 26 тоже слово переводитъ черезъ *sie*; о неправильности этого основанія мы уже умалчиваемъ); но какъ же онъ разложитъ слѣдующую цитату:

Ил. 14. 368. κείνου δ' οὔ τε λιὴν ποθὴ ἔσσεται, εἴ κεν οἱ ἄλλοι
ἡμεῖς ὀτρυνώμεθ' ἀμύνεμεν ἀλλήλοισιν...?

послѣдовательность требуетъ, чтобы Амейсъ отвѣтилъ: *wir*, die anderen, *wir* wollen Eifer anlegen и т. д. Еще труднѣе было бы разложить мѣсто:

Ил. 8. 211. οὐκ ἂν ἐγώ γ' ἐθέλοιμι Διὶ Κρονίωνι μάχεσθαι
ἡμέας τοὺς ἄλλους, ἐπεὶ ἦ πολὺ φέρτερός ἐστιν.

Мы видимъ, что у Гомера разложить оборотъ οἱ ἄλλοι бываетъ иногда столь же трудно, сколько и у аттиковъ.

возможность выдѣленія какой нибудь изъ этихъ частей изъ даннаго контекста), въ ὁ при числительныхъ и др.

Экскурсъ.

Мы возвращаемся въ первой главѣ этой части. Относительно примѣровъ, подведенныхъ тамъ подъ I. 4, мы находимъ очень важную замѣтку у Аполлонія Дискола. Аполлоній считаетъ тамъ постановку слова ὅς болѣе правильною, чѣмъ ὁ: онъ приводитъ περὶ συντ. стр. 92 примѣръ „διέπτησαν ἀετοί, ὃς μὲν ἀπὸ ἀνατολῆς, ὃς δὲ ἀπὸ δύσεως“ сводитъ въ Од. 1. 23. (Αἰθίοπες, τοὶ δίχθα δεδαίαται ἔσχατοι ἀνδρῶν, οἳ μὲν δυσομένου Ὑπερίονος, οἳ δ' ἀνίοντος) формы οἵ къ началу ὅς, а не къ началу ὁ, метафразируетъ мѣсто Од. 12. 73—101. (οἱ δὲ σκόπελοι ὁ μὲν οὐρανὸν εὐρὺν ἱκάνει, τὸν δὲ ἕτερον σκόπελον χθαμαλώτερον ὄψει Ὀδυσσεῦ) въ предложенія: οἱ δὲ δύω σκόπελοι ἱκάνουσιν ὃς μὲν ἄχρι τοῦ οὐρανοῦ, ὃς δὲ ἄχρι τοῦ Ὀλύμπου, и говоритъ, что у Арата: Φαινόμενα. 25 (καί μιν πειραίνουσι δύω πόλοι ἀμφοτέρωθεν, ἀλλ' ὁ μὲν οὐκ ἐπίοπτος, ὁ δ' ἀντίος ἐκ Βορρέαο ὕψοθεν Ὠκεανοῖο) обороты ὁ μὲν и ὁ δὲ поставлены вмѣсто оборотовъ ὃς μὲν и ὃς δέ, называя притомъ только вторые цѣлесообразными (ἐντελεῖς) [72]).

Читая это мѣсто Аполлоніевой грамматики, мы невольно останавливаемся на двойственности выраженій, возможной и въ русскомъ языкѣ въ примѣрахъ, соотвѣствующихъ нашимъ греческимъ. Примѣры изъ Крылова (*о всемъ и рядитъ онъ и судитъ, и то не такъ, и тотъ дуракъ, и изъза того то худо будетъ*) и изъ сборника былинъ Рыбникова (*всѣ на пиру наѣдалися, всѣ на почестномъ напивалися; который хвастаетъ добрымъ конемъ, который хвастаетъ золотой казной, который хвалится отцемъ матерью, который хвалится молодой женой*) показываютъ на упомянутую нами двойственность. Что же можно сказать здѣсь объ употребленіи словъ *тотъ—тотъ* въ различіе отъ словъ *который—который*, или замѣняющихъ, какъ извѣстно, эти послѣднія слова *кто—кто*? Нѣтъ сомнѣнія, что слова *кто—который*, въ данномъ случаѣ, не перестаютъ совсѣмъ быть тѣмъ, за что они обыкновенно *внѣ* контекста принимаются, именно *вопросительными словами*: говорящій въ нашихъ примѣрахъ даетъ ими знать, что *не рѣшенъ* вопросъ, какіе индивидуумы изъ раздѣляемой на двѣ или нѣсколько сторонъ группы предметовъ мы должны представлять себѣ на одной и какіе на другой сторонѣ. Не есть-ли

---

[72]) Самъ Аполлоній употребляетъ постоянно ὃς μὲν—ὃς δὲ (ср. мѣсто его грамматики, приведенное въ 23. выноскѣ). Соединеніе оборота ὁ μὲν съ оборотомъ ὃς δὲ замѣчается въ Киропед. V. 3. 16 и др. Съ оборотомъ ὃς μὲν—ὃς δὲ можно сопоставить оборотъ ὅτε μέν—ὅτε δέ. (Обо всѣмъ сравни Кюнеръ, Ausführl. Gramm. § 527. 1 2). Сюда же принадлежатъ обороты ὃς καὶ ὅς, встрѣчающійся рядомъ съ оборотомъ ὁ καὶ ὁ (сравни Бернгарди Wissensch. Synt. стр. 305).

въ самомъ дѣлѣ греческое ὅς въ синтаксическомъ отношеніи почти [73]) тоже самое, что русскія слова *кто—который*, и не назовемъ ли мы употребленіе этихъ словъ тоже *болье* соотвѣтствующимъ сущности мысли въ нашихъ случаяхъ (въ случаяхъ, гдѣ намъ дѣйствительно все равно, какой изъ индивидуумовъ на какую сторону попадетъ)?

Перейдемъ къ другимъ случаямъ употребленія мѣстоименія ὅς. Мы приведемъ здѣсь слѣдующій рядъ примѣровъ:

Од. 6. 158. κεῖνος δ' αὖ περὶ κῆρι μακάρτατος ἔξοχον ἄλλων,
ὅς κέ σ' ἐέδνοισι βρίσας οἶκόνδ' ἀγάγηται.

Од. 8. 209. ὄφρων δὴ κεῖνός γε καὶ οὐτιδανὸς πέλει ἀνήρ,
ὅστις [74]) ξεινοδόκῳ ἔριδα προφέρηται ἀέθλων
δήμῳ ἐν ἀλλοδαπῷ.

Од. 10. 74. οὐ γάρ μοι θέμις ἐστὶ κομιζέμεν οὐδ' ἀποπέμπειν
ἄνδρα τόν, ὅς κε θεοῖσιν ἀπέχθηται μακάρεσσιν.

(такъ говоритъ Эолъ къ Одиссею, когда тотъ, занесенный вторично бурею на островъ Эола, просилъ его о помощи).

Ил. 2. 62. Приснившійся Агамемнону Несторъ говоритъ слѣдующее:

εὕδεις, Ἀτρέος υἱὲ δαίφρονος ἱπποδάμοιο;
οὐ χρὴ παννύχιον εὕδειν βουληφόρον ἄνδρα,
ᾧ λαοί τ' ἐπιτετράφαται καὶ τόσσα μέμηλεν.

Од. 5. 106. φησί τοι ἄνδρα πάρειναι ὀιζυρώτατον ἄλλων,
τῶν ἀνδρῶν οἳ ἄστυ πέρι Πριάμοιο μάχοντο.

---

[73]) Мы говоримъ „*почти*“, потому что слова *который—кто* имѣютъ болѣе широкій просторъ употребленія, чѣмъ греческое ὅς. Они употребляются въ прямыхъ вопросахъ (кто пришелъ? который изъ нихъ это сказалъ?), въ которыхъ греческое ὅς употребить нельзя, а также въ смыслѣ неопредѣленныхъ мѣстоименій (если кто придетъ, то скажи все), куда ὅς тоже не входитъ. Говоря о неопредѣленныхъ мѣстоименіяхъ, мы должны объясниться немного съ читателемъ, такъ какъ слова *кто—который* (въ примѣрахъ, о которыхъ мы говоримъ въ текстѣ), а слѣдовательно и соотвѣтствующее имъ въ этихъ случаяхъ слово ὅς, тоже можно бы принять до нѣкоторой степени за неопредѣленныя мѣстоименія. Мы разумѣемъ подъ неопредѣленными мѣстоименіями тѣ близкія къ разбираемымъ нами случаямъ слова, которыя могутъ встрѣчаться только въ *главныхъ* предложеніяхъ, а въ придаточныхъ требуютъ союза (если кто—εἴ τις), наше же ὅς чувствуется словомъ *придаточныхъ* предложеній, само исполняя при этомъ роль союза. Стоитъ только обратить вниманіе на русское *такъ*, вставляемое въ относящіяся сюда выраженія, чтобы убѣдиться въ справедливости послѣднихъ нашихъ словъ (сравни пословицу кому—такъ чинъ, а кому—такъ блинъ; слово *кому* чувствуется представителемъ неполнаго придаточнаго предложенія, а слова *такъ чинъ* представляютъ собою неполное главное предложеніе; точно также мы смотримъ на предложенія съ оборотами ὅς μέν, ὅς δέ).

[74]) Въ словѣ ὅστις, встрѣчающемся часто въ этихъ примѣрахъ вмѣсто ὅς, элементъ неопредѣленности усиленъ присоединеніемъ къ слову ὅς слова τις.

Од. 4. 98. καὶ ἀπώλεσα οἶκον
εὖ μάλα ναιετάοντα, κεχανδότα πολλὰ καὶ ἐσθλά.
ὧν ὄφελον τριτάτην περ ἔχων ἐν δώμασι μοῖραν
ναίειν, οἱ δ' ἄνδρες σόοι ἔμμεναι, οἳ τότ' ὄλοντο
Τροίῃ ἐν εὐρείῃ, ἐκὰς Ἄργεος ἱπποβότοιο.

Од. 3. 185. Несторъ говоритъ Телемаху, пришедшему къ нему за вѣстью объ отцѣ, такъ:

ὣς ἦλθον, φίλε τέκνον, ἀπευθής, οὐδέ τι οἶδα
κείνων, οἵ τ' ἐσάωθεν Ἀχαιῶν οἵ τ' ἀπόλοντο.

Вмѣсто того, чтобы разбирать этотъ рядъ примѣровъ въ отдѣльности, мы сопоставимъ ее съ 3-ею группой, исчерпывающею собою уже весь матеръалъ, относящійся къ опредѣленію значенія слова ὅς. Въ послѣднюю группу мы поставимъ вотъ какіе примѣры:

Од. 1. 286. πρῶτα μὲν ἐς Πύλον ἐλθὲ καὶ εἴρεο Νέστορα δῖον,
κεῖθεν δὲ Σπάρτηνδε παρὰ ξανθὸν Μενέλαον·
ὃς γάρ δευτατος ἦλθεν Ἀχαιῶν χαλκοχιτώνων.

(Что здѣсь ὅς поставлено вмѣсто ὁ, въ томъ смыслѣ, въ которомъ это послѣднее употреблено въ примѣрахъ, подведенныхъ нами подъ I. 2. этой части, это не требуетъ никакихъ дальнѣйшихъ объясненій).

Од. 24. 190. ὣς ἡμεῖς, Ἀγάμεμνον, ἀπωλόμεθ', ὧν ἔτι καὶ νῦν
σώματ' ἀκηδέα κεῖται ἐνὶ μεγάροις Ὀδυσῆος·
οὐ γάρ πω ἴσασι φίλοι κατὰ δώμαθ' ἑκάστου,
οἵ κ' ἀπονίψαντες μέλανα βρότον ἐξ ὠτειλέων
κατθέμενοι γοάοιεν. ὃ γὰρ γέρας ἐστὶ θανόντων.

(Постановку слова τό, которую мы,можетъ быть, ожидали бы въ этомъ примѣрѣ по сходству его съ примѣрами, приведеннымъ на стр. 79, не позволяютъ метрическія правила).

Геродотъ VII. 18. Ταῦτά τε δὴ ἐδόκεε Ἀρτάβανος τὸ ὄνειρον ἀπειλέειν καὶ θερμαῖσι σιδηρίοισι ἐκκαίειν αὐτοῦ μέλλειν τοὺς ὀφθαλμούς. καί ὃς ἀμβώσας μέγα ἀναθρώσκει καὶ παριζόμενος Ξέρξῃ, ὡς τὴν ὄψιν οἱ τοῦ ἐνυπνίου διεξῆλθε ἀπηγεόμενος, δεύτερά οἱ λέγει τάδε.

(Гомеръ употребилъ бы здѣсь вмѣсто καὶ ὅς оборотъ ὁ δὲ; примѣръ этотъ по вопросу объ ὁ, имѣетъ сходство съ примѣрами, приведенными нами на стр. 90).

Разница между значеніями слова ὅς въ послѣдней и предпослѣдней группахъ примѣровъ очевидна. Въ предпослѣдней группѣ мы черезъ предложеніе, введенное словомъ ὅς, только *знакомимся* съ предметомъ, и такое ознакомленіе

составляетъ исключительную цѣль этого предложенія[75]), въ послѣдней же группѣ мы съ предметомъ познакомлены помимо такого предложенія, а слово ὅς захватываетъ только (также какъ и ὁ въ примѣрахъ, приведенныхъ въ III ч. подъ 1. 2) *извѣстный* уже намъ предметъ, для того чтобы можно было о немъ въ введенномъ этимъ словомъ предложеніи высказать опять что нибудь новое.

Значенія слова ὅς нами исчерпаны. Если корень этого слова, какъ утверждаетъ сравнительная грамматика, есть дѣйствительно ja [76]), то при симазіологическомъ опредѣленіи его нужно не упускать изъ виду значенія, развившагося и въ другомъ мѣстоименіи, происходящемъ отъ того же корня ja, именно значенія греческаго μίν (лат. is; сравни выноску 44 стр. 61).

Спрашивается. какъ нужно смотрѣть на всѣ вышеуказанныя значенія, чтобы ихъ возможно было привести къ одному симазіологическому знаменателю? Что греческое μίν не должно принимать за анафорическое, это разъяснено читателю выше. Точно также и личнаго мѣстоименія въ словѣ μίν не слѣдуетъ усматривать: корень ja, какъ видно изъ слова ὅς (см.

Од. 2. 41: Ὦ γέρον, οὐχ ἕκας οὗτος ἀνήρ, τάχα δ' εἴσεαι αὐτός,
ὃς λαὸν ἤγειρα· μάλιστα δέ μ' ἄγγος ἱκάνει)

есть общій всѣмъ лицамъ, тогда какъ *личное* мѣстоименіе должно бы имѣть корень, принадлежащій исключительно одному лицу (такъ же мы судимъ объ

---

[75]) Это и есть тѣ примѣры, которые мы имѣли въ виду на стр. 83-ей въ 1-ой строкѣ. Въ нихъ, на равнѣ съ примѣрами, приведенными нами въ 3-ей ч I. 2, предметъ, съ которымъ мы познакомились въ относительномя предложеніи, *анафоруется* въ предложеніи синтаксически высшемъ. Въ нашихъ примѣрахъ приходилось анафоровать этотъ предметъ *пролептически*; что и *эпаналептическая* анафора здѣсь возможна, это не требуетъ ни какихъ дальнѣйшихъ разъясненій. Анафорующее мѣстоименіе могло въ нихъ не только соединяться съ *именемъ* (часто въ подобныхъ случаяхъ, у Гомера, слово ставится *послѣ* имени; сравни: πόλιν τήν, ὅθι въ Ил. 4. 41 и др.), но могло быть *вполнѣ замѣнено* именемъ (сравни 62 выноску); бываютъ здѣсь даже и такіе случаи, что и анафорующее мѣстоименіе и то, что его замѣняетъ, *совсѣмъ* пропускается (εἴσομαι χάριν, ἀνθ' ὧν ἔπαθον.

[76]) Съ этимологизированіемъ слова ὅς, переданнымъ намъ древними и приводящимъ это слово въ столь близкое отношеніе къ ὁ, согласиться, конечно, нельзя (Аполлоній περὶ συντ. 49. 21 говоритъ, что форма ὁ потеряла въ началѣ букву τ, а въ концѣ букву ς. Это ς, продолжаетъ Аполлоній, осталось только въ ῥῶρον ὑποτακτικόν, т. е. въ словѣ ὅς. На стр. 109. 20 тотъ же ученый утверждаетъ, что οὗτος происходитъ отъ ὅς. Изъ этихъ двухъ замѣчаній Аполлонія можно заключить, что древними считались слова ὅς и ὁ за слова одного корня). Мы удивляемся, что нѣкоторые изъ новыхъ грамматиковъ повторяютъ такое ученіе за древними (Тиршъ: Gramm. der gr. Spr. Leipzig 1855, стр. 297, говоритъ, что ὁ есть собственно ὅς безъ буквы ς—eigentlich ὅς ohne ς, а Бернгарди: Wissensch Synt. стр. 305 называетъ ὅς полною формою, а ὁ укороченною?—herabgesunken). Сравнительная грамматика, вопреки заключеніямъ Боппа (Vergl. Gr. III § 382), Бенфея (Wurzell. II, 400), указавшихъ и въ другихъ греческихъ словахъ на замѣну первоначальнаго j густымъ придыханіемъ, немного колебалась сопоставить греческое ὅς съ санскритскимъ jas, jâ, jád и принимать ja за общій для обоихъ этихъ словъ корень; колебаніе это вызвано было открытіемъ локрійской надписи, представляю-

αὐτός на стр. 26) [77]). Вотъ все, что мы и можемъ принять въ соображеніе при *симозіологическомъ объединеніи слова* μίν *съ словомъ* ὅς. Перейдемъ теперь къ ὅς. Уже Виндишъ замѣтилъ (стр. 211), что оно не доходитъ никогда до чисто вопросительнаго значенія. Что онъ говоритъ о неупотребленіи его въ придаточныхъ предложеніяхъ послѣ глаголовъ, обозначающихъ вопросъ, это, положимъ, не вѣрно [78]); но самое исключеніе его изъ области прямаго вопроса, упомянутое нами въ 73 выноскѣ, уже достаточно показываетъ на невозможность считать его вопросительнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ: въ примѣрахъ въ родѣ Ил. 2. 367

(εἰ δέ κεν ὣς ἔρξῃς καί τοι πείθωνται Ἀχαιοί,
γνώσῃ ἔπειθ' ὅς θ' ἡγεμόνων κακὸς ὅς τέ νυ λαῶν
ἠὲ' ὅς κ' ἐσθλὸς ἔῃσι· κατὰ σφέας γὰρ μαχέονται),

или даже приведеннаго нами въ 78 выноскѣ выраженія «ὅτι ποιῶ», всегда можно если не ставить, то, по крайней мѣрѣ, подразумѣвать пролептически или эпаналептически анафорическое слово (смыслъ фразы «ὅτι παιῶ» можно передать словами: что я дѣлаю, объ *этомъ* ты спрашиваешь?). Потому то мы и не выставляли подобные примѣры особенною группою; они принадлежатъ подъ одну категорію съ примѣрами Од. 6. 158, 8. 209, 10. 74 и т. дал. (см. стр. 119). На вопросъ, *ведетъ* ли собственно такое ὅς къ предмету, можно-ли его (ὅς) считать однимъ изъ средствъ рѣчи, указанныхъ нами на стр. 14, [79]) мы отвѣтимъ отрицательно; не оно ведетъ къ предмету, а то слово, на которое оно синтаксически опирается, высказано ли это послѣднее, или нужно его *подразумѣвать*. *Слово же* ὅς *служитъ только сред-*

щей ὅτι съ дигаммою (Fοτι; привелъ эту надпись въ извѣстность Россъ), и усматриваніемъ въ словѣ ὅς значенія вопросительнаго мѣстоименія. Но что упомянутая локрійская надпись не можетъ имѣть никакого значенія при рѣшеніи вопроса объ этимологическомъ производствѣ слова ὅς, это доказалъ Виндишъ въ такъ часто приводимомъ нами сочиненіи (стр. 212 и слѣд.); а что и его симазіологическая сторона не препятствуетъ возведенію слова ὅς къ началу ja, это видно будетъ изъ нижеслѣдующаго.

77) Слово οὗ, οἵ, ἕ, положимъ, появилось общимъ для всѣхъ лицъ словомъ какъ *личное мѣстоименіе*, но тутъ дѣйствовала причина (спеціализированіе слова οὗ вслѣдствіе вторженія въ его роль слова αὐτός и μίν), какой при корнѣ *ja* прослѣдить нельзя.

78) Стоитъ только припомнить примѣры въ родѣ «τί γὰρ ποιεῖς, ὅτι ποιῶ» (Аристофанъ Вигр. 189; слова «τί ποιεῖς» говоритъ тамъ Харонъ, слова „ὅτι ποιῶ" Діонисъ;—сравни еще Платона Εὐθύφρων 2 и др.), чтобы убѣдиться въ неточности замѣчанія Виндиша: въ приведенномъ нами примѣрѣ зависитъ предложеніе хотя не отъ высказаннаго, но, по крайней мѣрѣ, отъ подразумѣваемаго ἐρωτᾷς (ты спрашиваешь, что я дѣлаю?—а вотъ что я дѣлаю...); что здѣсь употреблено ὅτι, а не простое ὅ, это не мѣшаетъ намъ принять такіе примѣры въ область употребленія слова ὅς (ср. приведенный на 119 стр. примѣръ Од. 8. 209 и относящуюся къ нему выноску).

79) ἀναφορικόν можно бы слово ὅς назвать на столько, насколько оно *въ соединеніи* съ своимъ *сказуемымъ* заставляетъ насъ припоминать о предметахъ (какъ ὁ съ именемъ,

ствомъ вызова въ мышленіи такого синтаксически согласующагося съ нимъ слова, помогая при этомъ языку въ его стремленіи соблюсти синтаксическіе законы предложенія [78]).

Послѣднее наше положеніе, видно, примѣнимо и къ ὅς, появляющемуся въ примѣрахъ нашей 3-й группы (см. Од. 1. 286 и т. д. на стр. 120) [80]), и вообще объединяетъ всѣ вышеозначенныя значенія, развившіяся изъ корня *ja*[81]).

такъ здѣсь ὅς съ сказуемымъ имѣютъ цѣль намекать намъ на извѣстное; вотъ и причина, которая побудила Аполлонія назвать ὅς ἄρθρον ὑποτακτικόν); но въ такомъ случаѣ появленіе сказуемаго должно бы всегда быть необходимымъ уже условіемъ *гипотактическаго* ἀναφορικόν, тогда какъ ὅς нашей 3-й группы, равно какъ и μίν, образованное тоже отъ ja, этому условію не подвергаются.

[79]) Желая выразить понятіе напр. *несправедливо поступающій* формою сказуемаго, грекъ нуждался въ подлежащемъ для этого сказуемаго; настоящее же подлежащее, какъ слово, обозначающее предметъ, о которомъ высказывается сужденіе, нужно было поставить *въ другомъ* предложеніи, въ которомъ онъ на дѣлѣ и *высказывалъ* сужденіе о несправедливо поступающемъ; а потому онъ и употребилъ въ упомянутомъ *вспомогательномъ*, такъ сказать, предложеніи такое слово, которое заставило бы при произношеніи этого вспомогательнаго предложенія имѣть въ виду *настоящее* подлежащее *втораго* предложенія. Вотъ, какъ мы понимаемъ предложеніе ὅστις ἂν ἀδικῇ, ἐνεῖνος ἀπεχθάνεται (настоящее подлежащее могло быть мѣстоимѣніе, анафорующее то, что высказано въ вспомогательномъ предложеніи); ὅς, такимъ образомъ, чувствовалось мѣстоименіемъ *придаточныхъ* предложеній (слыша его, слушатель не могъ не искать къ нему другаго предложенія). Такое толкованіе этого ὅς ни чуть не противорѣчитъ толкованію слова ὅς въ оборотѣ ὅς μὲν—ὅς δὲ, *представленному* нами въ 73 выноскѣ —Другимъ путемъ, въ сравненіи съ греческимъ, направился въ нашихъ случаяхъ латинскій языкъ. *Онъ* прибѣгъ въ нихъ къ вопросительнымъ словамъ, сводящимся къ корню kwa; онъ вызывалъ у слушателя черезъ *спрашиваніе* представленіе того предмета, о которомъ хотѣлъ высказать сужденіе (кто поступаетъ несправедливо? спрашивалъ римлянинъ и, получивъ на это отвѣтъ въ представленіи слушателя, или другими словами, вызвавъ у слушателя представленіе, если не историческаго то, по крайней мѣрѣ, воображаемаго лица, высказывалъ потомъ объ этомъ лицѣ сужденіе). Славянскіе языки, какъ извѣстно, располагаютъ въ такихъ случаяхъ и тѣмъ и другимъ средствомъ (рядомъ съ *кто*, *который*, встрѣчается *иже*).

[80]) Ὅς чувствуется въ предложеніяхъ 3-й группы словомъ главнаго предложенія; но этого причина не есть какое нибудь другое значеніе самаго слова ὅς въ сравненіи съ объясненнымъ въ текстѣ, а другой характеръ отношенія предложенія съ ὅς къ предложенію, заключающему въ себѣ то слово, на которое ὅς опирается (о другомъ характерѣ отношенія между означенными предложеніями ср. сказанное нами на стр. 121 строка 3). Эти то примѣры и дали поводъ нѣкоторымъ принимать ὅς за „демонстративное“, точно также, какъ примѣры нашей второй группы были причиною принятія слова ὅς за первоначальное interrogativum (см. Philologus XXVII. Jahrberichte стр. 500—рефератъ Генца).

[81]) При нашемъ взглядѣ на симазіологію корня ja получаетъ еще больше силы сказанное нами въ 41 выноскѣ о симазіологической близости слова μίν съ αὐτός identitatis (и αὐτός не ведетъ прямо къ предмету; объ этомъ сравни прежде всего 42 выноску). Что слово μίν принадлежатъ исключительно 3-му лицу, это понятно изъ того же сопоставленія.

Сопоставляя ὅς съ словомъ ὁ, мы должны указать на способность слова ὁ замѣнять собою слово ὅς во *всѣхъ* его трехъ группахъ. По отношенію къ первой и 3-й группамъ мы о такой замѣнѣ уже говорили (и указали вмѣстѣ съ тѣмъ, на сколько такое ὁ примыкаетъ къ другимъ своимъ значеніямъ, несоприкасающимся уже вовсе съ словомъ ὅς); что и во второй группѣ такая замѣна возможна, это становится яснымъ въ примѣрѣ:

Од. 14. 227. (αὐτὰρ ἐμοὶ τὰ φίλ' ἕσκε, τά που θεὸς ἐν φρεσὶ θῆκεν). и т. д.

(Въ Од. 14 226 и ему подобныхъ не уклоняется ни то, ни другое ὁ отъ своего обыкновеннаго значенія: они анафоруютъ другъ друга—одно пролептически, а другое эпаналептически).

III 1.

Сказаннымъ нами въ эскурсѣ исчерпана вся задача сопоставленія слова ὅς съ словомъ ὁ. Но примѣры, выставленные тамъ на употребленіе слова ὅς, не теряютъ для насъ значенія и при дальнѣйшемъ разборѣ исключительно только одного ὁ.

Мы говорили до сихъ поръ *о самостоятельномъ* употребленіи слова ὁ, о значеніи его какъ фактора при представленіи предмета черезъ *синтаксическое цѣлое*, а также при представленіи его черезъ *одноποτε*. Между послѣднимъ и предпослѣднимъ его употребленіемъ находится употребленіе его какъ фактора при представленіи предмета посредствомъ ποτε въ соединеніи съ грамматическимъ опредѣленіемъ. Грамматическое опредѣленіе играетъ въ рѣчи такую же роль, какъ вышеобъясненныя 2-я и 3-я группы относительныхъ предложеній, а потому, объясняя ὁ при первомъ, мы будемъ имѣть возможность сопоставлять его съ послѣдними.

На стр. 109 можно замѣтить, что цѣлымъ предложеніемъ, введеннымъ словомъ ὅς, говорящій или можетъ указывать на опредѣлившійся кружокъ предметовъ, случайно попавшихъ уже подъ ту примѣту, на которую указывается сказуемымъ придаточнаго предложенія (см. приведенныя нами на ст. 119: Од. 5. 106, Од. 4. 98, Од. 2. 51, Од. 3. 185), или же имѣть въ виду только всевозможные случаи такого опредѣленія вышеупомянутаго кружка предметовъ въ будущемъ (смотри тамъ же Od. 8. 209, 10. 74, Ил. 2. 62).

Говоря объ опредѣленіи предметовъ, мы допускаемъ, что они по вопросу объ индивидуальности ихъ могутъ быть неизвѣстны и тому и другому изъ собесѣдниковъ (Од. 3. 185), или могутъ быть извѣстны только говорящему, а не слушателю (такой случай можно допустить въ Од. 2. 51), или на оборотъ, но это не мѣшаетъ толковать говорящему о нихъ какъ такихъ, къ которымъ примѣта, высказанная въ относительномъ предложеніи или опредѣленіи, на дѣлѣ уже отнесена.

Въ другихъ же случаяхъ, когда говорящій въ относительномъ предложеніи или опредѣленіи указываетъ только на *возможность* появленія такихъ предметовъ, опять на оборотъ можно допустить, что говорящій при произношеніи опредѣленія или относительнаго предложенія имѣетъ какое нибудь извѣстное лицо въвиду (Ил. 2. 62), но въ тоже самое время онъ предполагаетъ, что кромѣ этого лица могутъ попасть подъ примѣту, высказанную имъ въ извѣстныхъ намъ выраженіяхъ, и другіе индивидуумы, и указываетъ по этому въ опредѣленіи и относительномъ предложеніи только на то, какіе должны быть индивидуумы (въ случаѣ если бы пришлось ихъ развѣдывать), чтобы могло быть отнесено къ нимъ то, что высказывается имъ въ главномъ сказуемомъ. Въ послѣднемъ случаѣ наше представленіе, могущее имѣть дѣло только съ *реальными* предметами, *должно воображать* какого нибудь реальнаго представителя этихъ индивидуумовъ. Такогопредставителя достаточно для нашего представленія только одного, а потому въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не приходится указывать на то, что непремѣнно нѣсколько индивидуумовъ должно попасть подъ извѣстную намъ примѣту, эта примѣта выражается въ ед. числѣ (Од. 8. 209).

Сокращая придаточныя предложенія въ примѣрахъ нашей 2-ой группы, мы получаемъ слѣдующія фразы:

Изъ Од. 8. 209. ἄφρων δὴ καὶ οὐτιδανὸς πέλει ἀνὴρ ὁ ξεινοδόκῳ ἔριδα προσφερόμενος ἀέθλων δήμῳ ἐν ἀλλοδαπῷ.

Изъ Од. 10. 74. οὐ γάρ μοι θέμις ἐστὶ νομίζεμεν οὐδ' ἀποπέμπεμεν ἄνδρα τὸν θεοῖσι ἀπεχθόμενον μακάρεσσι.

Изъ Од. 3. 185. ὣς ἦλθον φίλε τέκνον ἀπευθής οὐδέ τοι οἶδα τῶν τε σαωθέντων Ἀχαιῶν τῶν τε ἀπολομένων.

Изъ Од. 4. 98. καὶ ἀπώλεσα οἶκον εὖ μάλα ναιετάοντα, κεχανδότα πολλὰ καὶ ἐσθλά, ὧν ὤφελον τριτάτην περ ἔχων ἐν δώμασι μοῖραν ναίειν, ἄνδρες δὲ σόοι ἔμμεναι οἱ τότ' ὀλόμενοι Τροίῃ ἐν εὐρείῃ ἑκὰς Ἄργεος ἱπποβότοιο и т. д.

Приводя эти примѣры, мы вовсе не хотѣли представлять читателю упражненіе въ сокращеніи придаточныхъ предложеній; наша цѣль была указать на слѣдующее:

1) Что мы здѣсь вообще поставили ὁ, это читатель не найдетъ противорѣчащимъ духу греческаго языка: въ Од. 3 185 и 4. 98 это ὁ есть историческое, а въ Од. 8. 209 и 10. 74 мы имъ подражаемъ примѣрамъ въ родѣ Плат. Полит. 294. A: τὸ δ' ἄριστον οὐ τοὺς νόμους ἐστὶν ἰσχύειν, ἀλλὰ ἄνδρα τὸν μετὰ φρονήσεως βασιλικόν.

2) *Постановка слова* ὁ *послѣ имени нарицательнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ передъ его грамматическимъ опредѣленіемъ въ нашихъ сокращеніяхъ безспорно правильная.* Она и понятна при историческомъ ὁ: на вопросъ, что̀ изъ оборота ἄνδρες οἱ τότ' ὀλόμενοι больше заслуживаетъ быть названо историческимъ намекомъ, слово ли ἄνδρες или выраженіе τότ' ὀλόμενοι, мы должны

отвѣчать указаніемъ на послѣднее. Слово ἄνδρες исполняетъ только, при отыскиваніи историческихъ лицъ, такую роль, какую играетъ для математика широкое геометрическое мѣсто при отыскиваніи особо еще обусловленныхъ точекъ.

3) Конечно, авторъ могъ выражаться напр. и такъ: Κῦρος ὁ νεώτερος ἔθανε ὑπὸ Ἀρταξέρξου, ὥσπερ δεδήλωται ἐν τῷ συγγράμματι τῷ Ἀνάβασις ἐπιγεραμμένῳ. Выраженіе это отличается отъ приведенныхъ выше, по отношенію къ употребленію слова ὁ, тѣмъ, что въ немъ ὁ поставлено особо передъ именемъ, соотвѣтствующимъ упомянутымъ во 2-мъ пунктѣ слову ἄνδρες, и особо передъ его грамматическимъ опредѣленіемъ (при тождественности разстановки и этого имени и его опредѣленія съ разстановкою, встрѣчающеюся въ вышеприведенномъ мѣстѣ Пл. Пол. 294. A). Но и это имѣетъ свою причину: говорящій принималъ уже самое слово σύγγραμμα за намекъ для слушателя, а только въ *коррективномъ* смыслѣ, въ смыслѣ аппозиціи присовокупилъ еще новый намекъ къ прежнему, указывая при этомъ на извѣстную сторону предмета (которой, можетъ быть, слушателъ при словахъ τῷ συγγράμματι не могъ припомнить), чтобы быть лучше понятнымъ для слушателя. Не такъ вышло бы, если бы говорящій въ опредѣленіи не считалъ удобнымъ опираться на знаніе слушателя, а просто хотѣлъ сдѣлать отъ себя заявленіе о предметѣ съ цѣлью поучить слушателя. Слова „ἐν τῷ σγγάμματι, συγγεγραμμένῳ Θεμιστογένει“ нужно уже отъ говорящаго принимать въ такомъ смыслѣ: въ извѣстномъ тебѣ, слушатель, сочиненіи, которое, ты прими къ свѣдѣнію, написано *Θεμιστογενομъ*. Если здѣсь *предшествуетъ* опредѣленіе имени существительному, тогда мы, конечно, не можемъ говорить напр. ἐν τῷ Ἀναβάσις ἐπιγεγραμμένῳ τῷ σύγγραμματι, а должны непремѣнно слово τῷ пронустить предъ словомъ συγγράμματι, такъ какъ послѣ произнесенія словъ τῷ Ἀναβάσις ἐπιγεγραμμένῳ слово σύγγραμμα не можетъ служить особымъ намекомъ для слушателя, а скорѣе въ соединеніи съ своимъ опредѣленіемъ составляетъ, какъ намекъ, одно непрерывно цѣлое. Иначе выйдетъ, если мы переставимъ вышеупомянутое выраженіе „ἐν τῷ σγγάμματι συγγεγραμμένῳ Θεμιστογένει“. Тамъ мы должны уже сказать такъ: ἐν συγγεγραμμένῳ Θεμιστογένει τῷ συγγάμματι; причина такой разстановки этихъ словъ читателю будетъ уже ясна.—Вотъ какъ мы должны понимать извѣстное намъ ученіе грамматиковъ о „предкативномъ“ и „аттрибутивномъ членѣ“. На сопоставленіе всѣхъ этихъ опредѣленій (разобранныхъ въ нашемъ 3-мъ пунктѣ) съ относительными предложеніями 3-ей группы особо указывать не станемъ.—Не лишнимъ считаемъ указать здѣсь еще вотъ на что: Въ выраженіи „τὸ Ἀνάβασις ἐπιγεργαμμένον σύγγράμμα τὸ Ξενοφῶντι (или, какъ нѣкоторые утверждаютъ, Θεμιστογένει; ср. Ἑλληνικά III. 1. 2) συγγεγραμμένον“ опредѣленіе τὸ Ξενοφῶντι συγγεγραμένον можетъ опираться на знаніе слушателемъ не одного Анабазиса, а двухъ (т. е. Анабазиса Ксенофонта и Аріана), а тогда опредѣленіе должно вызвать въ слушателѣ *сопоставленіе*, и можетъ служитъ средствомъ для

предупрежденія слушателя не смѣшивать въ извѣстномъ контекстѣ одного съ другимъ.

4) Въ сокращеніяхъ изъ Од. 8.209 и 10.74 слово ὁ есть несомнѣнно раздѣлительное (сравни стр. 112, 8 и слѣд. строки). *Какой* рядъ предметовъ приходится дѣлить на нѣсколько сторонъ, на это въ нашихъ сокращеніяхъ *указано* (указано это въ опредѣляемомъ существительномъ) [82]). Указаніе это можетъ быть, впрочемъ, и пропущено, какъ легко подразумѣваемое (сравни выноску 75) [83]).

Примѣры поставимъ здѣсь слѣдующіе [84]).

Ил. 23. 702: Πηλείδης δ' αἶψ' ἄλλα κατὰ τρίτα θῆκεν ἄεθλα,
δεικνύμενος Δαναοῖσι, παλαισμοσύνης ἀλεγεινῆς·
τῷ μὲν νικήσαντι μέγαν τρίποδ' ἐμπυριβήτην,
τὸν δὲ δυωδεχάβοιον ἐνὶ σφίσι τῖον Ἀχαιοί·

Ил. 8. 478. σέθεν δ' ἐγὼ οὐκ ἀλεγίζω
χωομένης, οὐδ' εἴ κε τὰ νείατα πείραθ' ἵκηαι
γαίης καὶ πόντοιο.

---

[82]) Изъ нашихъ словъ вытекаетъ, что языкъ, пользующійся съ послѣдовательностью такимъ раздѣлительнымъ ὁ при опредѣленіяхъ,—а это мы ожидаемъ отъ аттическаго языка,—будетъ всегда ставить ὁ, когда извѣстное genus предметовъ обозначено не чрезъ одно имя существительное, а черезъ имя существительное въ соединеніи съ опредѣленіемъ, такъ какъ послѣднее всегда въ этихъ случаяхъ присоединяется къ первому съ цѣлью *сузить* логическое его содержаніе (и указать на его одну часть). Но на дѣлѣ это не такъ: ἀγαθοὶ δαίμονες, въ значеніи генерическомъ, встрѣчается столь же часто въ аттидѣ, какъ и οἱ ἀγαθοὶ δᾶίμονες или δαίμονες οἱ ἀγαθοί (о возможности обѣихъ этихъ разстановокъ сравни стр. 126 строку 27). Мы, однако, на такое ἀγαθοὶ δαίμονες смотримъ совершенно иначе, чѣмъ на выраженіе съ ὁ: намъ кажется, что выраженіе ἀγαθοὶ δαίμονες перешло уже совершенно на почву сложныхъ существительныхъ (ἀγαθοδαίμων употребляется вмѣсто ἀγαθὸς δαίμων, сравни Аполлонія περὶ ἀντ. 26), не нуждающихся, какъ выраженій, состоящихъ изъ одного слова, ни въ какомъ ὁ. Съ другой стороны въ выраженіи οἱ ἀγαθοὶ δαίμονες, въ смыслѣ генерическомъ, не нужно *всегда* принимать οἱ за раздѣлительное: отправляясь отъ вышеупомянутой возможности постановки выраженія ἀγαθοὶ δαίμονες, мы къ нему можемъ приставить ὁ съ цѣлью, высказанною на 104 стр. въ 19 строкѣ.

[83]) Только пропускомъ опредѣляемаго слова мы себѣ объясняемъ появленіе слова ὁ при самостоятельныхъ прилагательныхъ и причастіяхъ (сравни напр. Од. 17. 218: ὡς αἰεὶ τὸν ὁμοῖον; Ил. 1 106: αἰεὶ τὰ κάκ' ἐστὶ φίλα φρεσὶ μαντεύεσθαι; Ил. 10. 237: τὰ χερείονα νικᾷ и т. д.). Прилагательныя и причастія тѣмъ и стали прилагательными и причастіями, что чувствовались выраженіями *опредѣленія*; иначе они есть тѣ же *существительныя* и могутъ быть безъ ὁ, какъ другія названія generis.

[84]) Сюда мы подводимъ оборотъ ἐν τοῖς съ превосходною степенью: изъ мнѣній. высказанныхъ Бенгардимъ. въ „Wissensch' Synt." на стр. 311 (смотри нашего сочиненія стр. 97), мы предпочитаемъ то, по которому оборотъ напр. ἐν τοῖς χαλεπώτατα διῆγον объясняется фразою ἐν τοῖς χαλεπῶς διάγουσι χαλεπώτατα διῆγον. Сравни съ этимъ оборотомъ выраженіе ἐλ τοῖς πελώριος", встрѣчающееся въ Ил. 5. 396, приведенномъ на стр. 130.

3. Ил. 8. 320. κάτθαν' ὁμῶς ὅ τ' ἀεργὸς ἀνὴρ ὅ τε πολλὰ ἐοργώς.

Чѣмъ эти примѣры отличаются другъ отъ друга, на это у читаеля будетъ отвѣтъ готовъ.

III. 2.

Въ уясненіи дальнѣйшаго развитія значенія слова ὁ подъ нами совершенно исчезаетъ почва, на которой мы до сихъ поръ стояли почти исключительно, именно почва, данная намъ Гомеромъ. На вопросъ, приходится ли въ аттической прозѣ имѣть дѣло съ другими оттѣнками значенія слово ὁ, чѣмъ которые нами уже объяснены, мы должны, на сколько намъ приходилось наблюдать за этимъ вопросомъ въ аттической прозѣ, отвѣтить почти отрицательно. Аттическій языкъ, конечно, пользовался гораздо чаще тѣми значеніями слова ὁ, которыя нашему читателю уже извѣстны, а за тѣмъ развилъ еще только одну его симазіологическую сторону: *онъ употребляетъ* ὁ *при подлежащемъ*. Говоря о подлежащемъ, мы разумѣемъ, конечно, не грамматическое подлежащее, ставящееся въ именительномъ падежѣ, а предметъ, который подлежитъ въ каждомъ данномъ случаѣ обсужденію, предметъ, *данный* намъ (а если онъ *данъ*, то его можно *анафоровать*; мы видимъ, что и здѣсь слово ὁ сохраняетъ свою силу какъ ἀναφορικόν) для того, чтобы мы къ нему отыскали подходящее... *сказуемое* (опять не въ грамматическомъ смыслѣ) Такое подлежащее можетъ встрѣчаться въ разныхъ падежахъ. Русскій языкъ можетъ оттѣнить такое подлежащее отъ сказуемаго тѣмъ, что онъ сказуемое *интонируетъ* при чтеніи. Вслушаемся въ слѣдующія два предложенія (интонація чтенія показана удареніемъ, поставленнымъ надъ интонируемымъ словомъ): Смерть— это не есть наказа́ніе для людей, а перехо́дъ изъ худшей жи́зни въ лу́чшую;—въ смерти видятъ благодѣя́ніе. Въ обоихъ этихъ предложеніяхъ слово *смерть* переводится въ греческомъ языкѣ при посредствѣ слова ὁ, интонируемыя же слова, на сколько въ нихъ, какъ именно здѣсь, нѣтъ особаго повода употреблять ὁ съ другимъ какимъ нибудь оттѣнкомъ, чѣмъ который разбирается въ этомъ параграфѣ (т. е. съ какимъ нибудь изъ вышеразобранныхъ), пишется безъ ὁ.

Сюда мы подводимъ ὁ, употребляющееся столь часто въ родительномъ раздѣлительномъ (τῶν ἀνθρώπων οἱ μὲν .. и т. д. Аполлоній περὶ συντ· стр. 35 говоритъ: Πᾶσα γενικὴ παντὸς ὀνόματος ἐπιμεριζομένη πάντως συνέχει τὸ ἄρθρον), а также и ὁ, встрѣчающееся *иногда* (сравни Крюгеръ § 50. 11. 22) при диктическихъ антонимiяхъ (τόδε τὸ δένδρον = *изъ деревъ* вотъ это) [85]).

[85]) Мы не говоримъ здѣсь о тѣхъ случаяхъ, гдѣ слова οὗτος, ἐκεῖνος и ὅδε употребляются *анафорически*. И въ этихъ случаяхъ встрѣтимъ вмѣстѣ съ словами ἐκεῖνος οὗτος и ὅδε слово ὁ, но это соединеніе можетъ быть уже явленіе тавтологіи (сравни 66 выноску). У Гомера

* *
*

Мы хотѣли было теперь, по примѣру I-й главы этой части, сообщить разультаты«, отысканные нашими шестью грамматиками о »собственномъ членѣ. Но предполагая, что они читателю извѣстны, мы отказываемся отъ этого намѣренія, тѣмъ болѣе что при той неопредѣленности гипотезиса, отъ котораго они выходятъ при разсматриваніи всего ὁ вообще, исполненіе этого намѣренія повело бы насъ къ слишкомъ непроизводительной полемикѣ. Мы свой гипотезисъ (сравни стр. 74, 25 строку) для разсматриванія слова ὁ, на сколько умѣли, опредѣлили, а дѣйствительное употребленіе этого слова мы находимъ совершенно соотвѣтствующимъ выходящимъ изъ этого гипотезиса тезисамъ. Тезисы эти нами были въ каждомъ отдѣльномъ параграфѣ разъясняемы, а итоги имъ подведены на стр. 112-ой.

Задача наша окончена. Читатель найдетъ у насъ отвѣты на *всѣ* вопросы, выставленые нами въ первой части; только одно небольшое примѣчаніе мы должны еще здѣсь помѣстить (сравни стр. 45, 6 строку), это именно:

Примѣчаніе.

объ ὁ αὐτός и отношеніи его къ αὐτός.

На пути, по которому мы уже разъ пошли при опредѣленіи значеній обоихъ факторовъ нашего оборота, т. е. словъ ὁ и αὐτός, одинъ только взглядъ изъ существующихъ теперь идетъ намъ *на встрѣчу*, взглядъ, впрочемъ, принадлежащій *не новымъ* грамматикамъ, а тому же Аполлонію Дисколу. Правило его (περὶ συντ. 59) слѣдующее: ἔγκειται μὲν ἐν τῇ αὐτός ἡ ἀναφορά· ὁπήνικα δ' ἑτέρα προσγίνεται, τὸ ἐγκείμενον τῆς ἀναφορᾶς ἐν τῇ αὐτός συμπαραλαμβάνεται διὰ τοῦ ὁ ἄρθρου, δηλοῦντος καὶ αὐτοῦ ἀναφοράν, καὶ οὕτω δίς ἀναφέρεται.

И такъ Аполлоній видитъ въ оборотѣ ὁ αὐτός двѣ анафоры, или обозначеніе *одного и того же—двумя средствами*. Онъ сравниваетъ его въ этомъ отношеніи съ оборотомъ ῥητέροι μᾶλλον, гдѣ другой разъ указано—де словомъ μᾶλλον на то же, что одинъ разъ уже выражено было окончаніемъ τέρος. Въ исправленіе ученія Аполлонія, мы можемъ, на основаніи всего, объясненнаго нами объ ὁ и αὐτός, сказать слѣдующее:

не встрѣчается ὁ ни въ случаяхъ, упомянутыхъ въ текстѣ, ни въ случаяхъ, упомянутыхъ въ выноскѣ выраженія »κεῖνον τὸν κάμμορον« (Од. 2. 351) и „τοῦτον τον ἄναλτον“ (Од. 18. 114.) принадлежатъ къ явленіямъ, розобраннымъ на стр. 126 (въ 14 строкѣ), а выраженіе „αἱ κύνες αἵδε“ (Од. 19, 372) есть соединеніе субституціи съ диксисомъ какъ аппозиціею.

1) Въ оборотѣ ὁ αὐτός слово αὐτός можетъ принадлежать только къ слову ὁ, а не къ слову, которое соединяется синтаксически съ оборотомъ ὁ αὐτός. Въ самомъ дѣлѣ. если бы на пр. изъ словъ ὁ, αὐτός, οἶκος нужно было составить такое выраженіе, въ которомъ αὐτός должно бы принадлежать къ слову οἶκος, или скорѣе къ выраженію ὁ οἶκος, то въ такомъ случаѣ пришлось бы свести разстанову словъ къ выраженіямъ: αὐτός ὁ οἶκος, или ὁ οἶκος αὐτός. Разстановка, которая при существительномъ оказывается единственно возможною, установилась и тамъ, гдѣ существительное отсутствуетъ: говорятъ всегда τὰ αὐτά и τὸ αὐτό, а не αὐτὰ τά или αὐτὸ τό.

2) Αὐτός вошло въ оборотъ ὁ αὐτὸς съ значеніемъ не *первоначальнымъ*, а съ однимъ изъ оттѣнковъ, вычисленныхъ нами въ первой главѣ второй части; это αὐτός есть сильное αὐτός identitatis. Ὁ, встрѣчающееся въ этомъ оборотѣ, анафоруетъ предметъ, удаленный по времени, измѣряемому ходомъ разсказа; оно можетъ быть и пролептическое и эпаналептическое; экстенсивная сила послѣдняго бываетъ при этомъ оборотѣ очень слаба. Такимъ образомъ, употребляя въ рѣчи оборотъ ὁ αὐτός, мы указываемъ слушателю на то, что *предметъ, упомянутый за предѣлами синтаксическаго цѣлаго, вмѣщающаго въ себѣ этотъ оборотъ* (все это высказано въ словѣ ὁ), *остается* (это высказано въ словѣ αὐτός) такимъ факторомъ этого же синтаксическаго цѣлаго, какимъ онъ былъ въ томъ синтаксическомъ цѣломъ, изъ котораго онъ анафорируется. Переводить оборотъ ὁ αὐτός мы будемъ правильно черезъ *тотъ* (ὁ)—*же* (αὐτός). На сколько *же* способно соотвѣтствовать греческому αὐτός, мы видимъ изъ симазіологическаго сопоставленія частицы δή—а δὴ соотвѣтствуетъ значенію слово же—съ корнемъ *ага*, указаннаго на стр. 56. Все сказанное въ этомъ пунктѣ можно провѣрить на слѣд. *двухъ* примѣрахъ:

Ил. 5. 396. τλῆ Ἥρη, ὅτε μιν κρατερὸς παῖς Ἀμφιτρύωνος
δεξιτερὸν κατὰ μαζὸν ὀιστῷ τριγλώχινι
βεβλήκει· τότε καί μιν ἀνήκεστον λάβεν ἄλγος·
τλῆ δ' Ἀΐδης ἐν τοῖσι πελώριος ὠκὺν ὀιστόν,
εὖτέ μιν αὐτὸς [88]) ἀνήρ, υἱὸς Διὸς αἰγιόχοιο,
ἐν Πύλῳ ἐν νεκύεσσι βαλὼν ὀδύνῃσιν ἔδωκεν.

Од. 7. 55. Ἀρήτη δ' ὄνομ' ἐστὶν ἐπώνυμον, ἐκ δὲ τοκήων
τῶν αὐτῶν, οἵπερ τέκον Ἀλκίνοον βασιλῆα.

Читателю извѣстно указаніе грамматиковъ, что Гомеръ употребляетъ вмѣсто ὁ αὐτός простое αὐτός. Указаніе это относится къ шести мѣстамъ: Ил. 12. 225 и 23. 480; Од. 21. 366, 8. 107, 10. 263, и 16. 138. (см. Lexicon Hom. ed. Ebeling). Чтобы коснуться этого указанія, мы поставимъ себѣ об-

[88]) Можетъ быть, лучше писать ὁ αὐτός и читать синѣцезизомъ; сравни 70 выноску.

щій вопросъ: на сколько ὁ αὐτός *могло* быть замѣнено простымъ словомъ ὁ и на сколько простымъ αὐτός?—

Отвѣтимъ прежде на первую часть этого вопроса. Разница между ὁ и ὁ αὐτός можетъ состоять лишь въ томъ, что ὁ прежде всего заставляетъ насъ *отыскивать только* предметъ въ другомъ мѣстѣ текста, а ὁ αὐτός съ выразительностью указываетъ на повторяемость появленія одного и того же предмета какъ фактора двухъ разныхъ логическихъ сужденій, какъ того, выраженіемъ котораго служитъ текстъ, вмѣщающій въ себѣ оборотъ ὁ αὐτός, такъ и сужденія, выраженнаго въ текстѣ, изъ котораго анафоруется предметъ. Вотъ что кажется намъ удобнымъ предложить читателю для провѣрки этихъ нашихъ словъ. Говорятъ на пр. такъ: Κρίτων πάντα ἐδίδου Σωκράτει πρὸς τὴν χρείαν· ἐπεὶ δὲ ὁ φιλόσοφος ἔφευγε, πολλά ἔπραττε ὁ αὐτὸς μαθητής, ὅπως σώσει τὸν διδάσκαλον. Поставимъ вмѣсто ὁ αὐτὸς μαθητής просто ὁ μαθητής и обобщимъ схематически какъ примѣръ съ ὁ αὐτὸς μαθητής, такъ и примѣръ съ ὁ μαθητής. Схематическое обобщеніе послѣдняго будетъ слѣдующее: A (т. е. дѣйствіе πολλὰ πράττειν) имѣетъ извѣстное отношеніе къ B (т. е. μαθητής), вмѣсто же B (μαθητής) можно поставить C (Κρίτων). Совсѣмъ другимъ оказывается схематическое обобщеніе перваго примѣра. Тамъ говорится такъ: B, или же одинаковое съ нимъ C (Κρίτων или μαθητής), имѣетъ отношеніе не только къ A (πολλὰ πράττειν), но и къ D (πάντα διδόναι πρὸς χρείαν); ὁ μαθητής, какъ особый видъ анафоры, вызываетъ на простую субституцію, а ὁ αὐτὸς μαθητής на сопоставленіе двухъ разныхъ логическихъ сужденій [87]).

Разница, выставленная нами между ὁ μαθητής и ὁ αὐτὸς μαθητής, если она только вѣрно подмѣчена, важна конечно сама по себѣ, какъ уясненіе двухъ оборотовъ, сосѣднихъ въ классификаціи явленій языка, но не такъ чувствуется иногда ея значеніе въ *результатахъ*, достигаемыхъ въ рѣчи первымъ и вторымъ оборотомъ. Простая субституція (сравни страницу 106 строку 4) не рѣдко ведетъ насъ къ *повторенію* въ нашемъ мышленіи логическаго сужденія, высказаннаго о предметѣ въ томъ текстѣ, изъ котораго анафоруется (сравни стр. 104, 8 строку снизу) предметъ. Такимъ образомъ результаты, достигаемые въ рѣчи оборотомъ ὁ ματηθής и ὁ αὐτὸς ματηθής отстоятъ другъ отъ друга на столько, на сколько отстоитъ одновременное мышленіе двухъ разныхъ логическихъ сужденій отъ логическаго ихъ сопоставленія. Послѣднее (сопоставленіе) очень важно (а тогда ὁ αὐτός не замѣнимо простымъ ὁ), когда два исторически *совершенно* разнородныхъ (смотри приведенный нами примѣръ Ил. 5. 396), или даже противорѣчащихъ другъ

[87]) Сказанное нами до сихъ поръ во второмъ пунктѣ уясняетъ и пополняетъ конецъ 37 выноски.

другу (προύδωκε τήν πατρίδα ὁ αὐτὸς ἀνήρ, ὅς αὐτὴν πρότερον ἐφίλει) дѣйствія *отнесены*, *противъ всякаго предположенія*, къ одному и тому же лицу.

Переходимъ къ отвѣту на вторую половину поставленнаго выше вопроса. Сравнивъ все, сказанное нами выше по поводу первой половины нашего вопроса, съ тѣмъ, что сказано на стр. 43 (19 строка) о сильномъ αὐτός identitatis, мы можемъ отвѣтить на вторую половину нашего вспроса кратко. возможность замѣны цѣлаго оборота ὁ αὐτός зависитъ отъ уничтоженія необходимости *анафоровать* предметъ, на который указываемъ какъ на относящійся къ двумъ разнымъ сужденіямъ; дѣйствительно, уничтоживъ необходимость анафоры, мы совсѣмъ переходимъ на почву примѣровъ, приведенныхъ нами на стр. 43 подъ αὐτός identitatis.

Только уничтоженіемъ необходимости производить анафору мы объясняемъ себѣ пока два изъ шести вышеуказанныхъ гомерическихъ мѣстъ, именно Ил. 23. 480 и Од. 8. 108.
Въ первомъ изъ нихъ читаемъ:

ἵπποι δ' αὐταὶ ἔασι παροίτεραι, αἳ τὸ πάρος περ,
Εὐμήλου·

второе изъ нихъ слѣдующее:

ἦρχε δε τῷ αὐτὴν ὁδόν, ἥνπερ οἱ ἄλλοι
Φαιήκων οἱ ἄριστοι.

Мы видимъ, что постановка слова ὁ, при которой наше αὐτος перемѣнилось бы въ оборотъ ὁ αὐτός, оправдывалась бы только пролептическимъ анафорированіемъ относительнаго предложенія; но что въ подобныхъ случаяхъ можно обойдтись и безъ ὁ, на это мы указали на стр. 121.

Аттическій языкъ поставилъ бы тутъ, конечно, ὁ αὐτός (а можетъ быть мѣста, о которыхъ мы говорили на стр. 47, въ 4 и слѣд. строкахъ, надобно считать *одинаковыми* съ приведенными здѣсь 2-мя примѣрами изъ Гомера), потому что онъ любитъ въ большей степени, чѣмъ Гомеръ, пролептически анафоровать черезъ ὁ относительныя предложенія. Мало того: онъ анафоруетъ и тѣ обороты, которые произошли изъ *сокращенія* относительныхъ предложеній (говоритъ напр. τὸ αὐτὸ ἔχω σοί вмѣсто τὸ αὐτὸ ἔχω, ὅπερ καὶ σύ), а также и тѣ, въ которыхъ всѣ слѣды относительнаго предложенія пропали (εἰσέβαλον εἰς τὴν πόλιν, καὶ νικηθέντες ἀπεχώρησαν τὴν αὐτὴν ὁδόν), тогда какъ Гомеръ, отправляясь отъ возможности *не* анафоровать относительныя предложенія, не ставитъ анафоры и тамъ, гдѣ относительныхъ предложеній вовсе нѣтъ. Послѣднимъ мы объясняемъ остальныя гомеровскія мѣста, на которыя указано нашими грамматиками какъ на уиотребляющія αὐτός вм. ὁ αὐτός. Мѣста эти суть:

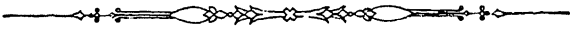
Ил. 12. 225: οὐ κόσμῳ παρὰ ναῦφιν ἐλεύσομεθ' αὐτὰ κέλευθα.

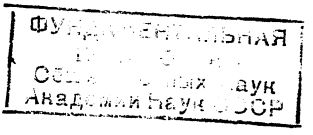
Од. 10. 263: τὸν δ' ἄψ ἠνώγεα αὐτὴν ὁδὸν ἡγήσασθαί.

Од. 16. 138: ἦ καὶ Λαέρτῃ αὐτὴν ὁδὸν ἄγγελος ἔλθω.

Од. 21. 366: ὣς φάσαν, αὐτὰρ ὁ θῆκε φέρων

αὐτῇ ἐνὶ χώρῃ. (По русски переводятъ слова αὐτῇ ἐνὶ χώρῃ, совершенно согласно съ гомеровскимъ выраженіемъ, словами *на мѣстѣ же* а не *натомъ же мѣстѣ*).





Поправки:

на стр.	въ строкѣ.	вмѣсто:	слѣдуетъ читать:
3	15 св.	оно относится	они относятся
10	11 „	Хоребоскъ	Херобоскъ
„	7 сн.	ῥήτατος	ῥήματος
17	16 „	Ἀφροδίτη	Ἀφροδίτη
18	23 св.	αὐτὸς	ὁ
20	8 сн.	διόριχον	διορίχον
22	6 св.	praecipiis	praecipuis
22	7 „	distinquatur	distinguatur
25	14 „	οἰσόχε	εἰσόχε
„	18 „	ἔδοται	ἔδονται
34	10 сн.	нрава	право
39	9 св.	ἐρεσσάσθω	ἀρεσσάσθω
47	11 „	λεκτόροις	λέκτροις
50	2 сн.	асневы	основы
51	6 „	Δάρδανοος	Δάρδανος
56	13 „	терминовъ	термины
64	23 „	od	ad
„	21 „	Dindorfus	Dindorfius
„	20 „	подтверждаютъ	подтверждаетъ
72	1 „	сродства	средства
77	1 св.	ἀργυρέοισιν	ἀργυρέοισιν
94	24 „	*затѣмъ*	*слѣдующій*
100	16 „	μισιθόν	μισθόν
101	1 „	слушателя	слушателю
108	2 сн.	ἐθέριχε	ἐρέθιχε
109	6 св.	κλίοντας	κλαίοντας
„	7 сн.	анафорическомъ	субституціональнымъ
114	15 „	иоаклійскомъ	иоакейскомъ
116	15 „	πομένα	ποιμένα
118	3 св.	въ	къ
127	13 сн.	съ цѣлою	съ цѣлью
128	15 „	жи́жни	жизни